

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

У МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

24–26 МАРТА 2021 Г.

СЕВАСТОПОЛЬ
2021

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

V Международной научной конференции

«ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

24–26 марта 2021 г.

**ПОТЁМКИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Севастополь – 2021

ПУБЛИКУЕТСЯ

по решению программного комитета V Международной научной конференции «Потемкинские чтения».

РЕЦЕНЗЕНТЫ

С.Л. Данильченко

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры «История»
Севастопольского государственного университета

Е.Н. Максимова

доцент, доктор политических наук, профессор кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение»
Севастопольского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. Косов

профессор, доктор политических наук, заведующий кафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение»
Севастопольского государственного университета,
(главный редактор)

Е.Е. Бойцова

доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «История», заместитель директора Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (заместитель главного редактора)

В.В. Хапаев

кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», заместитель директора Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (заместитель главного редактора)

С.И. Рубцова

старший научный сотрудник, кандидат биологических наук, заместитель директора по научной работе Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета (заместитель главного редактора)

М.Н. Козлов

доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Севастопольского государственного университета

Т.В. Вакулова

кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета

Э.Р. Шихаметова

заместитель начальника отдела проектного развития Института развития города Севастопольского государственного университета (технический редактор)

А.А. Вахонеева

специалист по УМР базовой кафедры «Музейное дело и охрана памятников историко-культурного наследия»
Севастопольского государственного университета
(ответственный секретарь)

С 23 Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» (24–26 марта 2021 года, г. Севастополь) / Под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева и др. – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2021. – 209 с.

ISBN 978–5–6045525–2–0

Сборник содержит материалы докладов участников V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» по истории, археологии, политологии, международным отношениям.

Для ученых, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется новейшими научными достижениями в области общественных наук и международных отношений.

ISBN 978–5–6045525–2–0

9

785604 552520

**УДК 930
ББК 63
С 23**

© Севастопольский государственный университет, 2021 г.
© Коллектив авторов, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Марино И.</i> Проблемы разработки Конституции: опыт России начала 90-х годов XX века.....	10
<i>Дерюгин П.П., Ярмач О.В., Салфетник К.А., Баннова О.С.</i> Новая история постковидного мира: рынки без предпринимателей и производителей? (по материалам эмпирического исследования студенчества).....	12

СЕКЦИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ»

<i>Бочаров С.Г.</i> Археологические свидетельства торговых связей Дальнего Востока и Восточной Европы в XIV в. (на примере одной группы керамики).....	14
<i>Бочаров С.Г.</i> Изучение исторической географии Крымского полуострова в XIII – XV веках в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований	16
<i>Глушич А.М.</i> Годичный цикл спортивных состязаний на константинопольском ипподроме.....	18
<i>Головко Д.Ю.</i> Концепция поздней античности в западной историографии.....	20
<i>Кравченко И.В.</i> Социально-экономическое положение Крымского ханства в XV – начале XVI вв.	22
<i>Матросов М.А.</i> Об античных истоках особенностей характера дезинтеграции Римского государства в IV–VII вв.	24
<i>Осипов К.А.</i> Экономические связи Херсонеса с Древним Римом	26
<i>Сапронова К.А.</i> История и современное состояние средневековой крепости «Алустон»	28
<i>Хапаев В.В.</i> Графические эмблемы цирковых партий в Византийской Империи ...	30

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

<i>Белоусова А.И.</i> Участие болгарского населения в Русско-турецких войнах XIX века (до окончания Крымской войны).....	34
<i>Князев М.А.</i> К вопросу о причинах назначения генерала В.Н. Воейкова дворцовым комендантом Николая II (1913 г.)	36
<i>Комогаев В.С.</i> Роль Израиля в процессе формирования политической системы Сирии с 1948 года по 1970 год.....	38
<i>Пучков В.М.</i> ТОСЭР как элемент реализации региональной политики.....	40

<i>Чибисова А.А.</i> К вопросу о переговорах Польского правительства с Константинопольским патриархатом об автокефалии польской православной церкви.....	42
<i>Щевелев С.С.</i> История Палестины в трудах крымских востоковедов Р.А. Близнякова и Д.А. Малышева.....	44
<i>Шпаковская М.А.</i> Миссия русской эмиграции в Праге. 20-е гг. XX века.....	46

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

<i>Бойцова Е.Е.</i> Восстановление экономики Севастополя после Первой героической обороны города в годы Крымской войны.....	48
<i>Вахонеев В.В., Соловьев С.А.</i> Добыча гранита на берегу залива Балтиец под Выборгом в XIX в. по материалам археологических исследований 2020 г.....	52
<i>Дмитриева В.В.</i> Система управления Новороссией в конце XVIII – первой половине XIX в.: характерные черты и основные результаты.....	53

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»

<i>Дубковская О.О.</i> Разрешение на реэвакуацию коллекции Севастопольского художественного музея после Великой Отечественной войны из Томска в Севастополь.....	55
<i>Ильичев А.В., Ирхин А.А.</i> Зарождение частных военных компаний Великобритании и США.....	56

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

<i>Анисимова А.П.</i> Русские и еврейские диаспоральные и религиозные институты: влияние на межкультурный диалог РФ и Израиля в 2000–2020 гг.....	58
<i>Говедарица П.П.</i> Культура различных обществ. Цивилизация. Побережье Крыма как колыбель эстетики и философии русских писателей начала XX века. Максимилиан Волошин.....	60
<i>Гусейнова Г.К.</i> Государственная политика по отношению к религии у тюркоязычных народов в постсоветский период.....	62
<i>Скрупская Е.А., Смирнова Т.В.</i> Инновационные аспекты экспозиционного дизайна как феномена социокультурной коммуникации.....	64
<i>Ильичев А.А., Ситало М.С.</i> История возникновения и развития шотландского национального костюма.....	66
<i>Чугунов С.В.</i> Проблема культуры в отечественной философии начала XX века.....	68

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ И КРЫМА»

<i>Белоглазов Р.Н.</i> Историография экономического развития Севастополя в новейшее время.....	69
<i>Борисов С.Д.</i> Источники и методология изучения биографий ветеранов Великой Отечественной войны, участвовавших в создании и развитии вузов города Севастополя	71
<i>Васейкина Н.А.</i> Этимология названий балок Севастополя	74
<i>Лобков А.Е.</i> Воспоминания Е.А. Прониной как источник по истории Севастополя .	75
<i>Масленникова В.А.</i> «Жертвы внезапно вспыхнувшей страсти»: проблема инфантицида на территории Таврической губернии конца XIX – начала XX вв.	77
<i>Моргунов К.Г.</i> Становление земской медицины в Таврической губернии.....	80
<i>Осиповский С.Н.</i> События Второй обороны Севастополя 1941–1942 гг. в монографии Мунго Мелвина «История Крыма и Севастополя».....	82
<i>Пикалов Ю.Н.</i> Объект «КРОТ» – подземная электростанция Севастополя	84
<i>Семенихина Н.В.</i> Последние защитники 35-й береговой батареи	86
<i>Сердалиева Д.А., Угрюмова А.М.</i> Особенности экскурсионного показа объектов храмовой архитектуры в Херсонесе Таврическом	88
<i>Шихаметова Э.Р.</i> Источники по истории Северного Крыма конца XVIII–XIX века .	90
<i>Ярмак О.В.</i> Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ российского медиапространства	93

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

<i>Агазаде М.М.</i> Политика Турции в Восточном Средиземноморье	95
<i>Боронина А.С.</i> Образ «другого» в современных международных отношениях.....	97
<i>Мишин В.В.</i> «Диффузия» демократических ценностей как причина «цветных революций» в западной историографии	99
<i>Нелина Л.П.</i> Восточноевропейский нарратив в современном европейском дискурсе памяти	101
<i>Новикова М.О.</i> Политическая легитимность в региональном аспекте в условиях пандемии	104
<i>Онопко О.В.</i> Государства Черноморского региона в политической картине мира экспертов Национального института стратегических исследований Украины	106

СЕКЦИЯ «ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА»

<i>Анчев С.И.</i> Балканы как часть региональной и глобальной политики	108
<i>Байша Н.С.</i> Удаленный труд и предпенсионеры: неопределенность в настоящем и надежда на успешное будущее.....	110
<i>Бебешко Е.В.</i> Геополитический баланс в XXI веке. Возрастание значения национальных государств в мировой экономике и политике	112
<i>Галдилов Г.Д., Левицкая Е.А.</i> Город-курорт Анапа в контексте русско-турецких отношений: от теории к практике.....	114
<i>Галяс И.А.</i> Историческая память как хронотоп исторического сознания	116
<i>Демешко Н.Э.</i> Крымско-татарский вопрос в исследованиях западного экспертно-аналитического сообщества.....	119
<i>Евтушенко К.В.</i> Образовательное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках шанхайской организации сотрудничества	121
<i>Киевец С.Е.</i> Крым в российско-украинских отношениях (1991–2014 гг.)	123
<i>Князев А.А.</i> Формы и методы воздействия легализации информационных вбросов на примере I этапа «Дела Скрипалей».....	126
<i>Ким М.А., Маркин М.Е.</i> Способы и пределы адаптации экскурсионного бизнеса Черноморского побережья России к пандемии коронавируса	128
<i>Миргород Д.А.</i> Столкновение нарративов на Ближнем Востоке:.....	130
<i>Михайлова А.Г.</i> Историко-краеведческое направление в рамках концепции патриотического и духовно-нравственного воспитания населения в Республике Крым.....	131
<i>Надеждина Е.В., Чефанова Е.И.</i> Лето 2020 на Черноморском побережье России: социальный портрет отдыхающих на фоне пандемии коронавируса COVID-19.....	134
<i>Нестерук А.В.</i> Проектная деятельность как одна из форм работы со студенческой аудиторией (на примере зарубежных музеев).....	136
<i>Николенко Н.А., Ситникова Я.И.</i> Сотрудники НКО социального обслуживания населения предпенсионного возраста в условиях пандемии	138
<i>Павлова М.О.</i> Подходы к теории социальной мобилизации в отечественной историографии.....	140
<i>Плащинский А.А.</i> Проект концепции преемственного развития Республики Беларусь в условиях установления нового мирового порядка	142
<i>Романов Н.А., Губанова Ж.А.</i> Место и роль библиотеки в системе современного высшего образования (на примере научной библиотеки КФУ им. В.И.Вернадского).....	144

Материалы докладов студентов бакалавриата и специалитета

СЕКЦИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ»

<i>Аганин А.Р.</i> Влияние трансформации вооружения и амуниции египетской армии на военную тактику египтян в эпоху XVIII династии	147
<i>Балаева Л.А.</i> Письменные источники о сенате Римской Империи в эпоху домината.....	149
<i>Маевский Д.Е.</i> Древнеегипетская религиозная традиция и христианская инкультурация	151
<i>Сабельников М.А.</i> К вопросу о причинах внешнеполитических неудач Египта в правление Эхнатона.....	153

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

<i>Иванченко А.В.</i> Отношение народа Крыма к советской власти на примере Советской Социалистической Республики Тавриды	156
<i>Катрушенков М.В.</i> Крымскотатарский вопрос при правительстве А.В. Кривошеина в 1920 году.....	158
<i>Лебедь Н.И.</i> Особенности манипулирования исторической памятью в информационную эпоху	160
<i>Степанов А.Ю.</i> Роль личности Бориса Годунова в событиях смутного времени и российской истории в целом	162

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

<i>Зуева А.А.</i> Туризм в Большом Средиземноморье	164
<i>Топильская А.А.</i> Финансовые преобразования в период Великой Российской Революции, Гражданской войны и начала НЭПа (1917–1922 гг.)	166

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»

<i>Андреева А.И.</i> Заблоцкий Павел Иванович: жизненный путь и вклад в сохранение памяти об участниках Великой Отечественной войны в Севастопольском приборостроительном институте	168
---	-----

<i>Бараненко П.А.</i> Византийско-венгерская война 1161–1167 годов в Отечественной историографии.....	170
<i>Демкин Т.М.</i> Изменение военной тактики греков и македонян в ходе войн с персами V–IV вв. до н.э.	172
<i>Мейер Д.Е.</i> Днепровская военная флотилия в Берлинской наступательной операции 1945 года	175
<i>Шрамко А.А.</i> Пластуны Черноморского казачьего войска в период обороны Севастополя 1854–1855 годов.....	177

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

<i>Середа О.Н., Широкова Е.В.</i> Культурное наследие Израиля.....	179
--	-----

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ И КРЫМА»

<i>Горбачева А.Ю., Дмитриева В.В.</i> Единая трудовая школа в Севастополе в 1921–1925 годах.....	181
<i>Лекарева В.Д.</i> Александр Иванович Доценко: боевой путь от курсанта до инженер-капитана I ранга и кандидата технических наук	183
<i>Лекарева В.Д.</i> Вклад профессора И.К. Бондаренко в развитие кафедры радиоэлектроники и телекоммуникаций Севастопольского приборостроительного института.....	185
<i>Мещанинов Я.В.</i> Крепость Керчь – южный форпост России после Крымской войны.....	187
<i>Николаева М.Ю.</i> Роль ветерана Великой Отечественной войны инженер-капитана I ранга В.М. Руденко в развитии Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища.....	189
<i>Самойлов И.К.</i> Мемуары И.Д. Папанина как источник по истории революционного движения и Гражданской войны в России.....	192

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

<i>Агеева А.А.</i> Особенности и проблематика современной электоральной системы Испании	194
<i>Исраилов А.М.</i> Чеченская диаспора в политической жизни Иордании.....	197
<i>Мороз Д.В.</i> Идеологические основания сербского национализма второй половины XIX – начала XX вв.	199

<i>Павленко М.Г.</i> Парадигмы изучения национализма	201
<i>Прохоров Н.С.</i> Польские геополитические проекты для региона центрально-восточной европы в XX – начале XXI вв.	203

СЕКЦИЯ «ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА»

<i>Зубко И.А., Нехведович Д.Е.</i> Факторы и проблемы развития городской логистики	205
<i>Литвинова В.А., Ляпина Е.Е.</i> Роль образования в решении проблем современного мира.....	207

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94(470)+342

Марино И.

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ КОНСТИТУЦИИ: ОПЫТ РОССИИ НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА¹

*Фонд «Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa»,
г. Неаполь, Италия*

Потенциально возможные «дефекты» конституционных норм могут быть многочисленными и разнообразными, и разработчик Конституции обязан обратить на них особое внимание. Документ, материалы, но особенно стенограммы Конституционной комиссии (КК) [1] и Конституционного Сопения [2] стали предметом нашего скрупулезного анализа. Нам было важно уточнить, какие именно в начале 90-х годов обнаружались разработчиками Конституции РФ возможные слабые моменты в конституционных нормах. Чем руководствовались разработчики конституционных, что их особенно настораживало, к чему они стремились, какие высказывались редакционные пожелания, как отклонялись некоторые поправки как не имеющие нормативного выражения, как и почему переформулировались статьи. Какие приводились аргументы и контраргументы, как они представляли себе возможные последствия возникновения «дефектных» конституционных норм.

Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин (1991–1993, с 2003) сказал об этом так: «Автор нормативного текста должен чувствовать себя в определенном смысле шахматистом: он должен предугадывать ходы правоприменителей, направленные на то, чтобы нивелировать положительный эффект разрабатываемого им нормативного регулирования» [3, с. 193].

Бывший член Конституционного Суда В.О. Лучин², (консультант проекта Конституции РФ от группы народных депутатов РСФСР «Коммунисты России»), утверждал: «Конституционные нормы в целом отличаются точностью и выверенностью, четкостью и ясностью формулировок. Уже в процессе подготовки проекта Основного закона происходит как бы предварительное толкование его норм, устраняются возможности их неоднозначной, тем более противоречивой интерпретации» [4, с. 106].

К обнаружению и устранению двусмысленностей и размытости формулировок разработчики Конституции всячески стремились.

Вот – один из таких примеров: А.И. Вольский, обращаясь к С.С. Алексееву, подчеркнул: «... разночтение нельзя допускать в Конституции... вот первая часть статьи 73, страница 103 первого тома: “Президент непосредственно производит назначение на высшие государственные должности или представляет...”, – “или” в Конституции абсолютно недопустимо. Из-за расширительного толкования это нужно снять» [2, т. 6, с. 422].

Не случайно эксперт Конституционной комиссии В.И. Лафитский, которому было предложено подготовить заключение по вопросу о степени готовности проекта Конституции, который дорабатывался на Конституционном Сопении к всенародному голосованию, дал следующий комментарий: «Многие нормы нуждаются в редакционной доработке. В том виде, в котором они существуют, они вряд ли

¹ Автор выражает признательность профессору Вере Иерарди, доценту курсов русского языка и спецсеминаров «секториальные языки: русский язык в СМИ, русский язык для политологов» Государственного неаполитанского Университета “Università degli Studi di Napoli “L’Orientale” за бесценные рекомендации.

² Тогда В.О. Лучин был доцентом кафедры государственного права Московской высшей партийной школы. Среди других научных консультантов были: С.А. Авакьян, Д.А. Ковачев, Б.С. Крылов [1, т. 5., с. 548].

будут восприняты избирателями. Необходимо сделать текст Конституции более простым и доступным. Для этого необходимо убрать лишние детали, изложить нормы более четко и ясно, стереть налет технократической обработки конституционных норм...» [1, т. 6., с. 826].

Некоторые из разработчиков Конституции обращали внимание на конкретные функциональные проблемы, например: неработающие нормы, иррациональные, аморфные положения, многозначность некоторых терминов. Их беспокоили т.н. «мертвые нормы», которые действуют, но не реализуются в конкретных правоотношениях, несовершенные, малоэффективные нормы, слишком лаконичные положения. Дискутировали о «лозунговости» отдельных положений.

Встречались в проекте Конституции проблемы, относящиеся к языковой сфере: технически не совершенные, трудночитаемые и малопонятные. Бывали терминологические неувязки, тавтологии, отсутствовала унификация терминов. Необходимо было избавляться от синонимов, архаизмов, повторов.

Обсуждалась проблема новых правовых понятий, которые могут появиться в Конституции. Пытались бороться с терминами, не входящими в юридический обиход. Необходимо было максимально избегать использования иностранных терминов, например, «апартеид», «геноцид», «спонсорство». Сделать это удалось после жарких дебатов. Экспертам пришлось бороться против чрезмерной перегруженности конституции второстепенными положениями.

Разработка Конституции России 1993 года была делом не только политиков и юристов-конституционалистов. Ценный и конструктивный вклад в формирование ее содержания и его текстуального оформления внесли специалисты в области русского языка, переводчики, редакторы, корректоры, и многие другие специалисты.

Литература

1. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы. (1990-1993 гг.). Под общей редакцией О. Г. Румянцева. В 6 томах. М., 2007.
2. Конституционное Соповещение. Стенограммы, материалы, документы (29 апреля – 10 ноября 1993 г.) / Под общей редакцией С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко. М., 1995.
3. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.
4. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002.

Дерюгин П.П. , Ярмач О.В.** , Салфетник К.А.* , Баннова О.С.****

НОВАЯ ИСТОРИЯ ПОСТКОВИДНОГО МИРА: РЫНКИ БЕЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ? (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА)¹

**Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

****Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ), г. Санкт-Петербург*

Постковидная ситуация поставила перед рынком труда много новых проблем, главная из которых заключена в существенном сокращении тех рабочих мест, на которые ориентируются выпускники технических и гуманитарных университетов [1]. По прогнозам аналитиков, на новом («оцифрованном») рынке труда существенно сократятся многие традиционные рабочие места специалистов с высшим образованием самых различных профилей. Все чаще востребованными оказываются только высококвалифицированные авторитетные специалисты со значительным опытом работы. В этих условиях особое значение начинает играть стремление, желание и способность самих выпускников открывать свое дело, реализовывать свои инновации и бизнес-идеи, внедрять собственные технологии и разрабатывать авторские проекты. В значительной степени такие цели деятельности на рынке определяются предпринимательскими ценностными ориентациями студентов, как непреходящими ценностями рыночной экономики [2].

Исследование. В исследовании использован метод свободных ассоциаций [3], [4] на основе контент-анализа текстов эссе, которые были написаны студентами инженерного факультета (n=197), факультета социологии (n=68) и института журналистики (n=116). Все показанные группы респондентов ответили на вопрос о своих представлениях о рыночных ценностях современного российского общества. Исследование проведено в феврале-марте 2021 г.

Результаты. Респондентами использовано более 2,7 тыс. слов (тегов), которые характеризуют рыночные ценности. Эти ценности выстроены в иерархической последовательности по частоте использования. Семантическое ядро представлений о рыночных ценностях составили пять понятий: свобода, конкуренция, человек, товар, выбор [5]. Обобщенные данные представлений о ценностях рыночного общества приведены в таблице № 1 Рейтинги основных ценностей рынка.

Таблица №1. Рейтинги основных ценностей рынка

Рейтинги	Ценности рынка
Первый уровень	Свобода, Конкуренция, Человек
Второй уровень	Рынок, Экономика, Товар, Рыночные отношения, Выбор
Третий уровень	Потребитель, Собственность, Государство
Четвертый уровень	<i>Предпринимательство, Продавец, Производство, Деятельность</i>
Пятый уровень	<i>Труд, Работа, Компания, Капитал, Цена, Выгода, Жизнь</i>

Совпадение рейтингов основных ценностей рынка у студентов различных профилей подготовки (инженер, социолог, журналист) оказалось существенным, корреляция 0,8 – 0,9, т.е. различия в представлениях о ценностях рынка мало зависят от профиля подготовки студентов, чаще они совпадают. В том числе это характерно

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 19-29-07443/19.

для студентов-респондентов социогуманитарного профиля [6] и инженеров. Существенными оказались различия в понимании рыночных ценностей между российскими и китайскими студентами, обучающимися в российских университетах [7], как, впрочем, такие различия были зафиксированы и в системе ценностей в сравнении со студентами из других (латиноамериканских) стран, где опыт рыночных отношений оказался более длительным [8].

Выводы.

1. Восприятие рыночных ценностей студентами российских университетов прежде всего связано с пониманием свободы, свободного человека, пониманием общества, как социума, который предоставляет человеку всяческие возможности для удовлетворения потребностей («Я считаю, что ценности рыночного общества в потребителе, а точнее в свободе слова, свободе человека в целом. Общество должно удовлетворять малейшую его прихоть»). По-существу, это позиция близкая к позиции вульгарного либерализма.

2. Значительно менее важными ценностями определяются те из них, которые характеризуют рыночное общество, как общество производителей, предпринимателей, людей, чей человеческий капитал (труд, работа, результат) нацелены на воспроизводство товаров и услуг, развитие инноваций и реализацию проектов в общем - на экономический подъем. Однако, без этих ценностей рынок превращается в свободу бездельников и туеядцев.

Полученные результаты эмпирического исследования фиксируют проблемную ситуацию с пониманием рыночных ценностей [9] и позволяют наметить стратегические направления учебной и воспитательной работы со студенчеством, а также разрабатывать актуальные технологии для формирования предпринимательских ценностей как решающего условия самореализации в пространстве современного рынка труда и занятости молодежи.

Литература

1. Демина И.Н. Ценности рыночной экономики как «Ядро» экономической массовой коммуникации // Известия БГУ. 2013. № 2.
2. Дерюгин П.П., Колесникова Ю.А. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 230–235.
3. Дерюгин П.П., Самарина Е.А. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 8. С. 87–105.
4. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Цзинь Ц., Шиляева А.С. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 267–271.
5. Иванова Н.А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. № 3.
6. Медведева Г.П. Изменение ценности человека в современном российском обществе // Право и практика. 2019. № 4.
7. Мещерякова И.А. Трудовые ценности и интересы наемных работников в советской и рыночной экономике // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2016. № 5 (187).
8. Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология. 4. М., 2007. № 24. С. 149–168.
9. Феномен рыночного хозяйства и его непреходящие ценности // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 3.

СЕКЦИЯ «Цивилизации Средиземноморья и Причерноморья в древности и Средневековье: история и археология»

УДК 902/904

Бочаров С.Г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XIV В. (НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ ГРУППЫ КЕРАМИКИ)¹

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Торговые связи между Китаем и странами Средиземноморья в XIII–XV вв. известны по данным письменных источников. Одними из важнейших транзитных пунктов этой коммерческой активности в Восточной Европе были города Золотой Орды. Из Китая на рынки Южной Европы поступали: шелк сырец, специи, драгоценные камни [5, с. 75, 85, 87]. В докладе рассмотрены материальные свидетельства трансконтинентальных торговых связей между отдаленными друг от друга регионами средневекового мира Дальнего Востока и Восточной Европы на примере находок редкой группы китайской керамики – цычжоу. В качестве показательного примера выбраны сосуды, обнаруженные в ходе археологических исследований Царевского городища (по мнению Г.А. Федорова-Давыдова города Новый Сарай, одного из столичных центров Золотоордынского государства) [6, с. 20–24].

Царевское городище расположено в Волгоградской области на территории Ленинского муниципального района восточнее села Царев, на левом берегу притока Волги – реки Ахтуба. Публикуемые фрагменты китайской керамики найдены в ходе археологических исследований, осуществленных Поволжской археологической экспедицией [4, с. 72]. Эта экспедиция под руководством Г. А. Федорова-Давыдова изучала Царевское городище с 1959 по 1972 гг. и в 1973 г. [3, с. 33].

Коллекция, в которой находятся интересующие нас фрагменты китайской керамики, хранится в Археологическом музее Казанского федерального университета [1, с. 32]. В составе коллекции представлены материалы шести участков, исследованных с 1963 по 1968 гг. в восточном пригороде Царевского городища [2, с. 130]. Сводный раскоп получил наименование «три усадьбы» [7, с. 68–171]. Культурные напластования, зафиксированные в раскопе, датированы периодом с 1340 по 1395 гг. Общая площадь раскопа составляла около 3000 кв. м. [8, с. 89, 113].

Среди всего массива керамических материалов раскопа «три усадьбы», которым изучался восточный пригород Царевского городища, были выделены три фрагмента сосудов цычжоу. Два мелких фрагмента стенок (размер 1,0 x 2,0 см, при толщине 0,4 см). Один из них по обеим поверхностям покрыт прозрачной глазурью по белому ангобу; у второго фрагмента по внешней поверхности сохранился участок росписи коричневой краской под прозрачной глазурью, внутренняя поверхность покрыта черно-коричневой глазурью. Третий фрагмент (размер 3,0 x 5,0 см, толщина стенки 1,0 см) – венчик с петельчатой ручкой тарного сосуда, возможно, винной вазы. Прозрачная глазурь нанесена по обеим поверхностям по белому ангобу, край венчика украшен полосой коричневой глазури. Свое название эта керамика получила от мастерских, находившихся в провинции Хэбэй на северо-востоке Китая.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00240 «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961-1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея»).

Наличие керамики группы цычжоу в материальном комплексе, связанном с повседневной жизнью крупного золотоордынского города, является еще одним показателем наличия развитых торговых связей между двумя отдаленными регионами средневекового мира Восточного Китая и Восточной Европы.

Литература

1. Бочаров С.Г. Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью из археологических исследований Царевского городища // Поволжская археология, 2020. № 2 (32). С. 32–39. doi.org/10.24852/ра2020.2.32.32.37.
2. Валиулина С.И., Бочаров С.Г. Химико-технологическая характеристика глазурованной посуды гончарной мастерской Царевского городища // Геоархеология и археологическая минералогия–2020. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В.В. Зайкова (Миасс, 19–20 октября 2020 г.). Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс, Челябинск: Изд. ЮУрГГПУ, 2020. С. 130–135.
3. Глухов А.А. Царевское городище: история изучения: историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 101 с.
4. Дворниченко В.В. Егоров В.А., Зеленева Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.А. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: НИО ГИМ, 2002. С. 71–79.
5. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Рутра, 1995. 225 с.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.
7. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
8. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–125.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XIII – XV ВЕКАХ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В 2020 г. в структуре научно-образовательного подразделения «Центр морских исследований и технологий» Севастопольского государственного университета была создана научно-исследовательская лаборатория «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях». Ее основной задачей является развитие археологической составляющей в гуманитарных исследованиях университета. Одна из приоритетных разрабатываемых тем охватывает период XIII–XV вв. в материальной культуре Крымского полуострова и получила название «Археологическое изучение крымских территорий Византии, Золотой Орды и Латинской Газарии».

Хронологический период XIII–XV вв. выбран не случайно. В XIII в. Византийская Таврика была включена в состав нового монгольского государства, позднее Золотой Орды. Тогда же на Крымском побережье начинают вести торговлю выходцы из Венеции и Генуи, основывая свои поселения. В итоге этого процесса на прибрежных землях Крыма Генуэзская республика сформировала практически отдельное государственное образование. Именно эти три державы – Византия, Золотая Орда и Генуэзская республика определили историческое развитие и как следствие сформировали материальную культуру полуострова в изучаемый период.

Фактически в XIII–XV вв. в материальной культуре полуострова сосуществуют три вектора развития. Первый – традиционный для региона «византийский» и два новых: «латинский» (генуэзский) и восточный (золотоордынский, исламский). Конец этому периоду положило османское завоевание Генуэзской Газарии и княжества Феодоро в 1475 г. На политической карте полуострова осталось только две державы – Османская империя и зависимое от нее Крымское ханство. В следующий период XVI –XVIII вв. «византийский» вектор продолжил существование в материальной культуре греческого (византийского, ромейского) населения полуострова, «латинский» прекратил свое прямое развитие, но отдельные его проявления сохранились, главным образом, в городах. Восточный (исламский) вектор материальной культуры получил дальнейшее развитие и в этот период достиг пика.

Исследования по теме «Археологическое изучение крымских территорий Византии, Золотой Орды и Латинской Газарии» проводятся по трем основным взаимосвязанным направлениям с применением возможностей цифровых технологий по принципу от общего к частному. Первое направление – это изучение исторической географии Византийской Таврики, Крымского улуса Золотой Орды и части Латинской Газарии – владений Генуэзской и Венецианской республик на полуострове. Второе направление – изучение исторической топографии городов, поселений и других археологических объектов этих государственных образований. Третье направление – исследование отдельных архитектурных объектов и археологических находок, связанных с различными векторами развития в средневековой материальной культуре полуострова.

Целью этого доклада является обзор результатов, достигнутых сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ в изучении первого направления, а именно в исследованиях исторической географии Крымского полуострова XIII–XV вв. и определение хода дальнейших исследований. Существенный задел сделан в изучении крымских территорий Генуэзской Газарии [1, с. 61], [2, с. 73]. Определены пример-

ные границы сельских территорий, подчиненных генуэзцам на полуострове [3, с. 742; 6, с. 7]. Локализованы пункты Венецианской Газарии [4, с. 48], используемые Венецианской республикой для коммерции и навигации в Северном Причерноморье [8, р. 450].

В изучении исторической географии Крымского улуса Золотой Орды определены места очагов оседлости нового золотоордынского населения в Крыму [7, с. 372]. Предложены границы размещения православной Фульской епархии на землях Византийской Таврики [5, с. 172].

Дальнейшие исследования лаборатории в этом направлении будут сконцентрированы на изучении исторической географии Византийской Таврики начала XIII в., создании свода золотоордынских поселений в Крыму и продолжении картографирования районов, где размещалось новое для полуострова население, а также составлении историко-географического описания владений поздневизантийского княжества Феодоро.

Литература

1. Бочаров С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / под. ред. Н.Н. Крадина, А.Г. Ситдикова Владивосток: Дальнаука. 2017. С. 57–63.
2. Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии XIII–XV вв. Определение термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 15 (264). Вып. 43. Март. 2018. С. 64–79.
3. Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / отв. ред. С.Г. Бочаров А.Г. Ситдилов. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 741–770.
4. Бочаров С.Г. Венецианская Газария – что это означает? // Донские древности. 2019. Вып. 12. Азак и мир вокруг него. Материалы Международной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / отв. ред. И.И. Мамичев, Азов: Изд. Азовского музея заповедника, 2019. С. 43–50.
5. Бочаров С.Г. К вопросу о расположении Фульской епархии в Горном Крыму // Византийский временник. 2020. Т. 104. С. 160–174.
6. Бочаров С.Г. Генуэзская республика и Золотая Орда 1275–1475 гг. Археологические свидетельства // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 7–8.
7. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Метаморфозы Шейх-Коя. // Стратум Плюс. Кишинев. 2016. Вып. 6. С. 371–392.
8. Bocharov S. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th–15th Centuries. Definition of Terms and Scientific Source // Studia mediaevalia Europaea et orientalia: miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata / Ed.: G. Bilavski, D. Aparaschivei. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 439–454.

ГОДИЧНЫЙ ЦИКЛ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ ИППОДРОМЕ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Организационной стороне спортивных состязаний в Византии уделено мало внимания в историографии. Наиболее подробно эта тема затронута в работах Р. Гильяна [3] и Т. Волиньской [5]. Одним из наименее изученных является вопрос о том, что становилось поводом для византийцев стекаться на ипподром: традиционные праздники, назначения государственных деятелей, важные события в жизни императорской семьи? Целью данной работы является систематизация календаря событий, сопровождавшихся состязаниями, которые проводились в столице империи в течение года.

Так называемый Календарь Филокала (он же Хронограф 354 года) свидетельствует, что 177 дней в году были зарезервированы для различного рода представлений, из них 66 для конных заездов (остальные – для театральных постановок) [5, р. 140]. Некоторые гонки имели постоянные даты в календаре, иные варьировались. В ноябре и январе ристаний было особенно много. Вероятно, проведение большего числа состязаний осенью и зимой было связано с тем, что летом императоры часто выезжали за пределы столицы, в том числе в военные походы.

Кроме того, в ранневизантийский период по старой римской традиции именно в январе в империи вступали в должность новые консулы, которые должны были организовать два конных состязания в год. Одно из них обычно проводилось вскоре после вступления консула в должность [4, № 105]. Другой причиной было малое число церковных праздников в ноябре и январе, в дни которых скачки проводить было нельзя. Но император мог варьировать даты и, например, отметить свой день рождения гонками, даже если на этот день приходилось церковное торжество.

Начинался условный год конных ристаний фестивалем «Золотой ипподром». Проводился он, вероятнее всего, во вторник после первого воскресенья после Пасхи. Свое название фестиваль получил благодаря одеяниям возниц, которые в этот день были золотого цвета, в отличие от использовавшихся обычно одежд цветов цирковых партий [2, р. 303–304].

Наиболее масштабный спортивный праздник проводился в День основания (точнее, освящения) Константинополя – 11 мая. Он назывался «Овощным фестивалем». За день до скачек партии демонстрировали императору своих лошадей, украшенных золотыми уздечками, и парадом проходили вдоль ипподрома, провозглашая аккламации в честь императора. Следующим утром члены партий выкладывали на краях ипподрома большое количество овощей (отсюда и название праздника), а сверху клали пироги. Затем проводилась первая гонка, победители получали призы, вдвое более щедрые, чем обычно, а также, по просьбе партий, особые туники (именуемые «государственными»). Когда завершались все четыре гонки, возницы меняли обычные туники на дарованные им за победы государственные, и на колесницах направлялись на награждение. После церемонии зрители аккламациями просили разрешения у императора выйти на улицы и веселиться, после чего открывались ворота, ведущие на Меси, главную улицу города, и начинались гуляния [2, р. 340–348].

Интереснейшим праздником был «Фестиваль факелов», дата проведения которого, к сожалению, не известна, но, вероятно, проходил он осенью [2, р. 349]. Сначала оба дима с факелами (что и дало название празднику) собирались у фонтана Триконх близ одноименной резиденции, построенной в Большом дворце в IX веке, где танцевали и скандировали аккламации в честь императора. Затем торжество перемещалось на ипподром. Главное отличие: на старт выходили не квадриги, а биги – двухлошадные колесницы, которыми управляли не старшие по

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

рангу возницы, а юные бигарии, для которых этот день был звездным часом. Когда император появлялся в своей ложе, возничие партий получали от чиновников факелы и становились на стартовые позиции. Каждому вручали по золотому браслету, после чего начинались обычные заезды.

Еще один праздник, «Фестиваль обета», проводился в начале января и был очень торжественным. Его название происходит от обычая, по которому император в этот день давал обет заботиться о процветании государства. В этот день проводились не только конные ристания, но и соревнования по бегу [2, р. 357–358]. 13 января проводились заезды в честь январских ид. Именно на этом празднике в 532 году вспыхнуло знаменитое восстание Ника [5, р. 139].

«Мясной фестиваль» или Луперкалии проводился непосредственно перед Великим постом, то есть в последний день, когда можно было есть мясо, и знаменовал окончание годовичного сезона гонок на колесницах. После проведения трех заездов, по команде актуария, чиновники, разделенные на две группы, шли по ипподрому и произносили фразы, восславлявшие приход весны. Затем они соединялись в одну колонну и подходили к императорской трибуне. Эпарх города спускался и присоединялся к процессии, которая направлялась теперь к бронзовому монументу (вероятно, общитому позолоченными бронзовыми листами обелиску Константина), а затем к стае (площадке для награждений и перформансов под императорской ложей – кафисмой). И только после этого проводился четвертый заезд, тоже весьма необычный. Все четверо возничих, не достигая финишной черты, покидали колесницы и бежали, подгоняя друг друга (имитируя роли лошадей и возниц). Эта пробежка символизировала закрытие очередного соревновательного года [2, р. 359–363].

Кроме фиксированных дат состязаний, они часто организовывались в честь значимых побед над внешними и внутренними врагами. В 628 году Ираклий I (610–641), триумфально вернувшись в столицу после освобождения Иерусалима от персов, не только организовал состязания, но и велел провести по ипподрому четырех слонов, которых он привел из похода [3, р.14]. Михаил II Травл (820–829) в 823 году праздновал на ипподроме разгром мятежа Фомы Славянина. Никифор Фока (963–969) провел увенчанный скачками триумф, победив арабов, а Михаил IV так отметил свою победу над восставшими болгарами [5, р. 141].

Заезды проводились и в честь восшествия императоров на престол. Среди них, например, Лев I в 457, Фока в 602 и Ираклий в 610. Нередко поводом для состязаний служили какие-либо значительные даты в жизни императорской семьи. Например, свадьба Феодосия II с Евдокией в 428 году и брак Доменции, дочери императора Фоки (602–610) с его бывшим командиром Приском в 607 году [5, р. 141]. Гонки проводились и в честь гостей империи, коронованных особ и послов. Например, во время визита сарацинского посольства в 956 году ко двору Константина VII Багрянородного (945–959) для заключения мира. В честь этого четверо возниц облачались в золотые хламиды, обычно использовавшиеся лишь для «Золотого ипподрома» [2, р. 588–589]. Скачками отмечали и совершенно нетривиальные события. Например, Лев VI Мудрый (886–912) отпраздновал так свое освобождение из тюрьмы, в которую был заточен отцом Василием I (867–886) по подозрению в заговоре [3, р. 26].

Таким образом, хотя спортивные состязания проводились практически ежедневно (по крайней мере, в ранневизантийский период), их масштаб и точное количество менялись. Фиксированных дат было, вероятно, не более десятка. Но несомненно, что практически каждое значительное событие в жизни империи сопровождалось конными ристаниями.

Литература

1. Феофилакт Симокатта. История / М.: Изд-во Академии наук СССР. 1957. 224 с.
2. Constantine Porphyrogenetus. The Book of Ceremonies, in 2 volumes. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies Byzantina Australiensia. Vol. 1–2. 2012. 870 p.
3. Guiland R. Études sur l'Hippodrome de Byzance / Byzantinoslavica. No.26. 1965. P. 1-33.
4. The novels of Justinian / Translated by Samuel P. Scott. Cincinnati. 1932 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novellae_Scott.htm
5. Wolińska T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. Łódź: Studia Ceranea, №1. 2011. P. 127–142.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Изучаемый период, именуемый в современной историографии как ранним Средневековьем, так и поздней Античностью (ПА), характеризуется постепенным видоизменением античного общества под воздействием политико-государственного кризиса в Римской империи в условиях негативных изменений климата и является при этом самостоятельным периодом истории человечества из-за присущих только этому времени особенностей [1, с. 225]. Концепцию ПА создал П. Браун [11]. По его мнению, в ПА происходил не упадок и разрушение Римской империи, как полагал Эдвард Гиббон [2], а постепенная ее трансформация. При этом на Востоке империи, которую с XVI в. принято называть Византией, длительное время сохранялись черты античного общества, государственности и экономики. Такой подход делает ПА целостным периодом истории, а не переходом к Средневековью. Античные черты в это время продолжали существовать и отмирали постепенно.

Существует несколько научных школ, представители которых изучают ПА и связанные с ней процессы и явления. Научная школа позитивного подхода к поздней Античности впервые сформировалась в Оксфордском университете, начиная с 70-х г.г. XX века, где был образован Центр поздней Античности. П. Браун стал ее основоположником. В сфере его научных интересов – переход от Античности к Средневековью, рост роли христианства в обществе изучаемого периода, в том числе культ святых и римская риторика. Еще одним представителем Оксфордской школы является Алан Кэмерон. Среди тем, к которым обращался ученый, следует выделить работы биографического характера о константинопольском колесничем – выдающимся спортсмене своего времени, Порфирии Каллиоппе [13] и римском придворном поэте IV века Клавдии Клавдиане [12]. Также он уделял внимание позднему язычеству как общественному явлению [14].

Другой представитель Оксфордской школы, Питер Белл, изучал правление Юстиниана I в социальном и культурном аспектах, влияние неоплатонизма на философскую мысль и социальные конфликты той эпохи. Ученые Оксфордской школы исследовали также литературный процесс в Византийской империи VI–VII вв. [7]. Кроме того, ими изучаются агиографические и богословские тексты Восточного Средиземноморья – на греческом, коптском, эфиопском и арабском языках для лучшего определения места и роли Церкви в период трансформации общественного сознания [8]. Среди ученых Оксфордской школы отмечу также Брайана Уорда-Перкинса. Основной целью его трудов стало изучение (с привлечением данных археологии) преобразования римского образа жизни во всех его проявлениях, в том числе в экономике и городской планировке [23].

Основным достижением Оксфордской школы является метод изучения позднеантичного периода мировой истории по системе «континуитет-дисконтинуитет» – выделение античных и средневековых тенденций в историческом процессе и их взаимодействие [1, с. 227]. Среди представителей этой научной школы наблюдается увлечение биографическим методом исторического исследования. Интерес исследователей обращен в основном к письменным источникам – светской художественной литературе, а религиозные культы изучаются посредством анализа агиографических источников. Археологические источники мало применяются для исследования особенностей общества в изучаемый период.

В континентальной Европе это направление исторической науки развивается во Франции, где традиционно сохраняется деление на антиковедение и византинистику. Темы работы исследователей сосредоточены вокруг восточного христианства

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

ва – византийского православия [24], экономической истории Средиземноморского мира [18], демографических исследований Византии [17], положения женщин в Византийской империи [19]. Особое место занимает изучение философской и поэтической литературы Восточной Римской (Византийской) империи [3]. Кроме того, внимание уделяется исследованию регионов позднеантичного мира, например, Египта [26], а также эпиграфике ранневизантийского периода [25], позднееримскому городскому праву [21]. В основном изучаются письменные источники.

Позднеантичное время изучают также в США в основном иммигранты из Старого Света, в том числе из России. Здесь сформировалась отдельная научная школа поздней античности, центром которой стал журнал «*Dumbarton Oaks Papers*», издаваемый Гарвардским университетом. Основное внимание этой школы в наши дни сосредоточено на переводе речей с языка оригинала. При этом их источниковедческий анализ не проводится [20]. Также изучается литературный процесс и развитие философии в позднееримское время [9]. Уделено внимание экономической истории с упором на региональное развитие [4] и демографию Египта [6]. Затрагивается также вопрос грамотности и языковой принадлежности населения востока Римской империи [5], рассматриваются вопросы организации образования [15].

В США сформировалась мощная археологическая школа со специализацией на позднеантичный период. Ее виднейшие представители (К. Боулз [10], М. Зальцман [22] и К. Холум [16]) изучают историю городов – Рима, Кесарии Палестинской, а пытаются обобщить опыт исследования городов, существовавших в период ПА.

Литература

1. Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке. Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, №6, 2009. С.220–231.
2. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. 1776-1788, рус. пер. В.Н. Неведомского. Ч. I–VII. СПб., 1997–2000.
3. Amato E. Procopius Gazaeus, *Opuscula rhetorica et oratoria*. De Gruyter, 2009. 144 p.
4. Bagnall R. Egypt in Late Antiquity. Princeton University Press, 1995. 388 p.
5. Bagnall R. Everyday Writing in the Graeco-Roman East. University of California Press, 2012. 196 p.
6. Bagnall R. The Demography of Roman Egypt. Cambridge University Press, 2006. 392 p.
7. Bell P. Three Political Voices from the Age of Justinian: Agapetus – Advice to the Emperor, Dialogue on Political Science, Paul the Silentary – Description of Hagia Sophia. Liverpool University Press, 2010. 256 p.
8. Booth P. Crisis of Empire: Doctrine and Dissent at the End of Late Antiquity. University of California Press, 2013. 416 p.
9. Bowersock G. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford University Press, 1969. 152 p.
10. Bowes K. Houses and Society in the Later Roman Empire. Bristol Classical Press, 2010. 144 p.
11. Brown P. The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. – L., 1971.
12. Cameron A. Claudian: poetry and propaganda at the court of Honorius. Oxford, 1970. 508 p.
13. Cameron A. Porphyrius the Charioteer. Oxford, 1973. 286 p.
14. Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford, 2013. 896 p.
15. Cribiore R. Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton University Press, 2005. 288 p.
16. Kenneth H. King Herod's dream: Caesarea on the sea. New York: Norton, 1988. 244 p.
17. Laiou A. Peasant Society in the late Byzantine Empire: A social and demographic study. Princeton University Press, 1977. 332 p.
18. Laiou A. The Economic History of Byzantium. Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2008. 1364 p.
19. Laiou A. Gender, Society, and Economic Life in Byzantium. Variorum, 1992. 336 p.
20. Penella R. Man and the Word: The Orations of Himerius. University of California Press, 2007. 328 p.
21. Saliou C. Les Lois des bâtiments. Bibliothèque Archéologique et Historique, T. CXVI, IFAPO, Beyrouth, 1994. 340 p.
22. Salzman M.R. On Roman Time: The Codex-calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. University of California Press, 1990. 315 p.
23. Ward-Perkins B. The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford University Press, 1984. 286 p.
24. Dagron G. Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantin. P.: Gallimard, 1996. 435 p.
25. Feissel D. Guide de l'épigraphiste. Bibliographie choisie des épigraphies antiques et médiévales. Paris, 1986. 327 p.
26. Fournet J. Alexandrie: une communauté linguistique? ou la question du grec alexandrin. // Institut Français d'Archéologie Orientale, Etudes Alexandrines №17, 2008. 93 p.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА
В XV – НАЧАЛЕ XVI ВВ.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В середине XV в. на территории Крымского полуострова и Причерноморских степей, в процессе распада Золотой Орды, происходило формирование независимого Крымского ханства. Своеобразие социально-экономического положения региона, отличавшие его от других ордынских улусов, возможно, было одной из причин этого процесса.

На территории Крыма расположена зона традиционного оседлого земледелия. Причем речь идет не только о Южном берегу и горной части полуострова, но также о территориях, находившихся к северу от вершин Внутренней горной гряды, т.е. в непосредственные Крымские ханства. Главным таким земледельческим регионом были окрестности города Кырыма в юго-восточной части полуострова и в целом восточные предгорья Крымских гор [2, с. 8]. Вторым таким регионом была «Керченская область», которая упоминается в качестве зоны с явно оседлым характером хозяйства, так как одним из ярлыков Менгли Герая I (1467, 1469–1475, 1478–1515) население этого района освобождается от уплаты рыночных пошлин на продажу рыбы, соли, хлеба, проса, лошадей, коров, овец. При этом земледельцы региона привязывались к земле, не имея права селиться в других областях [6, с. 335]. Основной продукцией, производившейся в вышеназванных регионах, были хлеб, мясо, вино и соль [2, с. 8].

Тем не менее, большинство этнически татарского населения вело образ жизни кочевников-скотоводов. Но и кочевники вели так называемое кочевое земледелие. Эта традиция была общей для всех золотоордынских улусов. Ее подробно описал Иосафат Барбаро, проживший в Орде 1436–1452 гг. По его словам, в конце февраля по всей Орде объявлялось о начале сева, что бывшие желающие могли собрать необходимое для его проведения, и к середине марта явиться в избранное для распашки место, находящиеся обыкновенно не далее двух дней пути от места кочевания конкретного улуса. Затем, на протяжении всего времени созревания урожая, кочевники не отдалялись от посевов далее, чем на четыре дня пути (ок. 160 км). Земледелие не было регулярным занятием кочевников, и порой Орда могла не заниматься им более 10 лет подряд [1, с. 36–38]. Разумеется, все вышесказанное относилось к Тахт-Эль – столичному региону Золотой Орды. Однако существуют сведения, позволяющие утверждать, что и крымские кочевники практиковали подобное. Известно, что в 1491 г. «Перекопская орда» пахала на реках Орели, Самаре и Овечьих водах, а в 1492 г. – на р. Кума. Об этом свидетельствуют русские источники: Московские посольские записи упоминают о земледельческой деятельности Крымских орд [3, с. 113–118]. Это обстоятельство оказывало существенное влияние и на внешнеполитическую деятельность ханства, так как вражеское войско могло планировать свой поход таким образом, чтобы застать крымские улусы распущенными на жатву [7, с. 238].

Таким образом, экономическая жизнь Крымского ханства держалась в наибольшей степени на кочевом скотоводстве и кочевом земледелии. Основными районами этой деятельности в масштабе всего государства были земли Северного Причерноморья, в то время как непосредственно Крым был местом зимовок и хозяйственной деятельности нескольких крупнейших знатных родов (Ширин, Барын, Кыпчак и др.). Районы проживания оседлого населения в самом Крымском ханстве были невелики и компактно размещались в основном на юго-востоке и

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

юго-западе полуострова, при этом значительная их часть находилась в неподвластных хану землях генуэзцев, феодоритов, а позже турок. Значительное влияние на внешнюю политику страны оказывал именно первый фактор: вспашка, сев, защита посевов и сбор урожая были крайне важными событиями в масштабах всей страны.

Что же касается ремесла и торговли, на территории Крымского ханства, за пределами османского санджака располагалось лишь несколько относительно крупных городов, которые не могли похвастать развитым производством, однако продукция крымских кожевников и ткачей ковров была известна за рубежом [4, с. 48–50]. Производством и обеспечением населения ремесленной продукцией повседневного назначения занимались ремесленники ханского «базара». Базар – кочевой посад, где располагались ремесленники и купцы, следующие за ордой, вместе с семьями и имуществом. Там же разворачивалась походная мечеть. Разумеется, их продукция, в большинстве своем, не могла конкурировать с городским производством оседлых обществ.

Купцы были постоянными гостями как крымских городов, так и ханского базара. Ханская пошлина с проезжих купцов – «тамга» (в 1500 г. она составляла 7% от количества товара) была весомым источником дохода для казны. Таким образом, стоянки хана и знати играли роль городов в полукочевом государстве. Для ханской казны важнейшим источником дохода была транзитная торговля. Казну наполняли также подымная подать, ясак, калан (подать с возделанных земельных участков), десятая часть с хлеба и скота [5, с. 25].

Таким образом, важнейшим источником доходов Крымского хана были торговые пошлины. Вторым был ясак – захваченная на вражеских землях добыча. Крымцы массово продавали рабов на рабовладельческих рынках Кефе, а по некоторым данным, и сами использовали рабский труд в хозяйстве. Третьим источником пополнения казны был сбор десятой части производимого хлеба и мяса. Большую роль играли также подарки от иностранных послов – «поминки». Сказанное позволяет предполагать, что большая часть ханских доходов прибывала извне.

Литература

1. Барбаро И. Путешествие в Тану Иосафанта Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России / изданием М. Калистратова, трудами В. Семенова. СПб.: в типографии III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 603 с.
2. Извлечение из сочинений Михайла Литвина // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси / Пер. К. Мельник; (Под ред. В. Антоновича). Вып. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1896. 445 с.
3. Сборник Императорского Российского Исторического Общества. Т. 41. СПб.: типография Ф.Еленского и Ко, 1884. 558 с.
4. Скарбовая книга метрики Литовской 1502–1509 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1898. № 28. С. 19–91.
5. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 4–61.
6. Ярлык Менгли Герая Махмудеку // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. Одесса, 1872. С. 335.
7. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich, 1469–1515: akta i listy. Kraków: G. Gebethner i spółka, 1881. 449 с.

**ОБ АНТИЧНЫХ ИСТОКАХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХАРАКТЕРА ДЕЗИНТЕГРАЦИИ
РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА В IV–VII ВВ.**

*Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь;
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Взаимодействие Рима и его варварского окружения в IV–V вв. до недавнего времени историки сводили к военным конфликтам. И даже сейчас концепция «варварского завоевания» Рима остается традиционной, хотя многие ее положения серьезно пересматриваются. Работа, сделанная исследователями на протяжении XIX–XXI вв., показала, что о завоевании Римской империи варварами (в его «чистом» виде) говорить не приходится. Историки давно обратили внимание, что передел западно-римских территорий в V в. происходил не бессистемно [1]. Его невозможно объяснить исключительно военными победами варварских народов над цивилизованным, но ослабленным, государством (с внешними вторжениями Римская империя даже в V в. обычно справлялась успешно, причем руками самих же варваров-наемников).

Несомненно, значительный вклад был внесен и с римской стороны. В этой связи отмечают обычно особый характер римской внешней политики, который она приобрела в связи с угрозой со стороны агрессивных соседей [9, с. 24]. Но, по-видимому, есть основания искать ее особенности в гораздо более ранних временах и в изначальных римских традициях.

Римское государство не рассматривало себя как единство некоторой территории, на которой проживают исключительно римские граждане. Присущего современному государству точного соответствия между его населением и количеством его граждан в то время не существовало. Этот принцип был установлен лишь в VI в. законодательством Юстиниана, называющим римское гражданство «единственным» [7, с. 27]. Империя характеризовалась исследователями как *«группа полисов или общин, находившихся под властью города-гегемона и в различной степени сохранивших самостоятельность во внутренних делах»* [8, с. 29]. И эта характеристика точна в отношении специфики ее внутреннего устройства. Империя была сложной системой, включавшей в себя: с одной стороны самих римлян и территориальные владения «римского народа» (*ager publicus*), с другой – множество формально автономных единиц, связанных с Римом договорами, благодаря чему Рим при необходимости мог располагать их ресурсами и осуществлять контроль над ними [5, с. 41–43].

Рим не просто вырос на «договорных» началах – он возник из них, т.к. изначально он представлял слияние различных по материальной культуре групп. Поселения «протолатинов» и «протосабинов» какое-то время существовали обособленно, а к VII в. до н.э. слились в целое, известное под названием «Рим» [6, с. 84]. Не факт, что это слияние было именно союзом типа более поздних итальянских «федераций». Но то, что нечто подобное могло иметь место, не исключено. Вышесказанное свидетельствует, что идея государства, устройство которого основано на договорных началах, для римлян была традиционной.

Интересно, что Италия до конца Союзнической войны 88 г. до н.э. была сложным образованием, единицы которого с точки зрения Рима имели разный статус, и при этом значительная часть италиков даже во времена фактического главенства Рима не имела прав римского гражданства. Целью Рима было лишь усиление контроля над множеством формально самостоятельных, до некоторой степени сохранявших местное право и институты, но фактически подчиненных ему полисов и общин [10, с. 44]. Именно притязания италиков на всеобщее распространение римского гражданства в начале I в. до н.э. привели к политическому объединению Италии.

Важной представляется «интернациональность» римской государственности. Законодательство Империи признавало факт проживания на ее территориях иноземцев, даже не имеющих гражданских прав [2, с. 21], [4, с. 247]. Показательно, что многие римские земли к IV–V вв. представляли собой территории, где границы между «римским» и «варварским» были уже основательно размыты. И даже после эдикта Каракаллы (212 г.) часть населения таких «контактных зон» римского гражданства не получила [11, с. 88]. Поэтому неудивительно, что Империя расселяла внутри себя контингенты неграждан-федератов, предоставляя им земли, давая льготы и привилегии, признавая большую степень свободы от римского законодательства и право жить по своим законам.

Это не свидетельство упадка, как может показаться. Уже со времен античности вырабатывались механизмы контроля со стороны Рима над не имевшими гражданства группами. С этой точки зрения такие явления, как позднеантичные назначения варварских вождей на должности начальников войск вполне могут рассматриваться в связи с практикой, возникшей еще в период объединения Италии, когда контроль над негражданами в полисах осуществляло полисное должностное лицо с римским гражданством [10, с. 41]. Подобная практика прослеживается на всем протяжении римской истории [3, с. 169–170].

Литература

1. Бьюри Дж. Варвары и Рим. Крушение империи. М.: Центрполиграф, 2013. 224 с.
2. Гай. Институции. Книги 1–4 / Пер. Ф. Дыдынского; под ред. Л.А. Кофанова, В.А. Савельева. М.: Юрист, 1997. 368 с.
3. Ельницкий Л.А. Новые эпиграфические данные (Tabula Banasiana) и эдикт Каракаллы о римском гражданстве // Вестник древней истории. 1980. №1(151). С. 162–171.
4. Ермолова И.Е. Dediticii в поздней Римской империи // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2012. С. 246–253.
5. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Кев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 180 с.
6. Институции Юстиниана / Пер. Д. Расснера; под ред. Л.А. Кофанова, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. 400 с.
7. История древнего Рима / Сост. К.В. Паневин. СПб.: Полигон; АСТ, 1999. 896 с.
8. Курбатов Г.А. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л.: Издательство ЛГУ, 1991.
9. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 647 с.
10. Нечаев Ф.М. Италия и италики. Минск: Издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963. 195 с.
11. Штаерман Е.М. К вопросу о dediticii в эдикте Каракаллы // Вестник древней истории. 1946. № 2 (16). С. 81–88.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ХЕРСОНЕСА С ДРЕВНИМ РИМОМ

*Санкт-Петербургский университет экономики управления и технологий,
г. Санкт-Петербург*

Экономические связи Рима и Херсонеса не ограничивались морской торговлей города-государства с метрополией. Значительную роль в экономических связях играл и внутренний рынок Херсонеса, т.к. в городе и его округе находились части римского военно-морского флота и сухопутной армии. Обслуживание военной инфраструктуры Рима играло не менее важную роль, чем морская торговля Херсонеса с другими римскими территориями.

Роль римских военных контингентов в экономической жизни Херсонеса представляется еще недостаточно изученной. Между тем, участие римских военнотружеников в экономической жизни Херсонеса не ограничивалось обслуживанием херсонеситов римской военной инфраструктуры и потребностей военных разного рода. Районы римского военного присутствия (к югу от р. Альма) превратились в зоны экономического подъема в регионе, там развивалось ремесло, росла товарность производства [1, с. 369].

Современное состояние проблемы в науке и практике связано с достаточно серьезной археологической изученностью Херсонеса, где раскопки велись со второй четверти XIX в. и продолжаются до сих пор. В процессе раскопок были обнаружены многочисленные доказательства присутствия римских гражданских и военных лиц в Херсонесе (захоронения), и иные свидетельства значительной роли Римского государства в экономике Херсонеса римского периода. Поэтому научные исследования Херсонеса опираются во многом на данные археологических раскопок. Круг исследований по истории Херсонеса римского периода чрезвычайно широк. Это, в частности, исследования по латинской эпиграфике Херсонеса [2]. Важную роль играют данные нумизматики [3]. В частности, находки в Херсонесе римских золотых денариев говорят о крупных масштабах торговли с Римом, т.к. золотая монета использовалась в то время лишь в процессе крупных оптовых сделок во внешней торговле. Есть и более общие труды по экономике Херсонеса [4]. Существуют научные исследования, связанные с отдельными отраслями экономики полиса, ориентированными на экспорт в Рим [5].

Реальная зависимость Херсонеса от Рима установилась не в 63 г. до н.э. (гибель Митридата VI Евпатора), а с 60-х гг. I в. н.э. [4, с. 102]. В это время части Мезийской армии Рима во главе с Тиберием Плавтием Сильваном по просьбе херсонеситов совершили поход против тавроскифов. Римляне нанесли такое поражение тавроскифам, что после этого Скифское царство вынуждено было отказаться от активной внешней политики на южном направлении. Плавтий Сильван за помощь вывез из городов Северного Причерноморья такое количество хлеба, что цена на него в этот период в Риме упала. Об этом говорится в эпитафии полководца [4, с. 104].

В Херсонесе были поставлены римские военные части и флотская эскадра с морской пехотой на борту. Контингент насчитывал 3000 воинов и 40 кораблей [6: II, 16, 4]. Командовал римским контингентом военный трибун. Это привело к значительным изменениям в экономической жизни полиса. Прежде всего, Херсонес содержал римский гарнизон за свой счет, в том числе за счет проституционной подати, т.е. пошлины с домов терпимости. Во-вторых, политический строй Херсонеса эволюционировал от демократии к олигархии. Все государственные должности занимали представители относительно небольшой группы богатых семей, которые к тому же принимали римское гражданство. В руках этих семей сосредоточилась значительная часть национального богатства. Эти семьи стали потребителями римского импорта, предметов роскоши.

Хозяйство Херсонеса этого времени было в значительной степени ориентирова-

но на экспорт. Херсонесские вина в Риме не были известны. Однако в больших масштабах шла торговля хлебом, т.к. Херсонесу принадлежала значительная часть степей Западного Крыма. Значительные масштабы приобрело экспортное рыболовство. Экспортным товаром была соленая хамса из семейства анчоусовых, пища римской бедноты и рабов. Об объемах экспорта говорит то, что кубатура стандартной цистерны для засолки рыбы была 60 м³, а таких цистерн обнаружено несколько десятков [7]. Кроме хамсы вывозились в Рим дорогие сорта рыбы и знаменитый "гарум", соус на основе ферментированных внутренностей рыбы, неотъемлемая принадлежность стола римлян, которые приправляли "гарумом" все блюда, кроме десерта, в т.ч. мясные, кашу, и похлебку.

Из Италии в Херсонес импортировали дорогую краснолаковую посуду. Предметы роскоши импортировались из римских городов Южного Причерноморья – Синопы, Амиса, Гераклеи, Амастриса. Это золотые украшения, резные камни (геммы), стеклянная посуда.

Но и сама римская вексильяция (гарнизон) играла значительную роль в экономической жизни Херсонеса. В городе существовал район, населенный семьями римлян (в Порту), римские термы. Члены семей легионеров занимались торговлей, в том числе и посреднической. Об этом говорит появление золотых римских денариев в Херсонесе в этот период.

Можно сделать выводы, что экономические связи Рима и Херсонеса не ограничивались морской торговлей. Значительную роль играла в экономике и римская вексильяция в Херсонесе. Горожане обслуживали многообразные потребности римлян с одной стороны – питание, снаряжение, вооружение. Члены семей легионеров сами занимались торговлей, в том числе посреднической. Это привело к тому, что Херсонес в I–III вв. испытывал экономический подъем, тогда как остальной регион испытывал, наоборот, экономический спад.

Литература

1. Вус О.В. Мобильная группировка римской армии в Таврике в конце III–V вв. н.э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2016. Т. 8. С. 369.
2. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
3. Абрамзон М.Г. Отношения Рима с союзными городами Причерноморья по нумизматическим данным // Российская археология. 1996. № 1. С. 80–86.
4. Белов Г.Д. Из истории экономической жизни Херсонеса во II–IV вв. н.э. // Античный город. М., 1963. С. 61–68.
5. Внуков С.Ю. Проблемы амфорного производства и торговли в Причерноморье (I в. до н.э. – II в. н.э.) Дис. д.и.н. М., 2003.
6. Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. с греч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М.: Мосты культуры – Иерусалим, Гешарим, 1992.
7. Семенов-Зусер С. Рыбный рынок в Херсонесе // Вестник древней истории. 1947. № 2.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕПОСТИ «АЛУСТОН»

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Крым славен своей многовековой историей и множеством культурных традиций. Сохранившиеся памятники архитектуры полуострова – наглядные свидетельства культурного и политического вклада различных народов в историю полуострова. К сожалению, многие из них находятся на грани разрушения, есть те, что сохранились лучше. В их числе – средневековая византийская и генуэзская крепость Алустон (Луста).

По разным трактовкам, в переводе с греческого Алустон означает «неумытый» или «сквозняк». О крепости, сохранилось значительное количество письменных сведений, начиная с первого упоминания в трактате Прокопия Кесарийского «О Постройках». Сведения о ней содержатся также в трудах средневековых арабских и итальянских авторов [4, с. 16].

По сообщению Прокопия Кесарийского, Алустон был построен в VI в. по приказу византийского императора Юстиниана I (527–565). Эти данные подтверждают материалы археологических раскопок. Находки светлоглиняной, красноглиняной и краснолаковой керамики показывают связь Алустана в VI–VII вв. с различными территориями Византийской империи. Основной целью возведения крепости было размещение гарнизона и контроль за береговой линией [4, с. 16–29].

На протяжении Средневековья крепость контролировали византийцы, позже (по мнению А.И. Айбабина) хазары, а после падения хазарского владычества над Крымом, Алустон был разрушен [1, с. 30–33]. Однако в XII в. началось возрождение крепости. К этому времени ее территория увеличилась с 0,25 до 0,5 га, а в конце XIV в., когда крепость стала генуэзской факторией, выросла до 1 га. Активно застраивался посад, где возводились жилые дома. К концу XIV в. на этой территории проживало около тысячи человек [2, с. 10].

В 60-е гг. XV в. были возведены последние укрепления, и крепость приобрела свой законченный вид, с цитаделью и тремя укрепленными башнями. Она сохраняла свое значение до конца Средневековья [2, с. 11].

После вторжения турков-османов на территорию Крыма в 1475 г., Алустон также подвергся нападению, горел, и после пожара не восстанавливался. Только в конце XIX в., благодаря купцу Н. Д. Стахееву, нижняя часть одной из башен была отреставрирована [3].

В советский период краеведы, историки, этнографы, уделяли значительное внимание исследованию крепости. Несмотря на то, что начало изучения этого археологического памятника относится к концу XVIII в., его систематические археологические исследования стали проводиться в 50-е и 80–90-е гг. XX в. В архитектурном плане Алустон относится к самым мощным и хорошо укрепленным средневековым сооружениям Южного берега Крыма. Об этом свидетельствует современное состояние нижней башни [4, с. 16–18].

К сожалению, в начале XXI в. крепость осталась без внимания властей города Аушты, из-за чего ее сохранность оказалась под угрозой. Однако в октябре 2015 г. (после Воссоединения Крыма с Россией) археологический комплекс Алустон приобрел статус объекта культурного наследия. С этого началась работа над тем, чтобы этот археологический комплекс возродился как туристический и культурно-просветительский объект. Благодаря этому 10 июля 2020 г. был создан новый музей под открытым небом «Крепость Алустон».

¹ Научный руководитель – профессор, доктор политических наук, зав. кафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение» Косов Геннадий Владимирович.

Экспозиция музея состоит из наглядных археологических и исторических информационных материалов, которые дают представление о 1500-летней истории крепости и прилегающей части Южного берега Крыма.

В экспозиции под открытым небом представлены:

- археологические находки;
- макет крепости Алустон;
- стилизованные информационные стенды;
- муляжи средневекового вооружения и предметов быта;
- выставка технических изобретений европейцев XV века.

На территории музея оборудованы деревянные настилы и дорожки для доступа к башням и стенам крепости, раскопанным археологами внутрикрепостным сооружениям. Для комфорта и отдыха посетителей установлено множество скамеек, а также стилизовано несколько фотозон [6].

В настоящее время крепость Алустон является визитной карточкой Алушты и ее главной достопримечательностью. В скором времени организаторы и идейные вдохновители проекта планируют создать интерактивные зоны, где ремесленники, кузнецы и реконструкторы помогут посетителям полнее ознакомиться с жизнью и бытом средневековых обитателей города [5].

Литература

1. Айбабин А.И. На окраине Византийской цивилизации (Византийский Крым) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – Алушта, 2002. С. 30–33.
2. Когонашвили К.К. Алустон и Фуна / К.К. Когонашвили, О.А. Махнева. Симферополь: Крым, 1971. 93 с.
3. Крепость Алустон [Электронный ресурс] // Сайт «Крым журнал-путеводитель». Режим доступа: <http://журналкрым.рф/alushta/dostoprimechatelnosti/14-krepost-aluston.html>.
4. Мыц В.М. Ранний этап строительства крепости Алустон // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. С. 16–29.
5. Музей вместо развалин: в Алуште появился туробъект «Крепость Алустон» [Электронный ресурс] // Сайт РИА новости Крым. Режим доступа: https://crimea.ria.ru/tourism_news/.
6. Экспозиция музея под открытым небом [Электронный ресурс] // Сайт «Музей под открытым небом. Крепость Алустон». Режим доступа: <http://алустон.рф/экспозиция/>.

ГРАФИЧЕСКИЕ ЭМБЛЕМЫ ЦИРКОВЫХ ПАРТИЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Вопрос о византийской эмблематике и «геральдике» остается малоизученным. Считается, что византийская «геральдика» возникла одновременно с западноевропейской в XII веке и в связи с ней [3, с. 18]. Однако невозможно отрицать того факта, что язык символов и их графических изображений был распространен в империи с момента ее возникновения в 395 г. после раздела Римской империи на Западную и Восточную. Часть византийской символики имела римское происхождение, часть возникла под влиянием христианства. Самым распространенным древнеримским символом, использовавшимся в ранней Византии, был одноглавый орел [5, р. 15–16]. Его широкое применение прекратилось в VII веке, но в декоре, в том числе императорских покоев, он использовался до конца истории Ромейской империи [11]. В числе христианских символов (в том числе на монетах и печатях должностных лиц) очень часто использовался Иерусалимский Крест¹. Несмотря на то, что сам этот памятник был окончательно уничтожен после сдачи Иерусалима арабам, ромеи использовали его как геральдический знак на протяжении долгих столетий. Очень популярными до и после периода иконоборчества были изображения Христа и Богоматери. В поздневизантийскую эпоху очень многие знатные ромейские роды включали в свой фамильный герб изображение двуглавого орла [7].

Вопрос о существовании графической символики у цирковых партий (факций) в Византии ранее в историографии не поднимался. Между тем, существует изобразительный источник, позволяющий изучить этот вопрос. Это – хранящийся в Государственном Эрмитаже консульский диптих из слоновой кости, условно именуемый «Диптих с цирковыми сценами», традиционно датируемый по искусствоведческим признакам около 500 г. н.э. [1], т.е. временем правления императора Анастасия I Дикора (491–518), при котором наблюдался расцвет зрелищного спорта и в столице, и по всей империи. В отличие от большинства дошедших до нас консульских диптихов, на этом артефакте отсутствует имя и изображение консула. За время правления Анастасия в должности консула побывало 26 человек, в том числе трижды – сам император: в 492, 497 и 507 гг. [10]. Поэтому не исключено, что анонимный диптих мог быть создан к очередному консулату автократора. В 498 г. Анастасий I запретил травлю животных. Соответственно, рассматриваемый нами артефакт, вероятно, старше этой даты [12, р. 50].

Диптих поступил в собрание Эрмитажа из коллекции мецената Александра Петровича Базилевского, которую проживавший в Париже аристократ собирал с 50-х гг. XIX в., а в 1884 г., по настоянию императора Александра III, продал российскому правительству за 5,5 млн. франков (2,2 млн. руб.) [4, с. 111–116]. Большая часть «безделиц» А.П. Базилевского, как называл их сам хозяин, была куплена им во Флоренции и, таким образом, история перемещений этих артефактов в Средневековье и Новое время неизвестна. Сам он говорил о себе, что «находит ненаходимое» [6].

«Диптих с цирковыми сценами» это небольшой складень размерами 33x10,5 см., но на нем искусно вырезаны изображения восьми гладиаторов-бестиариев и шестнадцати убитых или убиваемых ими животных – львов, львиц и пантер. На груди или спине всех гладиаторов нанесено 8 графических символов, два из которых идентичны. Изображения этих пиктограмм см. на рис. 1.

Учитывая, что диптихи были не просто произведениями искусства, а программами консульских игр на ипподроме, вероятно, барельефы на створках диптиха

¹ Огромный каменный крест, установленный на Голгофе на четырехступенчатом основании около 420 года, разрушенный персами в 614 г., восстановленный Ираклием I в 628 году и окончательно уничтоженный арабами и иудеями после сдачи города халифу Омару в 638 г.

отображают то, что должно было произойти на песке беговой дорожки в интервалах между заездами. Поскольку за организацию интервал-актов отвечали цирковые партии, логично предположить, что как минимум часть bestiaries защищала их цвета: красный, белый, голубой или зеленый. А значит, каждая из нанесенных на их доспехи пиктограмм конкретна и не случайна.

Вопрос об идентификации символов на доспехах bestiaries представляется пока разрешимым лишь частично, но часть представленных на рис. 1 пиктограмм достаточно легко расшифровывается. Одна из них имеет четкую археологическую аналогию; другие пока не соотнесены с иными археологическими артефактами.

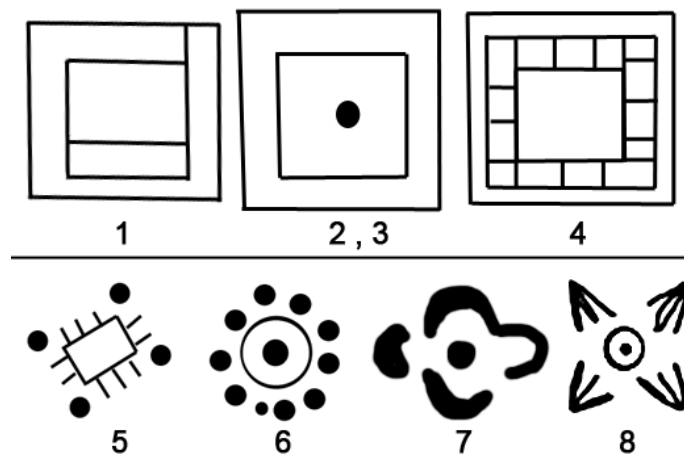

Рис. 1. Прорисовки пиктограмм, изображенных на одежде bestiaries с «Диптиха с цирковыми сценами».

Верхний ряд – пиктограммы на панцире bestiaries, изображенных на левой створке (сверху вниз от 1 к 4). Пиктограмма 2,3 изображена на доспехах двоих бойцов). Нижний ряд – пиктограммы на панцире bestiaries, изображенных на правой створке (сверху вниз от 5 к 8)

Византийский хронист Иоанн Малала (ок. 491–578) соотносит названия партий и их символические цвета с четырьмя стихиями: 1) левки (белые, воздух); 2) прасины (зеленые, земля); 3) русии (красные, огонь); 4) венеты (голубые, море или вода) [9, р. 176]. Раннехристианский писатель Тертуллиан (155/165 – 220/240) писал об этом так: «... колесницы и возниц своих одели в идолопоклоннические цвета. Вначале было только два цвета: белый и красный. Белый был посвящен зиме, из-за белизны снега, а красный – лету, из-за красноты солнца. Впоследствии, как из стремления к удовольствию, так и из суеверия, красный одни посвятили Марсу, другие белый посвятили Зефирам, зеленый – Матери Земле или весне, голубой – Небу и Морю или осени» (Tertullian, De Spectaculus, 9).

Как можно соотнести приведенные на рис. 1 изображения с символикой цирковых партий? Легче всего, методом аналогий, расшифровывается символ знака земли, символизирующего партию зеленых – прасинов. В античном городе Дугга в Тунисе (бывшая римская провинция Африка), уроженцем которой был Тертуллиан, на плите мостовой найден ряд символических изображений, одно из которых, схожее с № 2, 3 (рис. 1), трактуется археологами как «знак земли» (см. рис. 2).

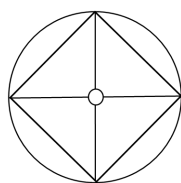

Рис. 2. Прорисовка изображения знака земли с плиты мостовой г. Дуга (первые вв. н.э.) (фото оригинала изображения см.: <https://www.pinterest.ru/pin/456482112203240990/>)

Достаточно очевиден символ знака огня (русиев, красных) – № 7 (см. рис. 1), на котором отчетливо читается изображение языков пламени.

Наиболее вероятным изображением знака воды (голубые, венеты) является пиктограмма № 4 (см. рис. 1), в котором кружки, видимо, призваны символизировать капли.

Знаком воздуха (белые, левки), полагаю, является № 8 (рис. 1), т.к. понятие «воздух» ассоциируется с понятием «небо», а в небе находится солнце, визуально «окруженное воздухом». И именно солнечное небо ассоциируется с белым, а не голубым цветом. В центре пиктограммы № 8 находится изображение круга с точкой, который еще в древнеегипетской иероглифике читался как Ра и изначально обозначал солнце, а затем и солнце, и фонограмму [p]. Вокруг него – 4 стрелки, которые могут символизировать 4 ветра.

Труднее идентифицировать пиктограммы 1, 4 и 5. Пиктограмма 1 напоминает или план строения, или размежевку поля. Пиктограмма 4 – план традиционного римского атриумного дома. Пиктограмма 5 также вызывает ассоциацию с планом земельного участка. Пиктограммы 1–5 резко контрастируют с тремя остальными, т.к. в них преобладают прямоугольники и прямые линии. Остальные три пиктограммы криволинейны. Все 4 первых пиктограммы вызывают ассоциацию с землей и домом. Это позволяет предположить, что все они являются вариациями символики партии зеленых (прасинов), символической «стихией» которых была земля.

Большинство исследователей полагают, что именно этой партии симпатизировал Анастасий I, хотя Иоанн Малала утверждает, что он болел за партию русиев (красных) [2, с. 97–98]. Однако, известно, что красные были «младшей» партией дима прасинов. Поэтому, серьезного противоречия здесь нет: зеленые были влиятельной политической силой, которая выставляла две команды на играх – одетую в зеленые цвета («старшую») и одетую в красные цвета («младшую») [8, р. 828]. Соответственно, на изучаемом нами диптихе, возможно, нашел отражение «текущий политический момент» первой половины правления Анастасия I, когда прасины были в состоянии выставить для интервал-акта 5 бойцов-бестиариев, принадлежавших, возможно, к четырем (по количеству пиктограмм) бойцовским школам. Возможно, эти школы находились в разных городах, и на панцирях их бойцов изображена символика венетов конкретного города. Одна из школ, выставившая двух бойцов, вероятно, была наиболее сильной, влиятельной и находилась в столице.

По многочисленным письменным византийским и визуальным римским источникам мы знаем, что возницы и их болельщики одевались в цвета своих партий. Соответственно, возникает вопрос, для чего понадобились графические символы, символически изображающие ассоциируемые с определенными стихиями цвета, хотя на изучаемом диптихе изображены не возницы, а бойцы – бестиарии.

Ответ, видимо, аналогичен ответу на вопрос, для чего в средневековой западноевропейской и современной геральдике используются символические изображения цветов с помощью штриховок – для использования на монохромных материалах. На диптихе очень качественно показано, что все бойцы одеты в металлические доспехи, и знаки на них отчеканены.

Дальнейшее изучение символических пиктограмм, использовавшихся в римском и византийском прикладном искусстве, полагаю, поможет уточнить сделанные выводы и расширить наши знания о графическом символизме римлян и их преемников – ромеев.

Литература

1. Диптих с цирковыми сценами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Эрмитажа. Режим доступа: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection>.
2. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII // Мир поздней античности. Документы и материалы. Белгород, 2014. 200 с.
3. Пастуро М. Геральдика. М.: АСТ, 2003. 144 с.
4. Шелковникова Е.Д., Ефремов С.В. Старинное оружие в России. СПб.: Русская коллекция, 2010. 159 с.
5. Babuin A. Standards and insignia of Byzantium // Byzantion: Revue internationale des études byzantines. 2001. T. 71, № 1. P. 5–59.
6. Bloc-Notes Parisien. Alexandre Basilewsky // Le Gaulois. 17 mars 1899.

7. Byzantine Heraldry [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<https://www.heraldica.org/topics/national/byzantin.htm>.
8. Constantine Porphyrogenetus. The Book of Ceremonies, in 2 volumes. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies Byzantina Australiensia. Vol. 1–2, 2012. 870 p.
 Joannis Malalae Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831. 799 p.
9. Jones A.H.M., Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II. A.D. 395–527. Cambridge University Press: Cambridge, 1980. 1342 p.
10. Soloviev A.V. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves. Seminarium Kondakovianum, VII, 1935. P. 119–122.
11. Schrodt B. Sports in the Byzantine Empire // Journal Of Sport History. 1981. Vol. 8. No. 3. P. 40–59.

СЕКЦИЯ «Политическая история России и стран Большого Средиземноморья в Новое и Новейшее время»

УДК 94(47)«17/18»+94(497.2)«17/18»

Белоусова А.И.¹

УЧАСТИЕ БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ XIX ВЕКА (ДО ОКОНЧАНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ)

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Связи Российской империи со славянскими народами, подвластными османскому султану почти никогда не прерывались. С конца XVIII века наступает перелом в судьбе народов, тяготимых Портой, начинается их национальное возрождение, вылившееся в подъем национально-освободительного движения. Действия со стороны российского правительства сыграли в этом процессе не последнюю роль. Балканы имели стратегически важное значение для внешнеполитических интересов Российской империи на протяжении всего XIX столетия. Среди всех балканских народов особенно тесные связи сложились у России с болгарами. Измученные анархией, повинностями, бедностью, притеснениями на национальной и религиозной почве, болгары желали обрести независимость, не имея для этого финансов и достаточных сил. Однако болгарский народ прилагал все усилия для того, чтобы добиться желаемого, найдя поддержку в лице Российской империи.

В декабре 1806 года началась очередная русско-турецкая война. В боях под Силистрой (Силистрией) проявило себя «болгарское земское войско», на тот момент состоявшее, по различным оценкам, из 200–500 человек [5, с. 72]. Это вспомогательное войско делилось на сотни, находившиеся в подчинении у болгарских командиров. «Болгарское земское войско» приняло участие не только в осаде Силистры, но и в боях на западном и восточном направлениях.

Позднее, к началу следующей русско-турецкой войны (1828–1829 гг.) болгары, проживавшие на территории Дунайских княжеств, выступили с просьбой восстановить в рядах русской армии вышеупомянутую военную единицу. Произошло это зимой 1828 г., но российское правительство разрешило принимать в состав русской армии выходцев из балканских народов только с весны. При этом имелся ряд ограничений: запрет на создание отдельных формирований по национальному признаку, и обязательная отставка каждого воина по завершении военного конфликта [3, с. 366]. Поэтому в начале войны болгар, непосредственно воевавших на фронте, было немного. Однако после того как русские вошли в Бухарест, бывший участник земского болгарского войска Георгий Мамарчев (1786–1846) самостоятельно создал отряд, состоявший из валахов, греков, болгар, сербов, молдаван, чем нарушил приказ командования [4, с. 245]. Все могло бы закончиться конфликтом, если бы не недостаток проводников и значительная нехватка человеческих ресурсов в русской армии. Поэтому отряд был задействован в военных операциях, и его участники использовались в качестве разведчиков и проводников. Командир отряда удостоился ордена св. Анны четвертой степени [3, с. 374].

В подписанном 14 сентября 1829 г. Российской и Османской империями Адрианопольском мирном соглашении непосредственно болгар коснулось только одно

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Вакулова Татьяна Владимировна.

положение. Согласно тринадцатой статье договора, болгары, воевавшие в русской армии, были амнистированы султаном и обязаны эмигрировать из Османской империи в течение 18 месяцев [1, с. 610].

В 1853 г. Османская империя объявила войну России 16 октября 1853 года. 30 ноября того же года вице-адмирал П.С. Нахимов (1802–1855) разбил турецкий флот в Синопской бухте. Неделю спустя русским командованием было принято решение о формировании воинских частей из волонтеров, населявших Дунайские княжества. Этим воспользовались и болгарские беженцы. Болгарским врачом и общественным деятелем Иваном Селиминским (1799–1867) был составлен список из 400 добровольцев. При его содействии и при помощи военного инструктора капитана А. Хаджи вскоре было сформировано 4 роты, целиком укомплектованных болгарскими добровольцами. Новобранцам выдавались шинели и оружие. Однако ожидания болгарских патриотов не оправдались: в отношении болгар заключенный по результатам войны Парижский мирный договор 1856 г. никаких изменений не предполагал.

До наступления самой знаменитой, значимой и результативной в истории российско-болгарских отношений русско-турецкой войны прошел с тех пор 21 год. За этот относительно небольшой срок Российской империи предстояло учесть опыт поражения в предыдущей войне, добиться пересмотра Парижского мира [2] на Лондонской конференции (1870 г.), осуществить Великие реформы, и перевооружить армию в ходе военной реформы 1874 года.

В это же время Болгария переживала эпоху «возрождения» – период небывалой активности населения в социальной, политической, духовной и культурной сферах, укрепления национального самосознания и стремления к самоопределению.

Литература

1. Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией, заключенный 2 (14) сентября 1829 г. // Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д.В. Кузнецов. В 5-ти книгах. Книга 5. Россия. Часть 1. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. С. 609–615.
2. Парижский трактат от 18(30) марта 1856 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 23–33.
3. Виноградов В.Н. История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / Отв. рсд. В.Н. Виноградов. М.: КРАС АНД, 2012. 496 с.
4. История Болгарии в 2 т. Т. 2. / П.Н. Третьяков, С.А. Никитин, Л.Б. Валев. М.: Изд. АН СССР, 1954.
5. Фролова М.М. Болгарские отряды в русско-турецких войнах XIX в. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006. С. 65–79.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НАЗНАЧЕНИЯ ГЕНЕРАЛА В.Н. ВОЕЙКОВА ДВОРЦОВЫМ КОМЕНДАНТОМ НИКОЛАЯ II (1913 Г.)

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

24 декабря 1913 г. Николай II назначил дворцовым комендантом командира лейб-гвардии Гусарского полка генерала В.Н. Воейкова. Это назначение не прошло незамеченным в придворной среде. Более того, оно вызвало большое удивление со стороны современников. Размышления и споры о причинах назначения на должность начальника царской охраны человека, никогда не занимавшегося охранной или полицейской службой, нашли отражение в историографии [4], [7], но данная проблема так и не была решена.

26 октября 1913 г. скоропостижно скончался дворцовый комендант В.А. Дедюлин, занимавший этот пост с 1906 г. Временно исправляющим должность дворцового коменданта был назначен князь Ю.И. Трубецкой. Так как назначение на должность дворцового коменданта должно было происходить *«по представлению министра Императорского Двора»* [6, с. 640], В.Б. Фредерикс представил царю соответствующий перечень кандидатов. На рассмотрение были представлены: князь Ю.И. Трубецкой, начальник Военно-походной канцелярии князь В.Н. Орлов, товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов генерал В.Ф. Джунковский и командир лейб-гвардии Конного полка генерал П.П. Скоропадский, однако они были отклонены монархом [1, с. 22–23].

Предложение царя о назначении Воейкова дворцовым комендантом, последовавшее 23 декабря 1913 г., было для генерала *«неожиданным»*, но Воейков без сопротивления принял это предложение. По словам императора, при выборе главы придворного охранного ведомства он советовался только с Александрой Федоровной [1, с. 22]. Более того, только царь и царица знали о предстоящем назначении. Неожиданным назначение Воейкова было не только для многих членов окружения монарха [3, с. 257], но и для самого графа Фредерикса. Министр императорского двора к назначению своего зятя отнесся неодобрительно: причиной этого было убеждение, что *«члены семьи не должны нести совместной службы»* [1, с. 22].

Как уже упоминалось выше, вопрос о том, почему именно Воейков получил назначение дворцовым комендантом, относится к дискуссионным в историографии.

Так, Н.А. Ратьковская полагает, что причины назначения кроются исключительно в личных связях Воейкова с ближайшим окружением царя и царицы: будучи зятем графа В.Б. Фредерикса, Воейков также приходился троюродным братом мужу экс-фрейлины А.А. Вырубовой – А.В. Вырубову [7, с. 43]. А отец Вырубовой – главноуправляющий собственной Его Императорского Величества канцелярией А.С. Танеев – ведал *«списками кандидатов на замещение высших государственных должностей»* [7, с. 44], [1, с. 187].

Историк спецслужб Б.Г. Колоколов считает, что *«подлинные причины его назначения шли отнюдь не по линии родства Воейкова с министром, а по линии дружеских отношений двух фрейлин императрицы – Анны Вырубовой и Евгении Воейковой»* [4, с. 358]. Далее автор прямо пишет о Воейкове как о *«фактическом ставленнике связки Вырубова–Распутин»* [4, с. 382]. В своих рассуждениях по этому вопросу Колоколов идет в русле воспоминаний начальника канцелярии Министерства двора А.А. Мосолова, утверждавшего о близости Воейкова к Вырубовой, которая в свою очередь повлияла на царицу в выборе кандидата [5, с. 93].

Однако личные связи не могли служить причиной назначения Воейкова дворцовым комендантом: во-первых, сам Фредерикс не был инициатором назначения и воспринял его весьма прохладно, во-вторых, брак троюродного брата генерала с Вырубовой (1907–1908) оказался неудачным, и был расторгнут по инициативе экс-

фрейлины, вряд ли желавшей оказать протекцию родственнику бывшего мужа. В-третьих, должность дворцового коменданта не может быть отнесена к числу «высших государственных». Поэтому можно сделать вывод о несостоятельности доводов в пользу «кумовства» со стороны влиятельных родственников Воейкова при его назначении на пост дворцового коменданта.

Не без иронии Колоколов пишет: *«Остается только удивляться тому, что именно этот “хозяйственно-спортивно-строевой” генерал, абсолютно не знакомый с жандармско-полицейской службой, был назначен дворцовым комендантом»* [4, с. 357]. Но заметим, что в представленном В.Б. Фредериксом перечне кандидатур только В.Ф. Джунковский имел отношение к жандармско-полицейской службе, следовательно, этот фактор также не был определяющим.

К тому же у некоторых кандидатов репутация уже была испорченной: князь В.Н. Орлов распространял при дворе негативные слухи о влиянии Г.Е. Распутина, а Ю.И. Трубецкой был «главным товарищем» князя *«по измышлению нелепых, дискредитировавших государыню сплетен»* [1, с. 91], антираспутинскую позицию занимал и В.Ф. Джунковский [1, с. 46].

В отличие от них, Воейков был наиболее аполитичным человеком, не связанным с теми или иными придворными группировками. Можно предположить, что именно этими характеристиками руководствовался царь при назначении Воейкова на пост дворцового коменданта. Однако не последнюю роль мог играть и личный фактор во взаимоотношениях Николая II и Воейкова. Их сближение началось еще задолго до начала активной служебной карьеры генерала. Так, в 1889 году на званом ужине в Царском Селе Воейков был в числе приглашенных к столу цесаревича [1, с. 52], а в 1895 г. Николай II принял участие в свадебных торжествах будущего дворцового коменданта. За активное участие в помощи раненым в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Воейков в 1906 г. был назначен флигель-адъютантом царя [1, с. 28]. Дневники Императора позволяют нам проследить эволюцию взаимоотношений Воейкова и монарха на протяжении 1907–1913 гг. Так, если в 1907–1909 гг. их отношения носили чисто служебный характер (были ограничены только официальными докладами) [2, с. 192, 281, 347–348, 384], то в 1910–1913 гг. наметился переход к частично неформальным отношениям (совместное проведение досуга, иные формы неофициального общения) [2, с. 521, 547, 585, 715].

Таким образом, безупречная порядочность, преданность царю, аполитичность, сочетаемые с отсутствием склонности к интриганству, а главное, длительное личное знакомство стали основными причинами назначения генерала В.Н. Воейкова на пост дворцового коменданта в 1913 г.

Литература

1. Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя Николая II. М.: Воениздат, 1995. 431 с.
2. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1 1905–1913. М.: РОССПЭН, 2013. 824 с.
3. Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1997. 688 с.
4. Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове: жизненный путь руководителя личной охраны Николая II. М.: Молодая гвардия, 2009. 582 с.
5. Мосолов А.А. При дворе Императора. Рига: Филин, 1938. 232 с.
6. Положение о дворцовом коменданте. 25 апреля 1906 г. // Тайна убийства Столыпина. М.: РОССПЭН, 2003. С. 640–643.
7. Ратьковская Н.А. А.А. Вырубова и императорская фамилия на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 211 с.

РОЛЬ ИЗРАИЛЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИРИИ С 1948 ГОДА ПО 1970 ГОД

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Ближний Восток – регион, в котором за исторический период произошло множество конфликтов. Сирия не является исключением. Пройдя путь от нахождения под французским мандатом до обретения независимости и самостоятельной деятельности, Сирия не избавилась от противоречий.

Особый интерес исследователей Сирии заключается в множественности факторов, влияющих на ее политическую систему, экономическую и социальную сферы: начиная от этноконфессиональных и заканчивая политическими интересами других государств, которые сопровождали развитие Сирии на протяжении всего периода.

В настоящее время Сирия находится в процессе восстановления после гражданской войны, но перед ней стоят новые угрозы в виде потенциальной войны с Турцией. Исследование исторических процессов влияния Израиля на развитие политической системы Сирии в первые десятилетия ее независимого существования, а также взаимодействие этих двух стран составляют особую актуальность данного исследования.

Сирией никогда не признавалось существование государства Израиль, даже в настоящее время Сирия не принимает паспорта Израиля при пересечении границы. Израилем Сирия также расценивается как враждебное государство и, соответственно, запрещаются поездки его граждан в эту страну [5, с. 28].

Соседи не сформировали ни экономических, ни культурных связей, существовало лишь ограниченное перемещение отдельных лиц через границу. В настоящее время Сирия продолжает бойкотировать Израиль.

В 1949 году было заключено египетско-израильское перемирие, к которому затем присоединилась Иордания. 20 июля того же года подобное соглашение было подписано с Сирией. В результате войны часть территории, которая предназначалась для создания арабского государства, осталась под контролем Израиля, как и восточная часть Иерусалима. Другая часть города была занята Иорданией, а сектор Газа достался Египту.

Турция вместе с Пакистаном и Ираком стремилась усилить свое влияние в регионе и стала участником Багдадского пакта. Запад также принимал активное участие в данном процессе, потому что именно Сирия мешала ему расширять свое влияние в регионе [1, с. 12].

В 1956 году руководитель Египта Гамаль Абдаль Насер осуществил национализацию Суэцкого канала, принадлежавшего Франции и Англии. Сирия, Египет и Иордания заключили военный союз. В свою очередь, Израиль активно сотрудничал с Францией и Англией в вопросе возвращения Суэцкого канала и нанес удар по Синайскому полуострову.

В результате данного конфликта на границе с Сирией были размещены миротворцы ООН, что, в свою очередь, оказывало влияние на Сирию и вынуждало ее заключать дополнительные союзы [4, с. 29].

Наиболее серьезное обострение отношений произошло в мае 1967 года. В это момент Сирия, Египет и Иордания сформировали новый военно-политический союз, а на границе Израиля и Сирии происходили регулярные столкновения с применением авиации.

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение» Севастопольского государственного Университета Мартынкин Андрей Владимирович.

Между Израилем и Сирией усиливались противоречия ввиду отсутствия договоренностей о порядке распределения водных ресурсов. В 1964 году Сирия хотела начать войну для предотвращения строительства всеизральского водопровода.

В дальнейшем арабские страны также начали разрабатывать свой проект для распределения воды из реки Иордан. Озеро Кинерет всегда было источником воды для Израиля, а строительство нового канала могло бы привести к уменьшению в нем количества воды.

Авиация Израиля нанесла удар по объектам строительства, в свою очередь, диверсанты из Сирии совершили нападения на границы. 10 мая Ицхак Рабин (руководитель Генерального штаба ЦАХАЛА) заявил, что в случае продолжения провокаций армией Израиля будет начата война с Сирией.

В этот момент происходит усиление группировок Египта, Сирии и Иордании, которые регулярно нападают на Израиль. В свою очередь, руководство Израиля принимает решения о массовой переброске войск на Синайский полуостров. Помимо этого, руководитель Египта Гамаль Абдель Насер способствовал тому, что миротворцы ООН были выведены из приграничной полосы [2].

Шестидневная война закончилась победой Израиля. Сирией были потеряны Голанские высоты, а единой и неделимой столицей Израиля был объявлен Иерусалим. Палестинские территории, которые до 1967 года были под юрисдикцией Египта и Иордании, также перешли под управление Израиля [3].

22 ноября 1967 года Советом Безопасности ООН была принята резолюция, направленная на политическое урегулирование конфликта на Ближнем Востоке. Она предполагала вывод израильских войск с оккупированных территорий. Резолюция не была поддержана Сирией [6].

Таким образом, Израиль оказывал существенное влияние на политическую систему Сирии, вынуждая ее заключать союзы с другими государствами. К концу исследуемого периода это сказалось и на территориальном устройстве: Голанские высоты отошли Израилю. Сирия была вынуждена вступать в союзы для защиты своих интересов. Однако следует отметить одну важную роль таких региональных центров, как Израиль, который действовал не только в собственных интересах, но и в интересах стран Запада, в первую очередь, Соединенных Штатов Америки.

Литература

1. Ахмедов В. Противостояние: Сирия-Турция // Азия и Африка сегодня. 2000. № 1. С. 12.
2. Гриневский О. Сценарий для Третьей мировой войны. Как Израиль чуть было не стал ее причиной. М., 2002.
3. Кутаков Л.Н. «Шестидневная война» 1967 г. на Ближнем Востоке и ООН // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.
4. Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 29.
5. Панкратьев В.П. Динамика продвижения израильско-сирийского диалога на рубеже XX–XXI вв. // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 28.
6. Резолюция Совета Безопасности ООН 242 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030729213030/http://www0.un.org/russian/documen/scresol/1967/res242.pdf> – (проверено 07. 05. 2020).

ТОСЭР КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Большое значение в жизни любого общества и государства имеет способность эффективно мобилизовывать имеющиеся ресурсы для достижения различных целей. От этого во многом зависит сама государственная политика, которая может отчасти легитимизироваться или наоборот терять легитимность в ходе данной деятельности. В условиях российского федерализма с достаточно широкими формальными полномочиями регионов и подотчетностью руководства региона как избирателям, так и федеральному центру, возникает необходимость искать новые эффективные формы мобилизации ресурсов регионов для достижения целей, которые закладываются в государственные программы и стратегии. Серьезное влияние на этот процесс также оказывают особенности фискальной системы и перераспределение средств с помощью субсидий, субвенций и дотаций, а также конкуренция между регионами со схожим экономическим профилем, что серьезно определяет региональные бюджеты и возможности по реализации заложенных стратегией мероприятий. Для более полного погружения в контекст надо понять правовые основания данной управленческой практики и ее историю.

В области российского законодательства такие термины, как «стратегия социально-экономического развития» и «территория опережающего социально-экономического развития» закрепились в 2014 году с помощью федерального закона от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и федерального закона от 29.12.2014 N 473-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» соответственно. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации разрабатывается для определения приоритетов, целей и задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации [6]. ТОСЭР, в свою очередь, - часть территории субъекта Российской Федерации, <...> на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения [5]. Таким образом, учреждение ТОСЭР на территории субъекта должно способствовать целям ССЭР и помогать более эффективно развивать экономику региона в долгосрочной перспективе.

ТОСЭРы начали создаваться по поручению Президента РФ, которое было дано в конце 2013 года. Уже через год был подписан соответствующий закон, вступивший в силу 30 марта 2015 года. Уполномоченным органом по созданию ТОСЭРов было определено Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Первые три ТОСЭРа были учреждены в Приморском и Хабаровском краях, впоследствии данная практика расширилась до 21 одной зоны в 10 субъектах Дальнего Востока в 2020 году. В дальнейшем территории с подобным режимом начали создаваться и в других федеральных округах. «Пионерами» выступили Набережные Челны в Татарстане и Гуково в Ростовской области. На данный момент в Российской Федерации действует 111 ТОСЭРов. На протяжении этого периода можно было увидеть первые недочеты, связанные с введением данного инструмента [1]. Также за это время произошла корректировка законодательства, что привело к снижению привлекательности проектов на территориях [2].

В мировой практике почти 80% законов об особых экономических зонах предусматривают налоговые льготы, такие как налоговые каникулы на определенный период (от 5 до 10 лет) или применение пониженной налоговой ставки. Налоговые льготы могут применяться к уплате налогов на прибыль, корпоративных налогов,

налогов на зарплату рабочим. В некоторых странах разрешен вычет определенного процента расходов, затраченных на обучение местных работников из налоговой декларации [3].

В регионах России еще до принятия закона об обязательных стратегиях социально-экономического развития субъектов, некоторые регионы создавали их добровольно. Так, Санкт-Петербург стал первым субъектом в России, разработавшим Стратегический план, который с самого начала создавался гласно и демократично. Для снижения числа искажений проводился ряд общественных слушаний и заседаний комиссий, публиковались промежуточные результаты и проекты в СМИ и т.д. По мнению авторов, *«основное отличие Стратегического плана Санкт-Петербурга от аналогичных документов, разработанных для западных городов, заключается в том, что для переходного периода, переживаемого Санкт-Петербургом и Россией в целом, характерна незавершенность рыночного реформирования ряда отраслей, необходимость развития и совершенствования нормативной базы и организационной структуры»*, что привело к необходимости включения в Стратегический план Санкт-Петербурга разделов, посвященных формированию в городе благоприятного хозяйственного и инвестиционного климата, а также реформированию городских общественных служб, повышению эффективности бюджетных расходов. Главным направлением социально-экономического развития региона является улучшение качества жизни жителей региона. Некоторые из целей развития дополняют друг друга, но в определенных случаях вступают в конфликт.

После прекращения режима сниженного налогообложения эти зоны перестают функционировать. Например, Шеннон в Ирландии, который считается первой современной особой экономической зоной, больше не отличается в регулировании от остальной Ирландии. Однако Шеннон продолжает привлекать бизнес: в свободной зоне находится 170 компаний с около 8000 рабочих. Помимо создания крупнейшего авиационно-аэрокосмического кластера, ирландские и транснациональные компании инвестировали в ряд других отраслей, включая медицинское оборудование, хай-тек, финансовые услуги и производство электрических и беспилотных автомобилей [7].

Подводя итог, следует отметить, что регионы могут получать значительные преимущества от наличия ТОСЭР. Управляемые государством территории генерируют арендную плату и плату за обслуживание, кроме того, бюджет получает подоходный налог с работников в зоне. Инспекции, обеспечение контроля и обслуживание вспомогательной инфраструктуры могут быть эффективнее и менее затратно организованы в ограниченном пространстве. К потерям бюджета можно отнести недоплаченные корпоративные и транспортные налоги, однако часть из них включена в топливо и используемые ресурсы. Более того, при определенном превышении прибыли у инвестора его статус резидента может быть пересмотрен, что стимулирует предпринимателей искусственно ограничивать свое производство. Также окончательная стоимость таких территорий для бюджета и, соответственно, населения возрастает, когда существующие региональные предприятия переносят свою деятельность в зоны, чтобы получить налоговые льготы, тем самым сокращая существующую налоговую базу.

Литература

1. Резиденты разбегаются из ТОСЭРов в Хабаровском крае [Электронный ресурс] // AmurMedia URL: <https://amurmedia.ru/news/866759/> (дата обращения: 23.09.2020).
2. Переиграли - На Дальнем Востоке резидентов ТОСЭР лишают налоговых преференций [Электронный ресурс] // AmurMedia URL: <https://amurmedia.ru/news/857846/> (дата обращения: 23.09.2020).
3. Ерохина Е.В. Влияние территорий с особым экономическим статусом на пространственное развитие регионов [Электронный ресурс] // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №36 (321).
4. Картаев Ф.С., Полунин К.Е. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 90-102.
5. Федеральный закон от 29.12.2014 N 473-ФЗ "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" // "Российская газета", N 299, 31.12.2014.
6. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) "О стратегическом планировании в Российской Федерации" // "Российская газета", N 146, 03.07.2014.
7. UNCTAD, World Investment Report 2019 - Special Economic Zones.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕГОВОРАХ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХАТОМ ОБ АВТОКЕФАЛИИ ПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Одной из наиболее острых и актуальных тем для современного Православия является определение критериев и условий предоставления автокефалии православным Церквам. Дискуссия по этому вопросу продолжается в церковной среде уже длительное время и ставит перед светскими исследователями задачу научного изучения исторических прецедентов провозглашения церковной автокефалии. Сложность современных межцерковных и межгосударственных отношений придает таким исследованиям не только особую научную, но и практическую значимость. Так, например, Православная церковь Украины (ПЦУ), доказывая возможность провозглашения собственной независимости Константинопольским патриархатом, неоднократно ссылалась на исторический сюжет, связанный с получением автокефалии Польской церковью от Константинополя в 1924 году. В современной российской историографии вопрос о зарождении польской автокефалии не является популярным предметом исследования, и проблема становления автокефалии Польской православной церкви до сих пор не получила комплексного и системного анализа.

Цель настоящего исследования – дать оценку представлениям правительства Второй Речи Посполитой о роли Константинопольского патриархата в православном мире, которые сложились в связи с попыткой получить благословение патриарха Мелетия IV (Метаксакиса) на автокефалию Польской православной церкви, провозглашенную в июне 1922 года. Главными задачами исследования является сравнение целей участников переговоров, анализ их хода и итогов. Исследование основывается на польских архивных документах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот в отечественной историографии.

В начале 1920-х гг. Константинопольский патриархат находился на грани исчезновения, в его прямой юрисдикции осталось всего несколько епархий в окрестностях бывшей османской столицы с немногочисленной паствой. Вместе с тем в православном мире традиционным оставалось признание за Фанаром первенства чести. В ходе предварительных переговоров с Константинопольским патриархатом в 1919–1920 гг. представления польского правительства о его роли в православном мире, в целом, отвечали сложившейся традиции, однако более глубокое изучение вопроса о положении патриархата в Турции существенно изменило эти представления.

Осенью 1921 г. на патриарший престол был избран Мелетий IV (Метаксакис). Его избрание происходило с явными нарушениями, что вызвало немалый скандал, в результате которого он не был признан ни греческим правительством, поскольку в Греции он обвинялся в учении раскола, ни султанским, которое объяснило это тем, что избрание патриарха состоялось в нарушение действующего законодательства. Все это поставило перед Мелетием IV задачу укрепить собственную власть и позиции патриархата в Турции [3. Sygn. 1003, к. 141]. Сразу по прибытии в Константинополь, он приступил к реализации разработанной им программы реорганизации Константинопольского патриархата в административный центр мирового православия. Превращение патриархата в высшего арбитра в православном мире должно было повысить его влияние на международной арене на случай неблагоприятного исхода, вызванного неурегулированностью юридического положения патриархата в Турции [1, с. 36–53]. Польское правительство хорошо разобралось в этом основном направлении внешней политики Константинопольского патриархата. Обращение в Константинополь польское правительство стремилось представить не как обращение

за благословением, а как взаимовыгодное сотрудничество, от которого патриархат получал возможность упрочить и формально подтвердить свое первенство в православном мире. Этот формальный статус Фанар планировал использовать в качестве аргумента в конфликте с турецкими властями, поскольку превращался в своего рода «православный Ватикан», организованный по принципу экстерриториальной юрисдикции [2, р. 283–302].

В ходе переговоров с Константинопольским патриархатом выявилось столкновение интересов сторон. Мелетий IV, наделяя себя правами высшего церковного арбитра, выражал готовность рассматривать вопрос о Польской автокефалии только как спор между Польской и Русской церквами, в котором он *«является верховным судьей, от которого зависит приговор»* [3. Sygn. 1003, к. 60]. Кроме того, Фанар требовал включения Польской Церкви в свою юрисдикцию, объясняя это историческими правами Константинополя начальствовать над Православной церковью в Польше и отрицая правомочность синодального решения 1686 г. о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату [3. Sygn. 1003, к. 60]. Это противоречило тем целям, которые ставили польские власти – организовать полностью независимую от внешнего влияния православную Церковь. Поэтому польское правительство в ходе переговоров с патриархом продолжало последовательно отстаивать тот факт, что Польская церковь является частью Московского патриархата, а Константинополь ни юридически, ни исторически не может выдвигать претензии на часть Русской православной церкви [3. Sygn. 881, к. 110].

Подводя итог, следует сказать, что Константинопольский патриархат стремился использовать польский вопрос для продвижения своего лидерства в православной Церкви. Но польское правительство, давая трезвую оценку патриарху Мелетию и патриархату в целом, с одной стороны, планировало использовать неуверенное положение Константинопольского патриархата в Турции и создать ему условия для укрепления авторитета, с другой стороны, не хотело принимать его вселенские претензии. Столкновение интересов и неготовность польского правительства к компромиссу с патриархатом в конечном итоге привела к задержке провозглашения автокефалии Польской Церкви, которое могло произойти уже в 1923 году.

Литература

1. Ермилов П. В. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 51. С. 36–53.
2. Anastassiadis A. Un «Vatican anglicano-orthodoxe» a Constantinople?: Relations inter confessionnelles, évêques impériaux et enjeux de pouvoir en Méditerranée orientale a la fin de la Grande Guerre // Voisinages fragiles: Les relations interconfessionnelles dans le SudEst européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: Contraintes locales et enjeux internationaux / Éd. A. Anastassiadis. Athènes, 2013. P. 283–302.
3. Archiwum Akt Nowych. Warszawa. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.

УДК (569.4=927)

Щевелев С.С.

ИСТОРИЯ ПАЛЕСТИНЫ В ТРУДАХ КРЫМСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ Р.А. БЛИЗНЯКОВА И Д.А. МАЛЫШЕВА

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Актуальность исследований крымских востоковедов Романа Александровича Близнякова и Дмитрия Аркадьевича Малышева, кандидатов исторических наук, доцентов, работающих на историческом факультете Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского, определяется прежде всего тем, что без объективного исследования всех сторон истории Палестины XX–XIX веков невозможно правильно оценить причины, ход и пути решения ближневосточного конфликта. Сердцевиной его является палестинская проблема, без решения которой невозможно прекращение самого длительного послевоенного регионального конфликта.

В 2005 г. в Институте востоковедения РАН Р.А. Близняков и Д.А. Малышев защитили кандидатские диссертации [2], [6]. Целями и задачами этих исследований, по мнению авторов, было рассмотрение палестинской проблемы в Организации Объединенных Наций и ее влияние на международные отношения в целом.

Со временем эти исследования были продолжены, и в начале XXI века Р.А. Близняковым и Д.А. Малышевым были опубликованы фундаментальные монографии, в которых нашли отражения новые источники по истории Палестины и ближневосточного конфликта [1], [4].

Р.А. Близняков опубликовал несколько статей о просветительской деятельности Императорского Православного Палестинского общества на территории Палестины во второй половине XIX–XX веке [3], [5]. Эти работы создают еще более впечатляющую картину Палестины этого периода.

Особенность палестиноведческих научных работ Р.А. Близнякова и Д.А. Малышева заключается в том, что в них на принципиально новой источниковедческой базе выявлена сущность и характер палестинской проблемы и ближневосточного конфликта в целом. Эти труды позволяют, зачастую впервые, увидеть весь спектр арабо-еврейских отношений в Палестине и в международных отношениях XX–XXI веков. Это позволяет более уверенно прогнозировать как направление их дальнейшей эволюции, так и позиции двух этно-конфессиональных групп, как в Палестине, так и на Ближнем Востоке в целом.

Практическая значимость научных изысканий крымских востоковедов определяется важностью поднятых в них проблем для развития востоковедения. Материалы и выводы, изложенные в этих научных трудах, используются в научных курсах по истории стран Азии и Африки, истории государства и права зарубежных стран, истории международных отношений, политологии и др. Кроме того, анализ, выводы и информация могут быть использованы государственными структурами для выбора подходов по соответствующим направлениям и проблемам.

Литература

1. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины: международный аспект (1897–2009 гг.) / под редакцией Щевелева С.С. Симферополь. Киев: Издательство «ДОЛЯ», 2011. 512 с.
2. Близняков Р.А. Проблема Палестины в Организации Объединенных наций (1947–1967 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 24 с.
3. Близняков Р.А., Агатова М.А. Таврический Отдел Императорского Православного Палестинского общества (1900 – 1917 гг.): по материалам «Таврических епархиальных ведомостей» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №5 (79). С.20–24.

4. Близняков Р.А, Мальшев Д.А. Палестинская проблема в международных отношениях (1947–1993). М.: Издательство МЦСПИ. 2007. 352 с.
5. Близняков Р.А, Щевелев С.С. Просветительская деятельность Императорского Православного Палестинского общества на территории Палестины в 1882–1917 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2016. Т. 1(67). №4. С. 3–10.
6. Мальшев Д.А. Палестинская проблема в международных отношениях (1967–1993 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 22 с.

МИССИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПРАГЕ. 20-Е ГГ. XX ВЕКА

Российский университет дружбы народов, г. Москва

После Октябрьской революции 1917 г. группе старых интеллигентов было разрешено выехать в Германию, и осенью 1922 г. эта группа была депортирована из Советской России. Окончательное решение о высылке было принято на Пленуме ЦК РКП(б) 8 июня 1922 г., на котором было принято Постановление «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». В пункте 8 (д) было записано следующее решение: *«Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе т.т. Уншлихта, Курского и Каменева. На этом пленуме «было принято решение образовать постоянную комиссию для высылки интеллигенции»* [2].

31 августа 1922 года в «Правде» была опубликована статья «Первое предостережение», в аннотации которой говорилось: *«Кадетствующие и эсеровские круги интеллигенции, вообразив, что НЭП дает им новую опору для контрреволюционной работы, усиленно повели таковую, поддерживая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть, обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контрреволюционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии»*. Далее в статье отмечалось, что *«среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве своем – это политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами»* [3].

В конце сентября 1922 г. на немецком пассажирском судне «Oberbürgermeister Naken»¹, который держал курс к берегам Германии, из страны было выслано 160 видных представителей науки, культуры и искусства. Приехавшие из Советской России в Германию, после оформления документов и получения виз, рассредоточивались по разным странам Европы. В основном это были Франция, Болгария, Чехословакия, Сербия.

Одним из центров выбора жилья российскими изгнанниками была Чехословакия. Чем привлекала эта небольшая, по сравнению с другими, европейская страна? Как известно, президентом Чешской Республики в то время был Томаш Гарриг Масарик, известный ученый, социолог и философ, сторонник независимого пути развития страны, первый президент Чехословацкой Республики с 1918 по 1935 гг. Огромное внимание он уделял уровню образования населения. В период его правления были открыты новые школы, училища, средние учебные заведения, университеты. Также получили развитие специальные краткосрочные курсы, ориентированные на повышение образовательного уровня различных слоев населения. В этой небольшой стране к началу 30-х гг. XX в. насчитывался 21 вуз, из которых 16 были государственными [4, с. 57]. Умелое управляя государством, сделав ставку на опережающий рост науки и образования, Т.Г. Масарик довольно быстро восстановил экономику страны. Уровень и доступность высшего образования позволили сформировать привлекательный имидж государства, в том числе и для многих иностранных студентов, что отразилось, в свою очередь, на темпах экономического развития страны.

¹ Всего осенью 1922 г. из Петрограда было организованы два парохода «Oberbürgermeister Naken» и «Preussen» немецких компаний в город Штеттин (Германия) на котором покинули Родину российские изгнанники. Так называемый «Философский пароход», под таким названием вошли в историю эти два рейса.

Об этом Т.Г. Масарик говорил в октябре 1928 г. в выступлении перед Национальным собранием в день десятилетия Чехословацкой республики [4, с. 323, 324].

Представители русской интеллигенции, осевшие в Чехословакии, высоко оценивали созданные для них условия жизни и творческой деятельности. В Чехословакии были открыты двери вузов для преподавания и научной деятельности русских эмигрантов. Также в стране были созданы условия и для обучения детей русских эмигрантов, причем по той образовательной программе, которую выбрали для них их родители.

Среди эмигрантов, проживающих в Чехословакии, был и Александр Александрович Кизеветтер, ученик В.О. Ключевского, член кадетской партии. Выступая в январе 1933 года на юбилейном собрании, посвященном 10-летию открытия русской гимназии в Праге, А.А.Кизеветтер высоко оценил деятельность чешского президента в этой области. Сохранились черновые наброски его речи, в которой он отмечал, что одной из *«жгучих проблем, вставшей сразу перед русской эмиграцией, это была возможность давать своим детям образование в русских гимназиях ... в лучших традициях русской культуры»*, чтобы они не выросли *«русскими по имени и чуждыми всему русскому по существу ... чтобы мы могли сохранить для родины их подрастающих сыновей и дочерей»* [1, л. 2]. Подрастающее поколение только в том случае может оказаться *«зодчими новой России»*, если они *«при вынужденной территориальной отдаленности от своей родины»*, будут *«воспитываться в лучших традициях русской культуры»*. Единственное правильное решение на этом пути он видел в обучении русских детей в русской школе, где для них *«может быть открыто широкое знакомство с сокровищами»* всех знаний, накопленных в русской школе [1, л. 2].

Как известно, за пределами Родины продолжалась и политическая деятельность русских эмигрантов. Однако не все поддерживали это направление ее деятельности и считали его ошибочным. Так А.А. Кизеветтер в переписке с эмигрантами писал, что русские, оторванные от родины, вряд ли смогут выработать какую-либо *«идеологическую и программную подсказку»*, которая была бы принята на Родине [5, с. 70].

Основную миссию русской эмиграции он видел в популяризации русской истории и культуры за рубежом, к которой в Европе всюду проявляется огромный интерес [6, с. 105]. И в этой связи задачу русских эмигрантов он видел в том, чтобы русские зарубежники как можно полнее вовлекались во все сферы общественной жизни страны проживания, с тем, чтобы как можно полнее *«развить тут, в Европе, положительную деятельность»*, чтобы это был *«успех русского дела для грядущей России»* с тем, чтобы *«когда пробьет час возвращения на родину и мы уйдем к себе, домой, – пусть здесь останется след талантов русского человека»* [1, л. 3].

И спустя почти 100 лет после отплытия «философского парохода» и высылки русской интеллигенции из России, уже по-другому, с позиций имевших место событий XX века, подходишь к изучению того накопленного наследия, которое оставило нам дореволюционное поколение ученых, их деятельности, направленной во многом на популяризацию истории и культуры за рубежом, сохранению традиций научной школы России.

Литература

1. Архив русского зарубежья дома-музея Марины Цветаевой (АРЗ КЦ ДММЦ). Семейный архивный фонд Кизеветтеров и Максимовичей. Оп. 3, картон 3, КП – 970.
2. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». 8 Июня 1922 г. [Электронный ресурс] Российское историческое общество. Электронная библиотека исторических документов. Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/77261#mode/inspect/page/1/zoom/4>.
3. Правда, 1922 г., 31 августа.
4. Учителя, будем демократами // Международный исторический журнал. 2000. № 1.
5. Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в российской историографии. М.: РУДН, 2003.
6. Шпаковская М.А. О культурной миссии российских эмигрантов // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения», 2003. № 3. М.: Изд-во РУДН, 2003.

СЕКЦИЯ «Социально-экономическая история России и стран Большого Средиземноморья в Новое и Новейшее время»

УДК 069:001.12

Бойцова Е.Е.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ ГОРОДА В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Восстановление экономики разрушенного в годы Крымской войны Севастополя происходило медленно, отправной точкой стало развитие торгового судоходства и судостроения под эгидой РОПиТ. Ведущими предприятиями Севастополя на протяжении всего периода по окончании Крымской войны и до конца XIX века оставались порт и завод РОПиТ. Получив в марте 1858 года разрешение Правительства на безвозмездную аренду территории Лазаревского адмиралтейства с использованием имеющегося камня и фундамента для постройки мастерских, общество начало активное строительство судостроительных и судоремонтных сооружений. В памятной книге Таврической губернии за 1867 год «модельно-литейный завод, принадлежащий РОПиТ», на котором произведено работ в 1865 г. на сумму 194750 руб. 21 коп., назван «*важнейшей замечательностью настоящего времени в Севастополе*». На заводе работали в тот период 240 мастеров, 28 учеников и 40 поденщиков [9, с. 269]. Первые пассажирские и грузовые перевозки через Севастопольский порт пароходы РОПиТ начали осуществлять уже в мае 1857 года. Основой деятельности РОПиТ стала организация постоянных рейсов по нескольким направлениям (до этого пароходное сообщение между черноморскими портами осуществлялось нерегулярно), как по российскому побережью, так и за рубеж. Одной из первых линий была линия «*от Одессы до Керчи, заходя в Евпаторию, Севастополь, Ялту и Феодосию*» по которой пароходы ходили три раза в месяц [5, с. 82]. Однако объем перевозок в отсутствие транспортной инфраструктуры до 1875 года оставался небольшим. В памятной книге Таврической губернии за 1867 год приводятся сведения, что в 1865 году в Севастополь прибыло из-за границы 27 судов, которые привезли товаров на сумму 94736 руб. 6 коп., отошли за границу 18 судов с товаром на сумму 60935 руб. 50 коп. Прибыло из русских портов 285 судов с товаром на 927169 руб. 17 коп., отошло в русские порты 303 судна с товаром на 296 979 руб. 32 коп. [9, с. 270].

Остальная промышленность Севастополя, по состоянию на 1 января 1866 года, характеризуется как «*ничтожная, которая состоит, по большей части, в добывании металлов из моря, рыбной ловле, огородничестве и перевозе через рейдовую бухту*». В городе работали табачный завод, произведший работ на сумму 7650 руб. 47 коп., известковый завод – на 7000 руб., свечной завод – на 283 руб., всего в Севастополе за 1865 год было произведено продукции на 209683 рублей 68 копеек [9, с. 269].

Для экономики города было очень важно привлекать инвестиции, особенно в финансовые учреждения. В процессе реорганизации банковской системы на базе Государственного коммерческого банка в 1860 году был учрежден Государственный банк России, а вскоре 31 октября 1862 года был издан указ Сената «Об учреждении общественного банка в городе Севастополе». Городской общественный банк начал свою работу в 1863 году, его первым директором стал выходец из колонии Кроненталь Таврической губернии Иосиф Григорьевич Кист, а его товарищами (заместителями) были представители купечества: потомственный почетный гражданин Сима Осипович Кефели и севастопольский купец 1-й гильдии Иван Саввович Корсик (Корсики).

В 1867 году директором банка стал потомственный почетный гражданин С.О. Кефели, успешно работавший в этой должности до сентября 1879 года [16].

Начало 70-х годов XIX века стало переломным моментом в восстановлении Севастополя. После отмены в 1871 году ограничительных статей Парижского мирного договора, Россия вновь получила право иметь военный флот на Черном море. 13 октября 1871 года глава Морского ведомства великий князь Константин Николаевич издал приказ, положивший начало возрождению Черноморского военного флота и Севастополя как его главной базы. Под влиянием реформ 1860–1870-х гг. XIX в. развернулся процесс модернизации промышленности и сельского хозяйства на Юге России, оживилась предпринимательская деятельность, активно велось строительство широкой сети железных дорог, развивалось паровое сообщение и торговля.

В 1873 году Александр II утвердил решение Государственного совета о выделении Севастополя с прилегающей к нему округой из пределов Таврической губернии в особое градоначальство. 15 ноября 1873 года на должность градоначальника был назначен контр-адмирал Павел Александрович Перелешин. Первый севастопольский градоначальник добился разрешения на использование Южной бухты Севастополя для торгового судоходства. Потребности экономического развития, необходимость скорейшего возрождения и развития Черноморского флота требовали улучшения транспортного снабжения и строительства железной дороги до Севастополя. В 1872 году начинается строительство Лозово-Севастопольской ветки железной дороги Москва – Харьков – Лозовая. Помимо строительства железной дороги, связавшей Севастополь с европейской частью Российской империи, в 1860-е – 1870-е годы были предприняты шаги по улучшению шоссейных дорог. Одна из них вела из Севастополя на Южный берег Крыма с ответвлением на Балаклаву, вторая шла в Симферополь. Дороги находились в ведении казны, они были заново шоссированы, т.е. укреплены щебеночным слоем, их полотно систематически обновлялось и ремонтировалось. Налаживание путей сообщения между Севастополем и другими городами упростило подвоз грузов к портовым строениям и изменило масштабы его транзитной торговли. 29 марта 1875 года в Севастополе официально был открыт коммерческий экспортный порт [13, с. 62]. Начался быстрый рост грузоперевозок и пассажиропотока на судах, прибывавших в Севастопольский порт по каботажному и заграничному плаванию. На территории севастопольского порта были построены амбары, пакгаузы под экспорт зерна, подведена железнодорожная ветка к причалам Южной бухты. В разные уголки России уходили составы с товарами, импортируемыми из Турции, Греции, Италии, Франции, Англии, Америки, Египта и Мальты. В 1879 управление Общества железной дороги было переведено из Симферополя в Севастополь, поскольку грузооборот станции постоянно возрастал.

С 1880 года деятельность Севастопольского коммерческого порта расширилась, были установлены регулярные рейсы пароходов РОПиТ в Константинополь. С 1883 года в список иностранных портов, с которыми активно общался Севастопольский вошли: американские – Новый Орлеан, Чарльстон, Галвестон; европейские – Неаполь, Пирей, Шербур, Ницца, Мальта; египетские – Александрия и Порт-Саид. Развитие торгового движения в порту нашло отражение в статистических данных ежегодных обзоров Севастопольского градоначальства. Например, в 1878 году из-за границы прибыло 273 судна, а отошло 279, стоимость отправленных за границу грузов составила 9 199 390 рублей [6, л. 4]. В 1894 году из-за рубежа прибыло 413 судов, отошло 406, стоимость грузоперевозок – 22 266 990 рублей [8, л. 3]. То есть за 16 лет объем товарооборота увеличился в 2,5 раза. Такое увеличение пропускной способности Севастопольского порта свидетельствует об активном развитии инфраструктуры самого порта. Севастопольский порт к концу XIX века был приспособлен для отпуски за границу 50 млн. пудов зерна [18, с. 89].

Открытие в Севастополе коммерческого порта способствовало привлечению в город финансов. Ярким событием для Севастополя в финансовых вопросах стало открытие отделения Государственного банка. В 1875 году Сенат, заслушав рапорт управляющего Министерством финансов, 28 августа издал Указ № 55056 «Об открытии в городе Севастополе отделения Государственного банка» [12]. К концу

XIX века увеличилось количество финансово-кредитных учреждений в Севастополе и оборот денежных средств в их деятельности. Кроме отделения Госбанка, в городе работали городской общественный банк, Соединенный банк, Общество Взаимного кредита, и представительства (отделения) других коммерческих банков, таких как Петербургский международный коммерческий банк, Азово-Донской коммерческий банк, Таврический купеческий и др. Были открыты 10 страховых агентств, 7 торговых контор, которые выдавали торговые документы местным и зарубежным предпринимателям, и 2 транспортных конторы [8, л. 5].

Упрощение российских законодательных норм в отношении предпринимательской деятельности, наличие возможностей по привлечению инвестиций способствовали развитию в 1870-х – 1880-х годах в Севастополе фабричной и заводской промышленности. В 1878 году в Севастополе действовали 12 заводов, на которых работали 626 фабричных рабочих, объем продукции составлял чуть более 1 млн. рублей [6, л. 2, 3]. К 1888 году количество заводов и фабрик выросло до 33, численность рабочих увеличилась до 2655 человек, а объем производства составлял около 5 млн. рублей [8, л. 2].

Бурное развитие экономики Севастополя в последней трети XIX века повлекло за собой многочисленные изменения в жизни города. В первую очередь увеличился приток населения. Численность населения города в 1874 году составляла 15213 человек. К концу XIX века в Севастопольском градоначальстве, по данным переписи 1897 г., проживало 57455 человек [10, с. 31]. Морское и военное ведомства, помимо укреплений, причалов, портовых мастерских, казарм и складов, воздвигали здания для органов управления флота, порта и крепости, общественные здания и жилые дома для офицеров. Постепенно увеличивались доходы Севастополя, у городской думы и управы появились финансовые возможности приступить к восстановлению разрушенной инфраструктуры города. В отчете Севастопольского градоначальника за 1890 г. отмечалось, что *«за 13 лет существования отпускного порта город застроился, замостился в главной его части, украсился лучшим на юге Приморским бульваром, открылись всевозможные магазины и первоклассные гостиницы, в окрестностях появились дачи с виноградниками и фруктовыми садами, извозный промысел получил широкое применение, а все вместе усилило доходы города и давало возможность к расширению удобств городской жизни»* [13, с. 69].

Стратегические цели по возвращению Севастополю статуса главной базы Черноморского флота, побудили Кабинет Министров в мае 1890 года принять решение о переносе экспортного порта из Севастополя в Феодосию. Уже в августе этого же года штаб Черноморского флота был переведен из Николаева в Севастополь, который объявили военной крепостью третьего класса.

Перенос коммерческого порта из Севастополя существенно сказался на экономике города, закрылось несколько фабрик и заводов, связанных с грузоперевозками. Если в 1893 году в городе существовало 42 промышленных предприятия, то 1894 году их осталось 31 [1], [8, л. 2]. В основном остались судоремонтные и механические заводы, отвечавшие нуждам военного порта и флота. Однако, несмотря на все опасения градоначальника и членов городской думы, кризисные явления в экономике Севастополя удалось преодолеть достаточно быстро. К началу XX века промышленная инфраструктура города была подчинена нуждам Лазаревского адмиралтейства и Морского министерства. В то же время Севастополь смог реализовать свой экономический потенциал и как транспортный узел, и как притягательный объект для отдыха и туризма.

Литература

1. Дьяконова И. А. Промышленные предприятия Севастопольского градоначальства во II половине XIX - начале XX вв. // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя: Сб. статей, сообщений и обзоров фонд. коллекций. Вып. 1. Симферополь: Салта ЛТД. 2009. С. 50-57.
2. История Севастополя в лицах: Военные и гражданские руководители города и флотов. Севастополь: Арт-Политика. 2008. 496 с.

3. Крымский вестник 24 апреля 1888 г. № 56. С. 2.
4. Крымский вестник. 1890. № 106. 19 мая. С. 2.
5. Мальгин А.В. Русская Ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2006. 352 с.
6. Обзор Севастопольского градоначальства за 1878 г.// Архив города Севастополя (АГС). Ф. 15. Оп. 1. Д. 1.
7. Обзор Севастопольского градоначальства за 1888 г.// АГС. Ф. 15, оп. 1, д. 5.
8. Обзор Севастопольского градоначальства за 1894 г.//АГС. Ф. 15. Оп. 1. Д.8.
9. Памятная книга Таврической губернии. Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. 516 с.
- 10.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н. А. Тройницкого. - [СПб.], 1897–1905. [Вып. 6]: Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. 1905. 60 с.
- 11.Полянская Е. С. Становление железнодорожного сообщения в Крыму во второй половине XIX - начале XX вв // Вестник КалмГУ. 2018. № 4 (40), 2018. С. 30–36.
- 12.ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. 50. Отделение второе. 1875. СПб. 1877, С. 179.
- 13.Севастополю 200 лет. 1783-1983. Сб. документов и материалов. К.: Наукова думка. 1983. 416 с.
- 14.Симоненко В. Из Николаева в Севастополь // Флаг Родины, 2006. № 123. С. 6.
- 15.Тархов С.А. Первый в Крыму: история трамвая и троллейбуса в Севастополе. Севастополь, 1998. 299 с.
- 16.Терещук Н.М. Финансово-кредитные учреждения Севастополя (конец XVIII – начало XX вв.)//XV Таврические научные чтения. Сборник научных статей. Часть 2. Симферополь. 2015. С.70–79.
- 17.Шевякова Д.П. Севастополь во второй половине XIX века как международный торговый порт// Крымский архив, 1997, № 3. С.10–14.
- 18.Шевякова Д.П. Севастопольский торговый порт. История. Возможности и реальность (вторая половина XIX – начало XX века) // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: Максим ЧП Арефьев, 2006. С. 85–90.

ДОБЫЧА ГРАНИТА НА БЕРЕГУ ЗАЛИВА БАЛТИЕЦ ПОД ВЫБОРГОМ В XIX В. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020 Г.

**Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

***Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург*

В июле 2020 г. экспедицией ИИМК РАН была проведена археологическая разведка в акватории безымянной бухты и на берегу залива Балтиец Финского залива в Выборгском районе Ленинградской области. В ходе визуального осмотра акватории залива в 60 м от уреза воды был выявлен объект археологического наследия «Грузовое несамостоятельное деревянное судно с грузом каменных заготовок, XIX в.».

Объект представляет собой деревянные фрагменты затонувшего судна и остатки груза, состоящего из 16 видимых на поверхности дна гранитных блоков и двух заготовок для колонн. Каменные блоки из камня рапакиви имеют прямоугольную и квадратную форму. Заготовки колонн представляют собой ровные каменные цилиндры, длиной 9,3 м и диаметром до 1,3 м, примыкающие параллельно к остову судна с юго-запада. С юго-восточного края обеих заготовок имеются следы их лома, представляющие собой два параллельных углубления. Под каменными блоками прослеживаются остатки деревянных конструкций судна, включая киль, шпангоуты и палубный настил. Киль имеет длину 15,5 м. Он представлен монолитным брусом, квадратным в сечении со стороной 0,3 м. На киле вдоль всего бруса прослеживаются остатки круглых железных и деревянных нагелей. Конструкции судна с северо-восточной стороны от киля не сохранились. С юго-западной стороны прослеживаются крупные брусья шпангоутов, а также доски палубного настила. Судно лежит креном на юго-запад, в сторону заготовок колонн, которые выкатились с него после крушения. Кораблекрушение находится на минимальной глубине, частично замкнуто песчаными отложениями. В ходе осмотра прибрежной зоны на прилегающем пляже выявлена корабельная доска с деревянными нагелями и следами от металлических стержней, по-видимому, принадлежащая данному кораблекрушению.

В 400 м к югу от кораблекрушения на полуострове Торжок выявлена каменоломня гранита рапакиви XIX в. Границы каменоломни определяются по видимым выходам скального массива со следами выборки камня. Территория каменоломни представляет собой участок неправильной формы у основания полуострова Торжок.

Ломка гранита близ Выборга началась в 1803 г. Техника выломки гранита в начале XIX в. была достаточно архаичной: металлические клинья и штанги для бурения, кувалды, ворота, полиспасты, бревенчатые катки. С помощью катков и ваг заготовки каменных изделий погружали на грузовые суда, которые доставляли их в Петербург. Основным типом таких судов были барки и плашкоуты, имевшие длину до 30 м и ширину до 10 м. Они не имели надстроек.

По всей площади открытого выхода скального массива на месте каменоломни прослеживаются многочисленные пропилы на скале для расклинивания камня, следы сверления на камнях, места выборки камня. Площадь каменоломни составляет не менее 1,73 га.

По-видимому, зафиксированное кораблекрушение с грузом содержало каменные заготовки, добытые на данной каменоломне. Вдоль побережья встречаются многочисленные каменные блоки со следами сверления и лома. Погрузка каменных заготовок осуществлялась непосредственно на берегу.

Таким образом, проведенные в июле 2020 г. археологические разведочные работы позволили выявить и определить границы ОАН «Грузовое несамостоятельное судно с грузом каменных заготовок, XIX в.», определить степень сохранности объекта груза, а также зафиксировать каменоломню XIX в. на полуострове Торжок.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НОВОРОССИЕЙ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Проблема формирования и функционирования системы управления Новорос-сийским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв. достаточно полно изучена в отечественной историографии [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10] и др. Тем не менее, она до сих пор является актуальной, так как в условиях современного разви-тия Российской Федерации как полиэтнического и многоконфессионального госу-дарства позволяет обнаружить самые передовые элементы в управлении регионами и ведении эффективной социально-экономической политики в разные исторические периоды.

Целью данной работы является изучение характерных черт системы управле-ния Новороссией в конце XVIII – первой половине XIX вв. и определение основных результатов ее функционирования.

Особое положение Новороссии в составе Российской империи, связанное с ее пограничным положением и необходимостью быстрых темпов заселения и хозяйст-венного освоения, обусловило создание специфической модели управления этим краем. Перед местной администрацией стояло много важных задач, среди которых – скорейшее хозяйственное освоение плодородных земель Новороссии и максималь-ный рост сбыта товаров через черноморские порты.

В рассматриваемый хронологический период Новороссийский край возглавля-ли крупнейшие государственные деятели Российской империи второй половины XVIII в. Григорий Александрович Потемкин-Таврический, затем с 1804 по 1815 гг. новороссийским генерал-губернатором был Эммануил Осипович де Ришелье, а с 1823 по 1854 гг. – Михаил Семенович Воронцов.

Сложность приграничного положения этого края, его особое место в составе Российской империи стали побудительным мотивом поездок монархов на юг госу-дарства: в 1787 г. его посетила императрица Екатерина II, а в 1818 г. – ее внук Александр I.

Новороссийская губерния постоянно менялась по границам и количеству насе-ления, поэтому трансформировалось ее административное устройство и усложня-лись органы управления. На 1796–1802 гг. границы губернии на западе доходили до Днестра, на востоке до Кубани, включая Крымский полуостров и Предкавказье. Чтобы облегчить управление этими большими территориями, 8 октября 1802 г. был издан указ о разделении Новороссийской губернии на три новых административных единицы: Екатеринославскую, Николаевскую (вскоре губернским городом становит-ся Херсон, а губерния Херсонской) и Таврическую губернии.

Одной из характерных черт системы управления краем было создание в Ново-россии особых административных единиц – градоначальств. Они появляются там, где быстрыми темпами развиваются черноморские порты. Из «чиновников высших рангов» во главе градоначальств были поставлены администраторы, которые не зависели от губернских властей и напрямую находились в подчинении министра коммерции, министра внутренних дел, а по судебным делам – генерал-губернатора. Всего в Новороссийском крае в то время было основано 5 градоначальств: Одесское, Таганрогское, Херсонское, Феодосийское, Керчь-Еникальское.

В управлении Таганрогского градоначальника находились греческие и армян-ские села, которым были предоставлены права внутреннего самоуправления. Все греки принимали участие в выборах магистрата, занимавшегося судебными и административными делами. По части судебных разбирательств магистрат опирался не только на законы Российской империи, но и на нормы обычного права. В 1803 г.

таганрогскому градоначальнику было поручено заниматься решением вопросов отечественного судостроения на Азовском море.

В отдельную область была выделена Бессарабия, центром которой стал Кишинев. Фактически три новороссийские губернии и Бессарабия возглавлялись новороссийским генерал-губернатором, который был полномочным наместником Бессарабской области.

Для быстрого хозяйственного освоения Новороссийского края было разрешено переселение иностранных колонистов. Для развития «иностраннных колоний» была создана особая система управления, которая в конце XVIII – первой половине XIX в. постоянно трансформировалась. Активная иностранная колонизация Новороссии это еще одна характерная черта системы управления этим краем. В 1797–1800 гг. всеми вопросами обустройства и развития «иностраннных колоний» занималась Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранного и сельского домоводства. В 1800 г. из ее состава была выделена особая Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев. В 1802 г. Опекунская контора и Экспедиция государственного хозяйства были включены в состав Министерства внутренних дел. Число колонистов росло, и в 1818 г. был создан Попечительный комитет о колониях южного края России. В нем было три конторы: Екатеринославская, Бессарабская и Одесская.

Подводя итоги, отмечу, что Новороссия в конце XVIII – первой половине XIX вв. благодаря наличию черноморских портов, больших земельных площадей, пригодных для ведения сельского хозяйства, гибкой структуре управления краем, стала одним из наиболее быстро развивающихся регионов Российской империи.

Литература

1. Багалеи Д.И. Колонизация Новороссийского края // Киевская старина. 1889. Т.25. С.1–115.
2. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959. 280 с.
3. Дружинина Е.И. Южная Украина 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970. 375 с.
4. Загоровский Е.А. Иностранная колонизация Новороссии в XVIII в. Одесса, 1913. 116 с.
5. Загоровский Е.А. Экономическая политика Потемкина в Новороссии. Одесса, 1926. 113 с.
6. Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX в. (Екатеринославская и Херсонская губернии). М.: Наука, 1976. 308 с.
7. Мурзакевич Н.Н. О заселении Новороссийского края // Одесский вестник. 1836. № 1. С.9–12.
8. Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского педагогического института. – Симферополь, 1957. Т. 23. С. 73–87.
9. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч.1. 364 с.
10. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края (1796–1823). Одесса, 1838. Ч. 2. 350 с.

СЕКЦИЯ «Военная история Большого Средиземноморья»

УДК 930.85

Дубковская О.О.¹

РАЗРЕШЕНИЕ НА РЕЭВАКУАЦИЮ КОЛЛЕКЦИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ ТОМСКА В СЕВАСТОПОЛЬ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В настоящее время фонды Севастопольского художественного музея им. М.П. Крошицкого вмещают уникальные по разнообразию, художественным достоинствам и истории комплектования коллекции. Это более 10 тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, созданных талантом, умом и умелыми руками мастеров XVI–XXI веков. Но это не было бы возможно, если бы не героический поступок всего одного преданного своему делу человека.

Осенью 1941 года, когда фронт приблизился к Севастополю, Михаил Павлович Крошицкий пытался уберечь имущество Севастопольской картинной галереи ценою своей жизни. Ему не давали эвакуационный талон, грозились расстрелять за паникерство, но Михаилу Павловичу все-таки удалось организовать эвакуацию коллекции из осажденного города [1]. Более 1370 экспонатов были упакованы в сотню самодельных ящиков и под покровом ночи перемещены на Царскую пристань в Южной бухте Севастополя. В ночь с 11 на 12 декабря все картины были погружены на борт судна и, после череды пересадок, 13 месяцев и 11 тысяч километров, доставлены в сибирский город Томск, где и хранились до окончания военных действий [2].

На данный момент практически все довоенные документы музея утрачены. А записей во время эвакуации Михаил Павлович не вел. Единственные сохранившиеся документальные материалы – бумаги, переданные в Севастопольский художественный музей сотрудниками Томского музея в 2016 году, к юбилею Михаила Павловича Крошицкого.

Важные статистические сведения содержит «каталог утраченных ценностей Российской Федерации и список музеев, пострадавших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Исследование годовых отчетов музеев за 1954–1959 гг. дало возможность проанализировать деятельность Севастопольского художественного музея в послевоенный период [3].

Литература

1. Анна Мельникова. Директор музея спас из-под бомбежки шедевры мирового искусства [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2017. Режим доступа: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26765.5/3796969/>.
2. Как Михаил Крошицкий спас художественную галерею Севастополя [Электронный ресурс] // ForPost. Режим доступа: <https://sevastopol.su/news/kak-mihail-kroshickiy-spas-hudozhestvennyuyu-galereyu-sevastopolya>.
3. Культурные ценности – жертвы войны. Утраченные культурные ценности РФ, 2006–2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/.
4. Севастопольский художественный музей [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.sevartmuseum.info.

¹ Научный руководитель – доцент базовой кафедры «Музейное дело и охрана памятников историко-культурного наследия» Севастопольского государственного университета Смирнова Людмила Константиновна.

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В условиях современного противостояния великих держав, когда вследствие военно-политических и экономических причин, они всячески стараются избежать открытого столкновения, часто оказываются востребованными различные вооруженные формирования, формально напрямую не связанные ни с одной из сторон конфликта. Сегодня войны переместились из стран первого мира на периферию, за которую в данный момент идет напряженная борьба. Роль основного инструмента в конфликтах между державами XXI века начинают играть частные военные компании.

Под частными военными компаниями подразумеваются *«частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют»* [1]. Деятельность ЧВК на международной арене регламентируется двумя основными документами – «документом Монтрё» 2008 года [2] и Международным кодексом поведения частных военных компаний» 2010 года. Оба документа носят исключительно рекомендательный характер. Юридической силой обладают лишь Женевская конвенция от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ней, принятые 8 июля 1977 года.

В России деятельность ЧВК попадает под 359-ю статью Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020): *«вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях»* влечет за собой уголовную ответственность как для потенциального нанимателя, так и для самого наемника [6].

Первые частные военные компании появились в середине XX века в Великобритании. В 1965 году полковник вооруженных сил страны, создатель SAS Дэвид Стирлинг основал Watchguard International [3, с. 63]. Она стала первой в мире частной военной компанией. Под видом гражданского сервиса компания организовывала оказание наемнических услуг. Первой их успешной операцией стала подготовка бойцов промо-норхических движений на территории северного Йемена. Тесная связь Watchguard International с правительством Великобритании обеспечило компании высоким качеством снаряжения и рекрутов. Один из первых наборов данного ЧВК состоял из бывших ветеранов SAS.

В это же время в Великобритании создается еще одна ЧВК – Kilo Alpha Services. Инициатором ее создания выступил еще один выходец из SAS Джон Вудхаус. Замысел первых ЧВК заключался в оказании помощи правительству Великобритании и ее интересам, но без прямого вмешательства в политические конфликты. Именно поэтому вплоть до 1969 года Watchguard International занималось лишь подготовкой солдат, отказываясь от любых военных рейдов. В 1969 году Дэвид Стирлинг согласился взять контракт на спасение родственников и сторонников ливийского монарха Мохаммеда Идриса аль Сенусси из тюрьмы «Хилтон» в Триполи. Сотрудники компании провели разведку и были уже готовы штурмовать тюрьму. Однако МИД Великобритании посчитал операцию слишком рискованной. Но это не помешало Джеймсу Кенту и Джеффу Томпсону из Watchguard international организовать свой собственный отряд для проведения операции, без ведома руководства компании. Операция закончилась полным провалом. Группа не смогла даже добраться до Ливии, а была задержана в Италии при попытке отправки туда. Уже через три года Watchguard international была закрыта. Такое решение было принято после серии неудачных операций.

В 1989 году была создана другая ЧВК – Executive Outcomes (ЕО) [4, с. 16]. Штаб-квартира компании официально находилась на территории Южной Африки, но зарегистрирована она была в Лондоне. В 1995 году ее бойцы принимали участие в

подавлении восстания в Сьерра-Леоне [4, с. 20]. Однако жестокость наемников из ЕО привела к ее скорому закрытию в 1998 году.

В США одной из первых ЧВК стала Military Professional Resources Incorporated (MPRI). Она была основана в 1987 году [8]. В руководстве ЧВК присутствовали видные представители ВС США. В частности, должность вице-президента занимал генерал-лейтенант Гарри Сойтер. Согласно официальным источникам компания занимается целым спектром услуг оборонного характера (охрана границ, подготовка солдат и многое другое). Известно об участии ЧВК в подготовке бойцов в Хорватии, Боснии, а также Грузии в 2008 году.

Следующий бурный рост ЧВК произошел после трагических событий 11 сентября 2001 года. Проблема мирового терроризма заставила многие страны искать новый эффективный ответ на возникшую угрозу. С этого момента и вплоть до сегодняшнего дня наблюдается стремительный рост финансового оборота в секторе ЧВК [7, с. 2]. С 1990 года по 2010 год он вырос почти на 150 млрд и продолжает стремительно расти [5, с. 198].

Таким образом, появление первых ЧВК в мире было связано с потребностью западных держав продвигать собственные экономические и политические интересы без прямого вмешательства в дела других держав. В настоящее время частные военные компании плотно вошли в сферы конкуренции великих держав. Они практически не занимаются непосредственным проведением боевых операций, а сконцентрированы на других аспектах, раньше являвшихся прерогативой государства: подготовкой военнослужащих, сил безопасности, формированием аналитических докладов, охраной объектов гражданской и военной инфраструктуры и многими другими вопросами не только государств периферийного мира, но и ведущих региональных и мировых держав.

Литература

1. Балканов И.В., Старцун В.Н. Американские частные военные и охранные компании: косвенное участие и его последствия // Вестник военного права. 2017. № 4. С. 80–81.
2. Документ Монтре от 17 сентября 2008 года «О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. М.: Региональный информационный центр МККК в Москве, 2011. 31 с.
3. Коновалов И.П. Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наёмничества. Пушкино.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 216 с.
4. Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 138 с.
5. Небольсина М.А. Феномен частных военных и охранных компаний: проблемы легитимности // Ежегодник ИМИ. 2014. № 3-4. С. 198.
6. Статья 359. Наемничество Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a9e28227f557dc1e6659c1d88613790bb3dddb5b/
7. Abrahamsen R., Williams Michael C. Security Beyond the State: Private Security in International Politics. Cambridge, 2011. 272 с.
8. Isenberg D. Soldiers of Fortune Ltd.: A Profile of Today's Private Sector Corporate Mercenary Firms // Center for Defense Information Monograph. November 1997. URL.: <http://www.aloha.net/~stroble/mercs.html> (дата обращения: 20.12.2020).

СЕКЦИЯ «Культура России и стран Большого Средиземноморья в прошлом и настоящем»

УДК 327

Анисимова А.П.¹

РУССКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ ДИАСПОРАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЛИЯНИЕ НА МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ РФ И ИЗРАИЛЯ В 2000–2020 ГГ.

Ивановский государственный университет, г. Иваново

В двусторонних отношениях государств важную роль играет сфера культуры. Культурные связи являются фундаментальным элементом межгосударственного взаимодействия, отличительной особенностью которого во многом является возможность более гармоничного продвижения «снизу-вверх»: от отношений людей, социальных групп и народов, к отношениям на государственном уровне. В сфере экономики и политики такое продвижение, если не невозможно, то точно более затруднительно.

Культурное разнообразие народов и его изучение – ключ к пониманию множества особенностей, которые формируют менталитет и влияют на развитие общества и межкультурные отношения.

В отношениях России и Израиля культурные связи имеют особое значение, учитывая существование более чем полутораmillionного пласта репатриантов, выходцев из СССР, проживающих в Государстве Израиль и широко представленной на территории РФ еврейской диаспоры [5, с. 19]. Именно они, являясь социальной группой, формируют многие особенности в развитии двустороннего межкультурного диалога государств.

Диаспоры являются важнейшим связующим звеном и платформой для продвижения своих национальных интересов и инициатив за пределами собственного государства. Помимо этого, они репрезентуют культурную идентичность своего народа и принимают участие в межкультурном диалоге. Еврейская диаспора – одна из самых широко представленных и влиятельных в мире, в России ее корни уходят глубоко в историю [1, с. 42]. Русская диаспора существует в Израиле многие годы и является значимой частью общественной и культурной жизни израильского государства [5, с. 47]. Исследование их деятельности способствует более глубокому пониманию процессов межгосударственного взаимодействия и позволяет прогнозировать его будущее развитие.

Религия по сей день является важной составляющей культурной и общественной жизни, внутренней и внешней политики государств. В последние годы продолжается подъем значимости религии в мирополитических процессах, а многие религиозные институты расширяют сферу своей деятельности, активно участвуя в культурно-гуманитарной сфере жизни общества, влияя на образование и искусство.

Данное исследование раскрывает особенности деятельности русских диаспоральных и религиозных институтов в Израиле, главным образом Русской Православной Церкви (РПЦ) и Русской Православной Миссии в Иерусалиме (РПМИ), Координационного Совета Организаций Русскоязычных Соотечественников Израиля (КСОРС), и еврейских диаспоральных организаций: Российского еврейского конгресса (РЕК), Федерации еврейских общин России (ФЕОР), Еврейского агентства для Израиля (Сохнут), Евразийского еврейского конгресса, Благотворительного фонда «Джойнт», религиозных институтов: Конгресса еврейских религиозных

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета Точенов Сергей Валерьевич.

организаций и объединений в России (КЕРООР), Объединения религиозных организаций современного иудаизма в России (ОРОСИР).

Анализ концентуальных документов организаций и их деятельности позволяет оценить, какой уровень участия и влияния оказывают данные институты на межкультурные отношения России и Израиля.

Деятельность еврейских диаспоральных и религиозных институтов в России первоначально преследует цель поддержки российских граждан еврейского происхождения и/или иудейского вероисповедания, проживающих на территории РФ. Деятельность русской диаспоры и религиозных институтов в Израиле в основном направлена на кооперацию выходцев из СССР и России и облегчению продвижения собственных интересов и инициатив в стране, а также сохранению их культурной идентичности. [3, с. 2–6].

Диаспоральные и религиозные институты оказывают значительное влияние на развитие российско-израильских отношений в культурно-гуманитарной сфере, хотя их первоначальные цели направлены на развитие внутри диаспор, а межкультурный диалог является скорее следствием их деятельности.

Литература

1. Левитац И. Еврейская община в России 1772-1917. Книжники, 2013. 656 с.
2. О русской духовной миссии в Иерусалиме. Официальный сайт РДМИ. Раздел: Миссия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rusdm.ru/about/>.
3. Программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом от 2015 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://pravfond.ru/media/admin/Programma_sootech_2015-2017.pdf.
4. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 1997 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=107385;fld=134;dst=4294967295;from=61456-17#030624337161607795>.
5. Ханин З. Русские и власть в современном Израиле. М.: ИБВ, 2004. 290 с.
6. 262 עמודים, 2001, אביב-תל. לשם, א. ליסק. בעריכת מ. זהות ותרבות במעבר: מרוסיה לישראל.

КУЛЬТУРА РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ПОБЕРЕЖЬЕ КРЫМА КАК КОЛЫБЕЛЬ ЭСТЕТИКИ И ФИЛОСОФИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА. МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел

Историко-политические события последнего десятилетия актуализируют тему крымской составляющей в культурных процессах современной России по аналогии с процессами Новейшего времени, если принимать за точку отсчета период после Октябрьской революции. В современной науке гуманизирующая роль Крыма, как колыбели творческих сил русской интеллигенции, является недоисследованной.

Цели настоящего исследования – на основании сравнительного анализа культурных и литературных процессов, выявить факторы, гуманизирующие творчество русской интеллигенции на территории Южного и Восточного берега Крыма.

В период, предшествующий Серебряному веку русской культуры, поездки литераторов на крымское побережье Черного моря зачастую бывали случайны, не всегда добровольны и кратковременны (как, например, месячное пребывание А.С. Пушкина на Южном берегу Крыма). На рубеже веков интерес к Крыму возрос многократно: интеллигенция искала материализации своих душевных исканий, такого «синтетического места», каким предстали окрестности Коктебеля, написанные Максимилианом Волошиным «не с натуры». Так, Чеховская Ялта породила образ «дамы с собачкой», и лишь благодаря хронотопу восточного берега Крыма стали возможными «Алые паруса», давно ставшие архетипом русской культуры в целом [1].

Романтический (созвучный романтизму как жанру в литературе) ландшафт Крыма позволил литераторам вознестись над политизированными реалиями выпавшей на их долю современности. Представители интеллигенции (Исаак Бабель, Александр Блок, Михаил Булгаков), встретившие революцию и гражданскую войну в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, бывали вольно или невольно включены в политические процессы. Оказавшись на периферии, вдали от волнений и смуты, литераторы, художники и другие деятели искусства вовлекались в надвременное и надпространственное мифотворчество, подобное Киммерийскому мифу Максимилиана Волошина [2] и становились звеном в цепи истории от Херсонеса Таврического, через Крещение Руси до надрывно звенящей воинской славы обороны Севастополя. Сам Волошин обозначал место своего проживания в Крыму, куда стекались многие известные литераторы, так: «*Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического)*» [3]. Именно такая парадигма существования человека в культурном контексте укладывалась в концепцию Максимилиана Волошина, ощущавшего себя продолжателем в цепи культур, в месте, на протяжении тысяч лет, населенном людьми [2].

Как литература, созданная в Крыму, неотделима от его природы, истории, колорита, так и история Крыма неотделима от пульсирующего сплетения культур и цивилизаций. Полисы Древней Греции сменились средневековыми городами-крепостями. Одни завоеватели сменяли других (скифы и эллины, византийцы и генуэзцы), привнося свои культурные особенности и мировоззренческие матрицы.

Местность, впитавшая в себя культурные коды различных и даже противоречивых культур, аккумулировала терпимость и миротворчество. Проводником этих ценностей и стал Волошин в тяжелые годы гражданской войны, в которой никто не хотел участвовать, но почти каждый становился причастным и вовлеченным (Анна Ахматова, Марина Цветаева, Сергей Есенин), укрывавший в своем доме-корабле

белых – от красного террора, красных – от белого террора. Именно крымское «Солнце мертвых» (а не умиротворенное и ностальгически светлое «Лето Господне») помогло Ивану Шмелеву пережить гибель единственного и горячо любимого сына.

И даже теперь, сто лет спустя, после эпохи кристаллизации российской культуры, эпохи высших эстетических ее достижений, Крым остается источником творческого импульса (некогда породившего акварели Василия Polenova, произведения Александра Куприна, «крымские страницы» Максима Горького и Сергеева-Ценского), который в силах наших современников направить в созидательное и миротворческое русло.

Как, благодаря стараниям «Макса» Волошина, его собственный дом стал даже не кораблем, а маяком для многих ученых, литераторов, художников и артистов, так и в современных изменчивых, но неизменно непростых условиях переосмысления культурной принадлежности, будущее – в принятии, прогресс – в единении.

Литература

1. Заяц С.М. Мифотворчество и религиозно-философские искания Максимилиана Волошина на перепутьях XX века, 2016. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/mifotvorchestvo-i-religiozno-filosofskie-iskaniya-maksimiliana-voloshina-na-pereputyakh-sere>.
2. Наровчатов С.С. Максимилиан Волошин, 1977. // Режим доступа: [http://voloshin.rhga.ru/upload/iblock/8f6/56\)%20%D0%A1.%20%D0%A1.%20%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%87%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2.pdf](http://voloshin.rhga.ru/upload/iblock/8f6/56)%20%D0%A1.%20%D0%A1.%20%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%87%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2.pdf).
3. Полетавкин Б.П., Мирошниченко Н.М. // Режим доступа: <https://voplit.ru/article/kimmeriya-m-a-voloshina/>.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ У
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Бакинский государственный университет, г. Баку (Республика Азербайджан)

В середине 80-х годов XX века в СССР во всех сферах экономики и жизни общества сложилась кризисная ситуация, требующая незамедлительных действий, решение которой предпринималось за счет обеспечения гласности и демократизации. Период перестройки создавал условия для реализации религиозных потребностей граждан в обществе. Постепенное сокращение репрессий против священнослужителей и прекращение преследований верующих, массовых разрушений храмов, церквей, мечетей, иных святых мест, приостановление реализации антирелигиозной политики с целью ослабления силы влияния духовенства, широко применявшихся Советской властью на протяжении долгого периода, создали условия для оживления религиозной жизни, восстановления роли религии в жизни всех наций постсоветского пространства.

Распад СССР, обретение независимости бывшими советскими республиками дали возможность и тюркским республикам определить дальнейший путь своего развития, взяв курс на восстановление национальных особенностей, возвращение к историческим корням, многовековым культурным, религиозным традициям и обычаям. На территории постсоветского пространства стали интенсивно развиваться процессы возрождения религиозного самосознания верующих, начал реально претворяться в жизнь принцип «свободы совести». Проводилось много мероприятий по решению проблем, существующих в сфере религии тюркских народов на протяжении долгих десятилетий.

Данный период характеризуется повышением интереса к религии, которой удалось заполнить вакуум, образовавшийся вследствие краха советской идеологии, а также установлением новых возможностей, обеспечивающих развитие тюркских республик: установление дипломатических отношений с исламским миром, финансирование строительства мечетей, медресе, университетов и т.д. Налаживание и развитие связей между тюркскими республиками после обретения независимости создали условия для деятельности зарубежных миссионеров, которым ввиду слабого социального положения с легкостью удавалось проникать в тюркские страны, для преодоления чего предпринимались особые меры.

Принимались меры по совершенствованию национального законодательства, внесению поправок в соответствии с требованиями международного права, направленных на успешное налаживание и регулирование государственно-религиозных отношений. Многие нормы законов были обновлены, а другие, например, о регистрации религиозных организаций, религиозных обрядах и церемониях, религиозной литературе и предметах религиозного назначения, ответственности за нарушение законодательства о свободе совести и религиозных организациях – ужесточены [8, с. 126].

Совершенствование законодательной базы, создание специальных органов, уполномоченных регулировать религиозную жизнь, осуществление религиозно-просветительской деятельности, проведение научных исследований, посвященных осмыслению особенностей развития национальной культуры, в том числе религиозно-философского наследия великих тюркских мыслителей и т.д. положительно повлияли на изменение религиозной ситуации в тюркских республиках. Несмотря на разрушение многих признаков религиозной атрибутики в советский период и на попытки стереть религиозное мышление из памяти людей, тюркским народам удалось сохранить приверженность духовным, национальным и религиозным ценностям, что составляет основу национальной идеологии независимых тюркских республик.

Литература

1. Адель Абдулла Аль-Фалах. Гейдар Алиев и Национально-Духовные Ценности. Баку, Гисмет, 2007. 108 с.
2. В Баку проходит саммит религиозных лидеров мира. В церемонии открытия саммита принял участие президент Азербайджана Ильхам Алиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/v_baku_proxodit_sammit_religioznyx_liderov_mira_v_ceremonii_otkrytiya_sammita_prinyal_uchastie_prezident_azerbaidzhana_ilham_aliev-722224-02.01.2021.
3. Идеалы аль-Фараби и социогуманитарное развитие современного Казахстана. Коллективная монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. 232 с.
4. Ислам и Политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. 420 с.
5. Муртазин М. Религия на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // О системе исламского образования на постсоветском мусульманском пространстве. Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_02/12-Murtazin.pdf, С. 95-97.
6. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Изд.Атамұра, 1999. 296 с.
7. Политика Гейдара Алиева: Толерантность (выступления, речи, встречи, поздравления). Баку, Издательско-полиграфический Центр «Нурлар», 2016. 424 с.
8. Сирожов О.О., Расулев Э.Х. Учебно-методический комплекс по предмету Религиоведение. Ташкент, 2019. 128 с.
9. Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. Под ред. Э. Ногойбаевой. Алматы, 2017. 52 с.
10. Heydər Əliyev və Azərbaycanın din siyasəti: gerçəkliklər və perspektivlər [Mətn] /Azərbaycan Respublikası Dini Qurumlarla İş üzrə Dövlət Komitəsi; [H.Orucovun ümumi redaktəsi ilə; tərt. G.İsmayilov; red. S.Nəzərli; rəssam. A.Hüseynov; dizayn. M.Bəhmən]B.: Əbilov, Zeynalov və oğulları, 2007. 399, s.
11. Quluzadə Musa. Azərbaycan SSR-də dövlət və din münasibətləri [Mətn]: 1920-1991-ci illər / Red.: C.G. Həsənlı. Bakı, 2006. 315 s.
12. Səmədov, E. Azərbaycanın din-dövlət münasibətləri və dini təhsilin formalaşması. Bakı, 2009. 169 s.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОЗИЦИОННОГО ДИЗАЙНА КАК ФЕНОМЕНА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Музейная экспозиция играет значительную роль в жизни современного человека, являясь важной составляющей социальной коммуникации. Как культурный феномен, она прежде всего выступает источником знаний и транслятором эстетических канонов. В экспозиционном дизайне отражаются изменения, происходящие в обществе, включающие социальные и идеологические проблемы, художественные и научно-технические новации. Таким образом, изучение дизайна, как средства проектирования современного музейного пространства, представляется актуальным в музейном деле.

На сегодняшний день за рубежом и в России создаются новаторские проекты экспозиции, впечатляющие своей оригинальностью и нестандартными подходами к решению художественной концепции замысла. В экспозиционном дизайне наблюдается тенденция динамики, которая выразилась не столько в привлечении современных технических средств, сколько в авторской интерпретации экспозиционной темы. Важность выявления новейших тенденций в художественном проектировании пространства позволяет музеям становиться передовыми культурными центрами. Изучение и применение современных приемов в экспонировании дает возможность проектировать выставочное пространство так, чтобы оно могло длительное время сохранять свою актуальность.

Особенностью современного музея является изменение позиции по отношению к зрителю. Он становится более открытым и привлекательным, настраивающим на активный диалог с посетителем. Музей стал местом, где человек переживает мир ценностей и значений.

М.Т. Майстровская, исследователь экспозиционной деятельности музеев, отмечает в своих работах, что *«формирование эстетических и функциональных качеств предметной среды»* является целью современного экспозиционного дизайна. А главным при художественном оформлении выступает правило: *«экспонат – экспозиция – зритель»* [3].

Среди ключевых моментов, которые обсуждались на Международном фестивале «Интермузей 2019», была рассмотрена проблематика современной музейной экспозиции. Руководитель Лаборатории музейного проектирования А.П. Лебедев выступил организатором круглого стола «Музейный дизайн: технология или творчество» в рамках данного фестиваля. Круг вопросов встречи касался тем: каким должен быть современный музей, как выстраивать отношения со зрителями, какую роль в этом играет художник, сотрудничающий с музеем [2].

В настоящее время методика проектирования музейного пространства усложняется в связи с приобретением музеем новых социальных функций – наряду с местом представления культурного наследия, образования, досуга, он стал туристическим центром. Перед дизайнерами встала задача создать сооружение нового поколения, синтезирующее человеческий опыт, искусство, науку и технику. Таким образом, музейные учреждения уже воспринимаются *«не только как хранители прошлого, но и создатели будущего, как центры актуальной информации и активной коммуникации»* [4].

Экспозиционный дизайн, будучи формой социокультурной коммуникации, способен воплотить инновационные модели и концепции, выработанные современным музееведением. Дизайнеры создают более зрелищные проекты, основываясь на новой стратегии актуальной визуальной культуры. Современные музейные экспозиции являются цельным художественным произведением искусства, в котором

научная и историческая составляющие музейного предмета органично соединены с художественной средой [1].

Одним из наиболее ярких примеров музеев нового времени является Музей европейских и средиземноморских цивилизаций (Muséum), построенный в 2013 году в Марселе (Франция). Его экспозиция посвящена данному региону через призму различных исторических периодов: от первобытных времен до современности. Muséum – это не просто музей, а новое общественное пространство, включающее в себя многогранные аспекты современной жизни. Революционный дизайн зданий, соединивший древность и современность, был создан архитектором Руди Риччиотти – французом, выросшим в Марокко. Автор проекта применил в дизайне один из способов визуального воплощения концепции музея как открытой системы, сделав оболочку сооружения максимально прозрачной и незаметной, чтобы стереть границы между зданием и его окружением. Экстерьер здания представляет собой стеклянный куб, «окутанный кружевной вуалью» из бетона, с эффектной подсветкой, которое получило название ««здание из камня, воды и ветра». Основное сооружение, расположенное на острове, соединено с берегом при помощи мостов, подвешенных «между небом и водой». Этот музейный проект стал крупным для Средиземноморья, символизирующим связь двух частей света: Европы и Африки. Не случайно был выбран и город Марсель, в котором тесно переплетаются средиземноморские культуры [5].

В последние годы на территории России сооружаются новые грандиозные музейные объекты, объединяющие в себе культурно-образовательные структуры. В частности, к 2024 году в Севастополе планируется возведение масштабного музейного комплекса на мысе Хрустальный. Согласно рабочим эскизам, художественная концепция дизайна будет отражать исторические и культурные особенности города. В создании выставочного пространства будут применены инновационные аспекты экспозиционного дизайна. Данный проект позволит улучшить развитие культурной среды и туризма в Крымском регионе [6].

Подводя итог, необходимо отметить, что в последнее десятилетие произошел процесс переосмысления целей и задач музейного пространства, его влияния на зрителя. На данный момент современный экспозиционный дизайн представляется как средство организации художественной среды и демонстрации музейных коллекций, обеспечивающее все функционально-утилитарные потребности. А роль дизайнера выявляется в художественной составляющей экспозиции. Используя принципы художественного проектирования, он раскрывает культурную, историческую и научную составляющую музея.

Литература

1. Безрукова Е.А. Текст научной работы на тему «Роль дизайнера экспозиции в современной практике музейной деятельности». Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово), 2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>.
2. Васильева Жанна [Электронный ресурс] // Электронный журнал «RG.ru». 2019. Режим доступа: <https://www.rg.ru>.
3. Майстровская М.Т. Автореферат диссертации по искусствоведению на тему: «Композиционно-художественные тенденции формообразования музейной экспозиции: В контексте искусства, архитектуры, дизайна». 2002 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.dissercat.com>.
4. Скрипкина Л.И. Текст научной работы на тему «Строительство новых музеев в контексте глобальных вызовов современности». 2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>.
5. Интернет-ресурс hisour.com [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.hisour.com>
6. Интернет-сайт archiportal-crimea.ru [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.archiportal-crimea.ru>.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ШОТЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Историю шотландского костюма можно разделить на три основных периода.

Первый период, по данным письменных источников, можно датировать с X по XVI век. В это время на территории Шотландии доминировала ирландская мода. Это было связано, прежде всего, с этнокультурной близостью скоттов и ирландцев, поскольку оба народа являются кельтскими. Хайлендерский костюм в этот период состоял из шафрановой (оранжевый или желтый цвет) рубашки, коротких до колен штанов, мантии, а также жакета, упоминание о котором встречается в некоторых источниках. Многие авторы отмечают, что обуви у хайлендеров не было. Любимыми цветами горных шотландцев были фиолетовый, синий и темно-коричневый. В этот период встречаются первые упоминания о предметах гардероба с узором «тартан». Тартан представляет собой орнамент в клетку из горизонтальных и вертикальных полос, в котором встречаются квадраты, заполненные диагональными полосами.

Второй период охватывает время с XVII по XIX век и связан с началом процесса формирования того, что мы сегодня называем шотландским национальным костюмом. На территории Шотландии в этот период из гардероба хайлендеров исчезла шафрановая рубашка. Связано это было с начавшейся кампанией Англии против Ирландии, главного поставщика красителей и сырья для горных шотландцев. В это время исчезает и мантия. Ее заменяет предмет, который мы сегодня называем большим килтом (belted plaid). Этот предмет гардероба впервые встречается в источниках еще в XVI веке. Большой килт представлял собой либо массивный кусок ткани (преимущественно шерстяной), либо два сшитых вместе куска, которые в собранном виде представляли собой сложное одеяние, отдаленно напоминающее римскую тогу. Сложности, связанные с процессом облачения в большой килт, привели к его трансформации в малый килт. Инициатором данного процесса стало военное ведомство Великобритании, выпустившее распоряжение о поставке малого килта в хайлендерские подразделения.

Третий период датируется с 1881 г. до наших дней. В это время, благодаря масштабной реформе вооруженных сил, произошел переломный процесс в трансформации хайлендерского костюма в шотландский. Многие подразделения, набранные в Шотландии, получили новую униформу, включавшую в себя клетчатые штаны (trews), дублеты хайлендерского стиля, а также голубые боенеты (тэм). Однако разница между лоулендерами и хайлендерами продолжала сохраняться, поскольку равнинные шотландцы отказывались носить килт, в отличие от подразделений горных шотландцев.

Сегодня национальный костюм в Шотландии – не просто реликт прошлого. Он продолжает активно использоваться оркестрами волынщиков, танцорами, шотландскими военными подразделениями, а также рядовыми гражданами в ходе различных мероприятий (свадьбы, награждения и др.). Многие мастера продолжают изготавливать превосходные тартаны, которые поражают своим великолепием. Шотландия смогла сохранить свои уникальные культурные и этнические традиции благодаря Хайленду.

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

Литература

1. Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 320 с.
2. Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с.
3. Воевода Е.В. Килт как символ шотландской идентичности // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №1 (9). С. 111–120.
4. Блэк Д. История Британских островов. СПб: Евразия, 2008. 540 с.
5. Мак-Кензи А. Кельтская Шотландия / Перевод, научная ред., вступит. статья С.В. Иванов. М.: Вече, 2008. 336 с.
6. Сага о Магнусе Голоногом [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://norroen.info/src/konung/heimskringla/magnus-berf/ru.html>.
7. Федосов Д.Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., М.: ЕВРАЗИЯ – ИД Клио, 2014. 352 с.
8. Чайка М.С. Килт как аутентичный символ шотландской культуры // Научный поиск. 2012. № 2.4. С. 50–53.
9. Buchanan G. Rerum Scoticarum Historia. Blackie: Fullarton, 1827. 708 p.
10. Dunbar J.T. History of Highland Dress. Philadelphia: Dufour Editions, 1964. 248 p.
11. Grant N. Scottish Clans & Tartans. New York: Crescent Books, 1987. 256 p.
12. Jean de Beaugué Histoire de la guerre d'Écosse pendant les campagnes 1548 et 1549 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://books.google.com/books/about/Histoire_de_la_guerre_d_Ecosse.html?id=mJpBAAAAcAAJ.
13. Lindsay of Pitcottie The historie and cronicles of Scotland. Edinburgh: Blackwood for the Society, 1899–1911. Vol. I–III [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://digital.nls.uk/publications-by-scottish-clubs/archive/106458589>.
14. Major J. A History of Greater Britain. T. Constable, 1892. 476 p.
15. McClintock H. F. Old Irish and Highland Dress, with notes on That of the Isle of Man. Dundalgan Press, 1943. 188 p.
16. Miscellanea Scotica. Gale: ECCO, 2010. 160 p.
17. Moryson Fynes Moryson's Itinerary. London: Printed by J. Beale, 1617. Volume I–III [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://archive.org/stream/fynesmorysons01moryuoft/fynesmorysons01moryuoft_djvu.txt.
18. Reid S. Scottish National Dress and Tartan. Shire Publications, 2013. 90 p. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.pdfdrive.com/scottish-national-dress-and-tartan-e196915391.html>.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Проблема русской культуры, в частности, культуры религиозной, была одной из центральных в отечественной философской мысли. Не случайно поэтому, что оценка культурного развития в России начала XX века не была однозначной.

Период начала XX века Н.А. Бердяев назвал временем умственного и духовного пробуждения творческих сил. Духовный переворот, по его мнению, был связан с процессом перехода творческой интеллигенции к новым формам осмысления социально-политического развития Российского государства.

К истокам духовного подъема русский философ, в первую очередь, отнес литературно-эстетический ренессанс, который выразился в переоценке эстетических ценностей и, как следствие, в изменении эстетического сознания. В результате был преодолен русский нигилизм в отношении к искусству, в частности, к литературе.

Олицетворением умственного ренессанса, как утверждал Бердяев, стал преобразованный на православной основе европейский гуманизм. Проблема свободы, соборности, отрицание авторитета в религиозной жизни становятся основными темами русской религиозной философии. В то же время, отечественный философ отмечал, что слабость русского духовного подъема связана с отсутствием широкой социальной базы, разрывом связи творческой элиты и народных масс.

Крушением надежд и иллюзий назвал этот период Семен Людвигович Франк. По его мнению, события исторического этапа начала XX века повлияли на снижение уровня духовного развития, в том числе, и культуры. Культура, как сложная система подвижных связей, во многом зависима от социальных условий. Русский философ отмечал: *«Мы замечаем часто ослабление духовной активности при господстве лихорадочно-интенсивной хозяйственной, технической, политической деятельности, внутреннюю пустоту и нищету среди царства материального богатства и обилия внешних интересов, отсутствие подлинной осмысленности жизни при строгой рациональности ее внешнего устройства и высоком уровне умственного развития»* [1, с. 143].

Духовное развитие требует ориентиров, а человечеству не всегда хватает смелости признать тот факт, что путь, который оно выбрало, не верен. Причину, русский философ видел во влиянии политики государства. По его мнению, политика не должна диктовать цели и задачи для культурного развития, а наоборот, культура рождает ценности, в том числе и политического характера. Государство должно способствовать возрастанию уровня культурного образования народа как фактора духовного развития.

Культура, как результат творческих достижений, считал Иван Александрович Ильин, охватывает все стороны социальной жизни. Кризис культуры начала XX века русский философ связывал с господством технической культуры над проявлением духовных чувств и душевности и, как результат, негативного отношения государства к религиозному духовному наследию. Творчество, лишённое любви и теплоты, является источником зарождения «антикультуры». «Антикультура» отрицает внутреннюю творческую свободу, ответственность, поэтому, как утверждал Ильин, настоящая культура возможна только на основе религиозной веры.

Литература

1. Франк С.А. Духовные основы общества. Нью-Йорк: Посев, 1988. 316 с.

СЕКЦИЯ «Историческое краеведение Севастополя и Крыма»

УДК 930.2

Белоглазов Р.Н.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В историографии экономического развития Севастополя необходимо выделить три этапа: дореволюционный, советский и современный, каждому из которых были присущи свои особенности, теоретико-методологические подходы, содержание и источниковая база. Последние два имеют непосредственное отношение к исследованию проблематики данной публикации, которая приобретает актуальность в силу недостаточной изученности, а также необходимости дальнейшей разработки теоретических вопросов истории Севастополя по конкретным тематическим направлениям.

Изучение экономики региона в советский период началось в 1920-е гг. Авторами соответствующих публикаций были преимущественно непосредственные участники процессов управления и формирования новой социалистической системы народного хозяйства. Для трудов этого периода характерно обилие статистических данных, введение в оборот большого фактического материала. Среди работ 1920-х гг. необходимо выделить ряд юбилейных изданий, посвященных становлению и развитию советской власти в Крыму, которые отличает значительный объем статистической информации [3], [13].

Для аналогичных по направленности и содержанию сборников 1930-х гг. [4], [12] стало характерным сужение источниковой базы, теоретическое обоснование выводов и оценок с акцентом на официальные публикации руководителей государства. В работах 1920–1930-х гг. характеристика количественных и качественных показателей хозяйственного развития Севастополя приводилась в общем контексте описания становления и эволюции экономики Крымской АССР.

После Великой Отечественной войны появилась первая диссертационная работа, посвященная Севастополю первой половины 1920-х гг. [6], которая была выполнена на основе ограниченного круга источников в рамках официального так называемого партийного подхода, что не позволило достаточно полно проработать и обобщить материал по ряду важных направлений социально-экономического развития города в период НЭПа.

В годы «хрущевской оттепели» и в более поздний период до распада СССР в научных публикациях экономическая тематика Севастополя затрагивалась фрагментарно или в общем контексте изучения особенностей народного хозяйства Крыма. В полной мере эта характеристика касается вышедших в послевоенный период обзорных работ по истории города [7], [2] и крымского региона [1], [11].

Авторы этих публикаций вводили в оборот значительный фактический материал по вопросам развития промышленности и сельского хозяйства, при этом действия советского руководства получали только комплементарные оценки, а проблемы, связанные с социальными издержками проводимого государством экономического курса, замалчивались. К числу положительных сторон историографии по теме данного периода следует отнести появление работ по истории отдельных предприятий города [9].

На рубеже 1980–1990-х гг., в связи с либерализацией политической системы и деидеологизацией общественных наук, возникли условия для применения новых методологических подходов и расширения источниковой базы. Приоритетным для

крымских ученых в 1990–2000-е гг. стало переосмысление догм советской историографии, подготовка на качественно ином уровне исследований по разнообразным аспектам истории региона.

В постсоветский период в Севастополе силами архивных и музейных работников получила продолжение разработка краеведческих тем, связанных с деятельностью отдельных промышленных предприятий [5].

В процессе изучения хозяйства города в советский период современные исследователи обратили внимание на то, что в структуре экономики Севастополя в XX столетии стала преобладать промышленная составляющая. С учетом данных факторов в диссертационной работе А.В. Кузьминой [10] была разработана и предложена методика проведения исследований по истории севастопольской промышленности в 1930–1990-е гг., а также дана характеристика соответствующей источниковой базы.

В 2017 г. вышла в свет коллективная монография «История Крыма» [8]. Отдельные разделы этой работы посвящены социально-экономическому развитию региона. В частности, заслуживает внимание глава 30 «Крымская область в составе РСФСР. 1946–1954 гг. Передача Крыма Украинской ССР», авторство которой принадлежит московскому исследователю О.В. Волобуеву, рассмотревшему вопросы о восстановлении крымских городов и экономике Крыма в целом на основе оригинальных архивно-документальных материалов.

В.С. Юрченко в 2018 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Севастополь в первые годы новой экономической политики (1921–1925)» [14], в которой с привлечением широкой источниковой базы на основе новых методологических подходов были рассмотрены основные параметры социально-экономического развития города в начале 1920-х гг.

Таким образом, анализ научной литературы по теме развития экономики Севастополя в новейшее время свидетельствует, что изучение проблемы имеет фрагментарный характер. Комплексные обобщающие работы, выполненные на основе широкого круга источников, отсутствуют, что актуализирует необходимость организации и проведения соответствующих исследований междисциплинарного характера на стыке экономической и исторической наук.

Литература

1. Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма / под ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1958. 314 с.
2. Ванеев Г.И. Севастополь. Страницы истории 1783–1983. Симферополь: Таврия, 1983. 208 с.
3. Весь Крым. 1920–1925. Симферополь: издание КрымЦИКа, 1926. 660 с.
4. Десять лет промкооперации Крыма / под ред. М.С. Баранова. Симферополь: Госиздат Крымской АССР, 1935. 78 с.
5. Евдокименко Н. Год 1926-й. Севастопольский порт // Слава Севастополя. 1995. 15 февраля. С. 3.
6. Иванова З.Н. Севастополь в восстановительный период (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Симферополь, 1954. 19 с.
7. История города-героя Севастополя. 1917–1957 / под ред. С.Ф. Найда. Киев: Наука, 1957. 338 с.
8. История Крыма: в 2 т.: [коллектив, моногр.]. Т. 2 / Рос. ист. о-во, Ин-т Рос. истории РАН; отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. 789 с.
9. Корабелы Севастополя / под ред. А.Г. Бегунова Д.В. Кузьмина И.В. Попова. Л.: «Судостроение», 1983. 280 с.
10. Кузьмина А.В. Промышленные предприятия г. Севастополя (1930е–1990е годы). Источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Севастополь: Филиал МГУ в Севастополе, 2014. 236 с.
11. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1957. 300 с.
12. Советскому Крыму 20 лет. 1920–1940 гг. Симферополь: Крымгиз, 1940. 320 с.
13. Четыре года соввласти в Крыму. 1920–1924. Симферополь: издание КрымЦИКа и СНК, 1924. 409 с.
14. Юрченко В.С. Севастополь в первые годы новой экономической политики (1921–1925): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2018. 287 с.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЙ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, УЧАСТВОВАВШИХ В СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ ВУЗОВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ¹²

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне был, есть и будет актуальным всегда. Издаются книги о войне, публикуются источники, снимаются документальные фильмы, богатые уникальной хроникой. В 2020 году мы отмечали 75-летие победы в Великой Отечественной войне. В рамках празднования этой годовщины практика студентов-историков группы И/б-17-1-о Севастопольского государственного университета была посвящена изучению биографий ветеранов Великой Отечественной войны, которые в послевоенное время работали в севастопольских вузах. В ходе практики была разработана и апробирована эвристическая методика, основанная на работе с Интернет-ресурсами.

При проведении исследования было установлено, что для выявления данных о военном и трудовом этапах биографий ветеранов войны есть возможность использовать различные Интернет-ресурсы. Информация о воинских заслугах ветеранов размещена на специализированных порталах: «Память народа», «Бессмертный полк», «ОБД Мемориал», и др. Трудовые биографии целесообразно изучать по материалам, содержащимся на специализированных сайтах учебных заведений, в блогосфере, на Интернет-ресурсах, созданных выпускниками вузов. Переписка с наследниками и коллегами ветеранов в социальных сетях ведется с использованием методов устной истории и позволяет выявить уникальные подробности биографий ветеранов на всем протяжении их жизней.

Форумы, созданные выпускниками и бывшими сотрудниками севастопольских вузов, позволяют собрать информацию о людях, трудовой путь которых был связан с соответствующими учебными заведениями. Выпускниками Севастопольского Высшего военно-морского инженерного училища (СВВМИУ) был основан онлайн-форум, на котором размещаются документы, биографические справки и фотографии, нарративные источники [4]. Сайт Межрегиональной общественной организации ветеранов ВМФ «Союз выпускников Севастопольского ВВМИУ-Голландия» также был создан выпускниками этого училища. Здесь размещаются новости организации, публикуются статьи о морском инженерном деле, создана, пополняется и выверяется летопись Союза выпускников СВВМИУ [12].

Сайты вузов включают раздел об истории учебного заведения, а также биографические заметки о сотрудниках. На сайтах СевГУ, Кафедры «Радиоэлектроника и Телекоммуникации» этого университета размещаются биографии выдающихся профессоров [6]. Чаще всего основные вехи их биографий содержат заметки-поздравления и некрологи [7].

В региональной и местной прессе есть статьи о значимых личностях [8], [21], поэтому материалы периодики необходимо привлекать на этапах эвристики и верификации материалов. Ветераны войны между собой равны: все внесли бесценный вклад в победу над захватчиками. Вместе с тем, после окончания ВОВ люди, закаленные опытом боевых действий или тяжелым трудом в тылу, проявили себя по-разному. Судьбы тех ветеранов, которые внесли заметный вклад в развитие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920005.

² Научные руководители – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Наумова Галина Романовна; кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

севастопольских учебных заведений, позволяют оценить, какие знания, идеи и ценности эти люди передавали подрастающим поколениям.

Уникальные воспоминания, материалы, публикации источников могут содержать блоги. На ресурсе «Живой журнал», например, пользователи часто публикуют материалы из личного архива или найденные в сети Интернет. В последнем случае они могут быть снабжены ссылкой на первоисточник, что существенно экономит время для исследователя [14]. На эвристическом этапе проведенного исследования установлено, что в личных блогах пользователи часто размещают биографии своих научных руководителей и коллег. Эту же функцию позволяют выполнять комментарии в социальных сетях [15].

Международный объединенный биографический центр – ресурс, на котором размещены биографии множества известных в отечественной истории людей. Поиск и публикация этих материалов осуществляется в рамках проекта «Солдаты XX века», инициатором которого стал член Союза журналистов СССР С.М. Семенов. Основным источником информации послужили беседы с ветеранами войны: маршалами, генералами армии, Героями Советского Союза и рядовыми красноармейцами, добившимися успеха в различных сферах жизни в послевоенное время. Эти материалы были изданы в нескольких томах, а также опубликованы в формате электронных документов и размещены на портале [16].

Онлайн-проект «Личности» представляет собой биографическую базу данных и содержит информацию о людях, оставивших след в истории человечества. Его отличительной чертой является деление биографической информации на формальную (ФИО, дата рождения, дата смерти, пол, возраст, место рождения и смерти, профессия) и неформальную (место и роль человека в историческом контексте). Формальные данные помещены в обособленные ячейки, по ним можно проводить группировку и независимый поиск. В рамках проекта не ставилась задача написания обширных биографий: акцент делался на фактической информации [11].

При изучении военного этапа биографий целесообразно привлекать материалы сайтов, посвященных Великой Отечественной войне: «Память народа» (синхронизируется с Обобщенными банками данных «Мемориал» [13] и «Подвиг народа» [22]), «1418: Дорога памяти», «Polk.inter.ua» [20], «Мемориал ВОВ» [5], «Победа 1945» [19], «1941–1945 Победители» [17], виртуальный портал «Бессмертный полк» [2], онлайн-проект «Книга памяти» [3]. Специализированные порталы помогают проследить основные вехи биографии ветерана с указанием на архив, в котором содержатся соответствующие документы, позволяют осуществлять поиск ветеранов, снабжены мультимедийными картами хода войны, предоставляют возможность определить дислокацию полка и обнаружить фото ветерана.

На основании вышеизложенного сделан вывод, что материалы сети Интернет обладают богатым информационным потенциалом, содержат массу документальных, нарративных источников и материалов устной истории. Вместе с тем, исследователю необходимо верифицировать информацию, обнаруженную в онлайн-пространстве, привлекая архивные источники, материалы периодики, историографию и музейные коллекции.

Литература

1. Библиотека форума СВВМИУ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://books.svvmiu.ru/>.
2. Виртуальный портал «Бессмертный полк» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.moypolk.ru/>.
3. Дергелазов В. Биография Б.И. Васильева / онлайн проект «Книга памяти» [Электронный документ] // Режим доступа: <https://kubinka1945.ru/nemnogo-istorii/poligon-38-niii-mo/109-vasilev-boris-ivanovich.html>.
4. Доклад председателя оргкомитета Глуховского В.И. на общем собрании выпускников 19.10.1985 г., посвященном 25-летию выпуска 1960 года [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.svvmiu.ru/forum/viewtopic.php?t=4987>.
5. Журавлев Михаил Степанович [Электронный ресурс] // Портал «Мемориал ВОВ. Режим доступа: <https://www.kremnik.ru/node/126258>.

6. Информационный центр СевГУ. Александру Трифоновичу Барабанову, основателю кафедры технической кибернетики, 90 лет! [Электронный документ] // Режим доступа: <https://www.sevsu.ru/novosti/item/3711-aleksandru-trifonovichu-barabanovu-osnovatelyu-kafedry-tekhnicheskoj-kibernetiki-90-let>.
7. Информационный центр СевГУ. Ушел из жизни профессор СевГУ, бывший ректор СПИ Алексей Иванович Раков [Электронный документ] // Режим доступа: <https://www.sevsu.ru/novosti/item/3604-ushel-iz-zhizni-professor-sevgu-byvshij-rektor-spi-aleksej-ivanovich-rakov>.
8. Ислентьев С. Механик тралщика «Якорь». Из племени победителей [Электронный ресурс] // Слава Севастополя. 29.05.2020. Режим доступа: <https://slavasev.ru/2020/05/29/mehanik-tralshhika-yakor-iz-plemeni-pobediteley/>.
9. История Союза выпускников Севастопольского ВВМИУ [Электронный документ] // Режим доступа: <http://moov-vmf.ru/istoriya-soyuza>.
10. К 80-летию доктора технических наук, профессора Л.М. Лобковой [Электронный документ] // Режим доступа: <http://rt-sevastopol.ru/department/history/anniversaries/2012lobkova80/>.
11. Николай Федорович Воеводин: краткая биографическая справка [Электронный ресурс] // Биографический банк данных «Личности». Режим доступа: https://persons-info.com/persons/VOEVODIN_Nikolai_Fedorovich.
12. Новостная заметка о Торжественном собрании в ВМА в честь 65-летия СВВМИУ 16 декабря 2016 года. [Электронный документ] // Режим доступа: http://moov-vmf.ru/santk-peterburg-meropriyatiya-65-letiya-so-dnya-osnovaniya-sevastopolskogo-vvmiu?mode=album&album_id=157966901.
13. ОБД «Мемориал» [Электронный документ] // Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/>. Пользователь «историст». Учитель: Александру Трифоновичу Барабанову, основателю кафедры Технической кибернетики, 90 лет! [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://историст.livejournal.com/626074.html>.
14. Пользователь Оксана Мухина (Оксана Юрьевна Мухина, преподаватель в СевГУ). Биография профессора И.А. Гусакова [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://vk.com/im?sel=588015972&w=wall-194162361_1154.
15. Проект «Солдаты XX века» [Электронный ресурс] // Выдающиеся деятели современности – участники войны. Режим доступа: <http://www.biograph.ru/index.php/persons>.
16. Проект 1941–1945: Победители [Электронный ресурс] // <https://www.pobediteli.ru>.
17. Протокол Счетной комиссии на Заседании Ученого Совета в/ч 31104 от 26.06.59 г по вопросу замещения штатных должностей преподавательского состава по конкурсу [Электронный документ] // <http://forum.svvmiu.ru/viewtopic.php?t=4468>.
18. Социальная сеть о Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pobeda1945.su/text/about>.
19. Тетя Женя (биография Е.Ф. Фоменко, жены А.А. Лисуна) [Электронный документ] // Режим доступа: <https://polk.inter.ua/uk/news/story/60-tetya-zhenya>.
20. Фолиев А. Его называли «морской Маресьев» [Электронный ресурс] // Волгоградская правда. Режим доступа: <https://vpravda.ru/obshchestvo/ego-nazyvali-morskoj-maresev-30507/>.
21. Электронный банк документов «Подвиг народа» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>.

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ БАЛОК СЕВАСТОПОЛЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Большинство топонимов Севастополя связано с его историческим прошлым. Улицы и площади, названные именами великих полководцев, знакомы как жителям, так и гостям города. Одним из интересных аспектов является история названий балок Севастополя. Сам термин «балка» означает долину, сухую или с временными водотоками. Одной из самых известных является Аполлонова балка, расположенная на Корабельной стороне Нахимовского района. Свое название получила в честь полковника Аполлона Гальберга, в подчинении которого были продовольственный склад сухопутного ведомства, батарея №5, доходный дом и склад боеприпасов, построенные в 1880–1890 годах. Там же, на Корабельной стороне, расположена Лабораторная балка, по которой проходит Лабораторное шоссе. Название получила благодаря расположенным в ней лабораториям Морского ведомства, которые в начале XIX в. снаряжали порохом артиллерийские снаряды. Имеет и другое название – Воронцовская, в 30–40-е годы XIX в. по ней было проложено одноименное шоссе.

Ушакова балка, также расположенная на Корабельной стороне, носит имя русского флотоводца Федора Федоровича Ушакова. По его приказу здесь был заложен парк, который является излюбленным местом горожан и сейчас. В начале XX века балку переименовали в Комсомольскую, однако название не прижилось, и ей вернули прежнее [3, с. 27].

Килен-балка получила название в связи с тем, что в ее устье проходили килевание корабли. Выходит к Севастопольской бухте, где ее затопленная устьевая часть образует Килен-бухту. Частью Килен-балки является балка Микрюкова, являющаяся ее левым притоком. Названа в честь располагавшегося в балке хутора Матвея Степановича Микрюкова, офицера Черноморского флота, участника штурма Измаила.

В Балаклавском и Гагаринском районах протекает балка Бермана [1]. Названа именем Г.Н. Бермана, владельца хутора, располагавшегося здесь в XIX–XX вв. В настоящее время здесь расположены садовые товарищества. В западной части она сливается с Юхариной балкой [4]. Свое название это понижение рельефа получило благодаря владельцу имения, некогда расположенного на ее склонах – Ивану Ивановичу Юхарину. Семья Юхариных жила в городе с начала его основания, многие члены семьи служили на Черноморском флоте.

На Северной стороне города расположена Михайловская балка, название которой происходит от Михайловского кладбища времен Крымской войны. В 80-е годы XX века кладбище было застроено жилыми домами. Другое ее название – Северная, так как она впадает в Старосеверную бухту, являющуюся частью Севастопольской бухты [2].

Литература

1. Илларионов В. Балка Бермана. История современных исследований // Слава Севастополя. 2019. 26 января.
2. Северная балка. Словарь топонимов на сайте Sevastopol.info.
3. Чикин А.М. Севастополь. Историко-литературный справочник. Севастополь: «Вебер», 2008.
4. Юхарина балка [Электронный ресурс] // Сайт www.crimea.ru.

¹ Научный руководитель – доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры «Мониторинг и теория климата» Севастопольского государственного университета Агаркова-Лях Ирина Владимировна.

ВОСПОМИНАНИЯ Е.А. ПРОНИНОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Жизнь Екатерины Александровны Прониной (1903–1994) была тесно связана с двумя городами – Севастополем и Нижним Новгородом (Горьким). Ее отец Александр Логинович Пронин (22 июля 1875 – ок. 1930) по окончании в 1902 г. Московского технического училища поступил на морскую службу в Черноморский флот и прошел к 1917 г. путь от младшего инженер-механика до капитана 1 ранга. В 1905 г. к нему в Севастополь переехала жена Екатерина Алексеевна (урожденная Ванновская, ок. 1885 – после 1941) вместе с трехлетней дочерью Катей. В 1910 г. в семье родился сын Роман. В 1918 г. А.А. Пронин уехал в армию Колчака. В 1920 г. он попал в плен к красным, однако не был расстрелян, а как военспец направлен в Москву, где служил в Морском штабе республики и преподавал до 1930 г. Жена с детьми в 1921 г. уехала из Севастополя к родственникам в Нижний Новгород, где Е.А. Пронина прожила до самой смерти.

Ее жизнь с общепринятой точки зрения вряд ли можно назвать счастливой – отсутствие семьи, комната в коммунальной квартире, постоянная бедность и незначительная должность лаборанта в институте. Как «коллективный человек» Е.А. Пронина не состоялась и это, думается, было следствием ее осознанного выбора как личности, руководствовавшейся правилом не унижаться и никогда и ничего не просить у власти. По рассказам знавших ее людей, она всегда говорила правду и в любых ситуациях сохраняла чувство гордости, достоинства и благородства. Все эти черты отчетливо проступают в ее воспоминаниях, инициатором записи которых была нижегородский профессор З.И. Кирнозе. Интерес к севастопольской теме был и остается для Кирнозе неподдельным. Ее семья имеет греческие корни и до революции, и в первые годы после нее проживала в Севастополе.

В личном архиве Кирнозе сохранились три общих тетради с воспоминаниями Е.А. Прониной. Часть из них была записана в 1954–1955 гг. Их можно разделить на три части: 1) «Окопы», в которой подробно повествуется о том, как в Горьковском индустриальном институте, на химическом факультете которого Пронина работала лаборантом, с началом войны была организована система разнообразных дежурств, а также о том, в каких условиях студенты и сотрудники института в октябре–ноябре 1941 г. рыли окопы в местности по левому берегу Волги, известной под названием Красная рамень. Здесь должен был пройти один из противотанковых участков Горьковского оборонительного вала. Благодаря предельной честности Прониной и ее умению судить нелицеприятно, перед нами выстраивается крайне неоднозначная мозаика общественных настроений в первые месяцы Великой Отечественной войны, идущих зачастую вразрез с официальной советской пропагандой; 2) «Три этапа», содержащая впечатления Прониной от увиденных в разное время конвоев: первое – от конвоя арестантов в еще дореволюционном Севастополе, второе – от конвоя НКВД в октябре 1935 г., и третье – от пленных немецких офицеров весной 1946 г.; 3) «Смерть Сталина», в которой Пронина размышляет о «великой тайне» русского народа, легко создающего себе «божество» и также легко его ниспровергающего.

Другая часть воспоминаний была записана Прониной в 1987–1988 гг. В них в основном описываются события, относящиеся ко времени проживания семьи Прониных в Севастополе с 1905 по 1921 гг. Эта часть воспоминаний фрагментарна, что в полной мере отражает ассоциативный и непоследовательный характер процесса припоминания. Хронологически они охватывают период с 1905 по 1930-е гг. Воспоминания о жизни и событиях в Севастополе 1905–1921 гг. перемежаются с отдельными воспоминаниями о Нижнем Новгороде и рассказами об отдельных представителях семей Прониных и Ванновских.

Севастопольские воспоминания Е.А. Прониной, посвященные дореволюционному времени, содержат интересные факты о встречах с императором и членами императорской семьи, о чудотворной иконе, о матросе-юродивом, о воспитании и о круге общения семьи. Более подробно раскрываются события «четырёх кровавых лет», наступивших после революции. Речь идет о событиях февраля 1918 г., когда семье удалось чудом пережить сева­сто­польские «Варфоломеевские ночи», о судьбе отца, о жизни при немцах, при «вторых большевиках» и при белых, об эвакуации Добровольческой армии и окончательном установлении советской власти в городе. При этом воспоминания не носят сухого, абстрактного характера, а повествуют о судьбах людей из окружения семьи Прониных, многие из которых стали известными личностями (И.С. Соколов-Микитов, И.С. Лукаш, И.И. Слатин, А.П. Лоидис). Одно из самых впечатляющих мест в воспоминаниях – описание путешествия из голодного Севастополя в Нижний Новгород в 1921 г. Спасителем семьи стал бывший машинист из команды отца М.И. Куликов, сумевший организовать им место в теплушке с матросами, охранявшими какой-то ценный груз.

Пронина уделяет в воспоминаниях большое внимание историям семей отца и матери, обстоятельно характеризуя бабушек и дедушек, многочисленных тетушек и дядюшек, а также племянников и племянниц. Такое внимание не случайно. В семьях Прониных и Ванновских, как и во всем русском обществе, политические взгляды зачастую носили полярный характер – одни были убежденными сторонниками революционных изменений, другие, наоборот, придерживались монархических убеждений. Старшие братья матери – Виктор Алексеевич и Александр Алексеевич Ванновские до революции играли видную роль в РСДРП, принимали активное участие в революции 1905 г. и неоднократно арестовывались. Брат отца – Иван Логинович Пронин был революционером, занимал разные партийные должности, в том числе и в Наркомпросе. Именно заступничество влиятельных родственников дважды спасало А.А. Пронина из-под ареста.

Родители Е.А. Прониной, как и она сама, придерживались монархических взглядов. С большим уважением и нескрываемым почитанием в семье Прониных относились к личности А.В. Колчака, о котором Пронина неоднократно вспоминает в связи с судьбой отца, познакомившегося с Колчаком в 1916 г., когда он был назначен командующим Черноморским флотом. После оккупации Севастополя в 1918 г. немецкими войсками Пронин вместе с группой офицеров (среди которых был мичман В.А. Шумович) присоединились к армии Колчака. По воспоминаниям Прониной, ее отец, находившийся при штабе Колчака, был арестован в 1920 г. и отправлен как военспец в Москву, но по дороге заболел и помещен в Рязанский концлагерь. Из концлагеря его вызволил «партийный» брат Иван вместе со своим товарищем, известным революционером, А.Г. Шляпниковым. Однако, по данным советских карательных органов, А.А. Пронин в 1920 г. был старшим помощником командира Петровского военного порта, арестован при регистрации в Баку и затем отправлен в Рязанский концлагерь. Налицо расхождение сведений в официальном документе и воспоминаниях. Обычно при таком расхождении предпочтение отдается официальному документу. Но в том же документе указывается, что А.А. Пронин происходит из крестьянской семьи. В воспоминаниях Прониной о деде Логине Савельевиче говорится, что он был инженером-металлургом и его дети получили высшее образование. Возможно, что сведения в учетной карточке были изменены братом Иваном, чтобы скрыть связь Пронина с Колчаком.

Естественно, все это требует дополнительной проверки. Ведь в мемуарах, пишущихся по прошествии многих лет после описываемых событий, что-то забывается, что-то смещается во времени, что-то добавляется под влиянием позднее полученных сведений. Поэтому факты и имена требуют самой тщательной проверки, которая достигается путем перекрестного сличения с другими источниками. Воспоминания Е.А. Прониной не претендуют на объективность и документальную достоверность. Ценность их в другом – это свидетельство живой жизни с множеством любопытных деталей, наблюдений и размышлений над поведением человека в кризисные ситуации, это живой комментарий к историческим событиям, вокруг которых до сих пор продолжаются острые споры.

«ЖЕРТВЫ ВНЕЗАПНО ВСПЫХНУВШЕЙ СТРАСТИ»: ПРОБЛЕМА ИНФАНТИЦИДА НА ТЕРРИТОРИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Актуальность столь злободневной проблемы, как детоубийство, не смолкнет до тех пор, пока с повестки дня не сойдут такие темы, как преступность, бедность и повсеместность, вкупе с доступностью первоклассного медицинского обслуживания.

Цель данного исследования – в освещении проблемы инфантицида, совершенного женщинами на территории Таврической губернии. Для этого необходимо выяснить, что же толкало женщин на преступные деяния по ст. 1451 и ст. 1460 Уложения о наказании Российской империи. Необходимо продемонстрировать изменение законодательства в отношении чадогубства, проанализировать процентное соотношение осужденных женщин по преступлениям детоубийства и сокрытия труп новорожденного. Важно осветить отношение общественности к данному преступлению, при этом подчеркнув различия города и деревни, рассмотреть способы убийств, к которым прибегали женщины. И главное – это ответить на вопрос, кто же именно был «жертвой внезапно вспыхнувшей страсти», мать или убиенное дитя?

Приоткрывая завесу прошлого, представляется возможность найти первые упоминания о чадогубстве в Уложении царя Алексея Михайловича. Важно указать на существенные различия в наказаниях по Уложению от 1649 г., с Уложением о наказаниях от 1857 г. и более поздних изданий. Так, в 1649 г. совершившие убийство своего законнорожденного дитя подвергались лишь годичному тюремному заключению, а вот мать, умертвившая незаконнорожденное дитя, «казнилась смертью», тогда как по Уложению о наказаниях издания 1857 г. наоборот, родители, убившие законнорожденного ребенка, подвергались ссылке на каторгу без срока; женщина же, умерщвляющая свое незаконнорожденное дитя, подлежала смягченному наказанию – ссылке на поселение.

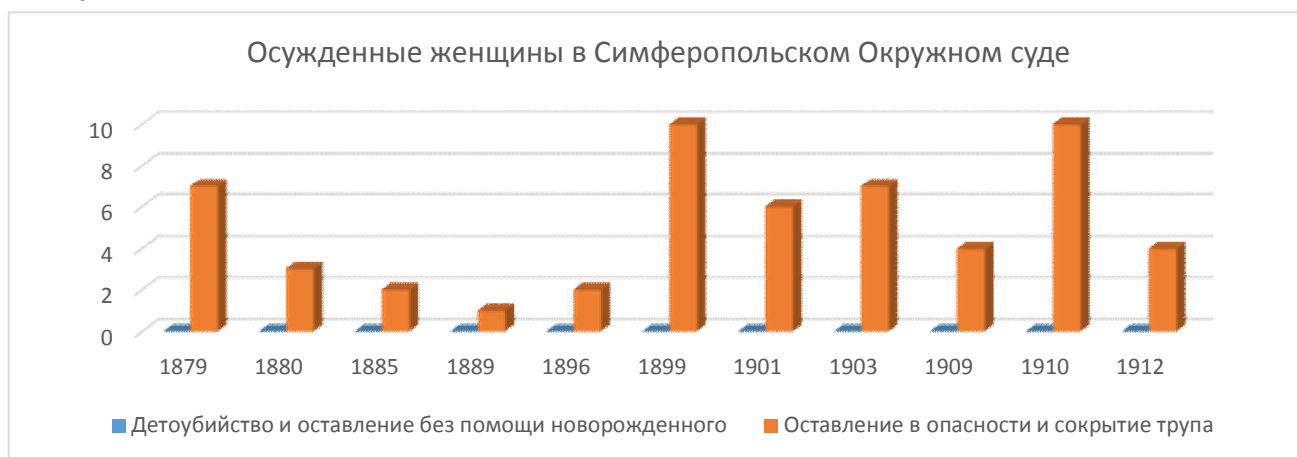

Рис. 1. Осужденные женщины в Симферопольском Окружном суде по преступлениям: детоубийство и оставление без помощи новорожденного; оставление в опасности и сокрытие труп (составлено автором по сводам статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных [13–22])

Как видно на рис. №1, по ст. 1461–1463 (детоубийство) на территории Таврической губернии не было осуждено ни одной женщины. Женщин осуждали не за само детоубийство, а за сокрытие труп, которое являлось прямым следствием совершен-

ного инфантицида. Свидетельства о том, что данное преступное деяние было преимущественно женским, можно обнаружить в Сводах статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных. Так, в Российской империи в 1899 г. осудили 1044 женщины и всего 10 мужчин за оставление в опасности и сокрытие трупа [14, с. 64–65], а в 1912 г. было осуждено 18 мужчин и 1061 женщина соответственно [22, с. 47].

Присяжные заседатели практически всегда оправдывали женщин детоубийц, вставая на сторону общественного мнения. Это был своеобразный протест против безнаказанности того, кто действительно был в этом виноват – мужчины и социума, которое отторгло женщину с ребенком. Возникал некий диссонанс – общество клеймило девушку за ее порочную связь и незаконнорожденного ребенка, изолируя ее из экономическо-социальной среды, вместе с этим, девушек, прибегавших к детоубийству из-за тяжелого финансового положения, социум жалел и призывал суд к оправдательным вердиктам в таких делах [24, с. 472].

Противоречия в отношении к «результату внезапно вспыхнувшей страсти» можно обнаружить и в дихотомии «деревня–город». В традиционном обществе, которое довлело в сельской местности, вся тяжесть стыда от внебрачного рождения падала исключительно на женщину – существо более слабое, «придавленное» патриархальным строем. Зачастую именно в деревнях появление незаконнорожденного ребенка приводило женщину к полному исключению из социальной-экономической жизни, в то же время в городах к таким роженицам относились более снисходительно [10, с. 46–47]. Так, 80% насильственных смертей среди младенцев приходилось именно на сельскую местность, и лишь 20% – на города [1, с. 50].

Такое предвзятое отношение к внебрачной беременности в сельской местности объяснялось приверженностью к традиционному обществу, а также отсутствием других интересов: чья-либо беременность в деревне становилась сенсационной новостью: «такая-то «запусатила», «понесла», «забрюхатила» [10, с. 47]. Бывали случаи, когда девушки выходили из незавидного положения нестандартным способом – заявляли о своем изнасиловании, подавали жалобы, в некоторых случаях требовали векселя на уплату за содержание ребенка [2, с. 2–3].

Женщины, прибегавшие убийству своих новорожденных детей, довольно часто были подвержены истерии, находясь в послеродовом состоянии. Показания женщин часто были запутанными и не соответствовали по факту первым допросам. По словам некоторых девушек, они «ничего не помнили, были в беспамятстве» [8, с. 50]. Так, большинство женщины утверждали, что их ребенок родился мертвым, и они, «волнуемые стыдом и страхом» просто предавали «дитяtko земле» [3, с. 3], [4, с. 2], [7, с. 2], [9]. Вскрытия, проводившимся по данным делам, указывали на то, что лишь 12% детей действительно были мертворожденными. Процент деток, оставленных без помощи или скончавшихся от недостаточного ухода, включая недоношенных и нежизнеспособных, варьировался около 20 % (более точные данные установить не представляется возможным, ведь они основаны на делах Симферопольского окружного суда, который женщины, с присущей им коварностью, могли ввести в заблуждение). Можно говорить о том, что остальные 68% были насильственно умерщвлены. Практически половина умерщвленных новорожденных погибли от асфиксии; от ран; от того что мать оторвала голову, отдала на съедение собакам [12, с. 3], [26, с. 3], [27, с. 3]. Множество тел находили в ретирадных местах. Иногда детей удавалось спасти, но в большинстве случаев находили трупы [5, с. 2], [6, с. 2–3], [25, с. 3]. В остальных случаях, процент которых колебался на уровне 10%, точную причину смерти найденных тел новорожденных детей установить не удавалось [8, с. 22], [9, с. 2–3].

В итоге возникает вопрос, который может стать риторическим: кто же в данном случае «жертва внезапно вспыхнувшей страсти»? Мать, которая с рождением внебрачного ребенка была выкинута за борт социальной жизни, лишенная заработка и презируемая обществом, или все же незаконнорожденный ребенок, к которому в социуме изначально было предвзятое отношение? Послеродовая истерия, которая зачастую являлась следствием психоэмоционального перенапряжения из-за вне-

брачной беременности, свидетельствовала о крайних переживаниях детоубийц. К тому же количественные данные оправдательных приговоров по данному преступлению, свидетельствовали о более глубоких социально-экономических проблемах общества, о которых присяжные были осведомлены, нежели о нежелании матери иметь дитя. Таким образом, в данном случае, можно говорить, что именно женщина, на которую общество смотрело сквозь призму традиционной семьи, становилась «жертвой страсти», побочным следствием которой и являлся инфантицид.

Литература

1. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888–1893 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1897. 16+94 с.
2. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК.) Ф. 118 оп. 1 д. 3342.
3. ГАРК. Ф. 376. Оп. 2. Д. 860.
4. ГАРК. Ф. 376. Оп. 2. Д. 532.
5. ГАРК. Ф. 376. Оп. 6. Д. 335.
6. ГАРК. Ф. 376. Оп. 6. Д. 541.
7. ГАРК. Ф. 483. Оп. 1. д. 108.
8. ГАРК. Ф. 483. Оп. 2. Д. 21.
9. ГАРК. Ф. 376. Оп. 6. Д. 389.
10. Глебовский, С. Детоубийство в Лифляндской губернии. 19-?, 55 с.
11. ГАРК. Ф. 376. Оп. 2. Д. 336, с. 2.
12. По России. Жестокая мать // Феодосийский листок. 1911. Чт, 21.04 (№21). 3 с.
13. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1891 году. СПб.: М-во юстиции, 1896. 298 с.
14. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1899 году. СПб.: М-во юстиции, 1902. 598 с.
15. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1905 году. СПб.: М-во юстиции, 1908. 514 с.
16. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1880-1881 годах. СПб.: М-во юстиции, 1885. 640 с.
17. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1896 году. СПб.: М-во юстиции, 1900. 602 с.
18. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1903 году. СПб.: М-во юстиции, 1906. 493 с.
19. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года в 1906 году. СПб.: М-во юстиции, 1909. 435 с.
20. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1909 год. СПб.: М-во юстиции, 1912. 426 с.
21. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1910 г. СПб.: М-во юстиции, 1913. 483 с.
22. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1912 год. Петроград: М-во юстиции, 1915. 410 с.
23. Судебная летопись // Салгир. 1898. 27.11. (№159). С. 3.
24. Тимофеев, Никита Павлович. Суд присяжных в России: Судебные очерки. М.: тип. А.М. Мамонтова и К°, 1881. 636 с.
25. Труп ребенка // Феодосийский листок. 1910. 19.12 (№206) С. 3.
26. У нас // Тавричанин. 1911. 17.02. (№20). С. 3.
27. У нас // Тавричанин. 1909. 17. 09. (№205). С. 3.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Исследование посвящено изучению работы земских органов по развитию народного здравоохранения в Таврической губернии. К моменту введения в 1866 г. в Таврической губернии земских органов, медицинское обслуживание находилось в руках всевозможных ведомств и учреждений: о народном здравоохранении в регионе заботился и приказ общественного призрения, и ведомство государственных имуществ. В губернии функционировало только 7 больниц и 1 богадельня, которые в общей сложности способны были принимать 327 больных. Многие больницы перешли в подчинение земств уже в запущенном состоянии и требовали ремонта. На население более одного миллиона человек приходилось всего по 8 врачей и фельдшеров [11, с. 61].

С 1866 г. вся административная работа по развитию медицины в губернии перешла в руки земских собраний. Уже по результатам деятельности земских органов в первом десятилетии в каждом уезде губернии имелся земский врач и увеличилось число фельдшеров, в общей сложности к 1876 г. работу в губернии вели 29 врачей и 81 фельдшер. В регионе функционировала разъездная система оказания медицинской помощи, врачи объезжали свой уезд, искали больных и инспектировали работу фельдшеров [5, с. 23].

На этапе становления земской медицины постепенно возрастало и финансирование этой сферы. С 1866 по 1876 гг. общие расходы земств на здравоохранение были увеличены с 50 до 87 тысяч рублей. Самыми прогрессивными в данном отношении были земские собрания Бердянского и Мелитопольского уездов, наиболее крестьянские по социальному составу. К 1876 г. расходы Бердянского земского собрания достигли 25 тысяч рублей [8, с. 96], что превышало общую сумму расходов на здравоохранение Симферопольского, Евпаторийского и Феодосийского уездных земских собраний. Почти в два раза возросло финансирование медицины и в Мелитопольском уезде, здесь к 1876 г. выделялось порядка 13 тысяч рублей. [4, с. 144]. Наиболее отстающими в этом отношении были Перекопское и Симферопольское уездные земские собрания. В период становления земской медицины здесь практически не увеличивались земские расходы по данной статье [1, с. 269]. В Перекопском уезде в 1870 г. земское собрание из-за малого числа пациентов закрыло единственную больницу [3, с. 26], а в Симферопольском уезде первый земский врач появился только в 1867 г., к 1876г. здесь трудилось всего 7 фельдшеров, которых крайне не хватало для ведения работы по оспопрививанию населения [6, с. 63].

Из-за нехватки врачебного и фельдшерского персонала, в Таврической губернии достаточно тяжело обстояли дела с инфекционными болезнями и эпидемиями [7, с. 304]. Поэтому земства часто дополнительно привлекали к работе обученных оспопрививателей, а с 1869 г. губернское земство ввело штрафы для родителей за отказ от прививки детей [10, с. 43].

Постепенно разъездную медицинскую систему стало сменять участковое обслуживание. Уезды стали разделять на медицинские участки, в каждом из которых имелся свой земский врач. Бердянское и Мелитопольское уездные земские собрания перешли на такую систему еще в 1867 г. [2, с. 135], а в целом по губернии она получила распространение к середине 1870-х гг. [3, с. 21]. К 1876 г. в губернии насчитывалось 17 врачебных участков во всех уездах, кроме Ялтинского, Феодосийского и Евпаторийского [11, с. 252].

Для более организованной и сплоченной работы врачебного персонала по борьбе с инфекциями и развитию здравоохранения в целом, губернским земским собранием стали организовываться регулярные съезды врачей, которые во многом способствовали улучшению качества медицинского обслуживания [4, с. 145]. Пер-

вый врачебный съезд состоялся в г. Симферополе в 1873 г. [9, с. 231]. Съезды проводились ежегодно до 1884 г., затем их деятельность на 8 лет была приостановлена, возобновление работы съездов произошло только в 1892 г.

В заключение следует выделить ряд успехов, которые земским органам Таврической губернии удалось достичь на этапе становления земской медицины в регионе. За первое десятилетие работы земств в губернии значительно увеличилось число врачей и сократилось количество пациентов, приходящихся на одного врача, со 130 тысяч человек в 1866 г. до 40 тысяч в 1876 г. Возросло в Таврической губернии и количество больниц с 7 в 1866 г. до 12 в 1876 г. Сразу, на этапе становления земской медицины, стремительно увеличивался медицинский персонал. Число врачей к 1876 г. было увеличено в 3,5 раза с 8 до 29, число фельдшеров – в 10 раз с 8 до 81. К середине 1870-х гг. в пяти уездах было организовано участковое медицинское обслуживание, а в губернии было открыто 59 новых фельдшерских пунктов. В то же время постепенно росло и земское финансирование, которое было увеличено в рассматриваемый период с 50 до 84 тысяч рублей. Губернским земским собранием была проделана большая работа по организации земских съездов врачей.

В результате, по итогам деятельности органов земского самоуправления по развитию народного здравоохранения на этапе его становления, Таврическая губерния, по степени обеспеченности населения медицинским обслуживанием, занимала одно из ведущих мест в стране, опережая соседние южные губернии. На один врачебный участок в середине 1870-х гг. в Харьковской и Екатеринославской губерниях приходилось 85 тысяч человек, в целом по стране – 75 тысяч, в то время как в Таврической губернии данный показатель равнялся – 60 тысячам.

Литература

1. Веселовский Б. Б. История земства. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. 868 с.
2. Журналы третьего очередного Мелитопольского уездного земского собрания 1868 г. Симферополь, 1869. 462 с.
3. Земско-медицинский сборник: Материалы по развитию земской медицины в России за первое 25-летие (1865–1890 гг.) / обработал Д. Н. Жбанков. М.: Тип. Иноземцева, 1893. Вып. 7. С. 1–103.
4. Игумнов С.Н. Очерк развития земской медицины в губерниях вошедших в состав УССР. Киев: КМИ, 1940. 155 с.
5. Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. СПб., 1889. 342 с.
6. Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И. Русская земская медицина. М., 1899. 340 с.
7. Постановления Ялтинского уездного земского собрания 1871 г. Симферополь, 1872. 407 с.
8. Сборник постановлений Бердянской уездной земской управы Т. 2. М., 1910. 314 с.
9. Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания со времени открытия земских учреждений в Таврической губернии / Сост. А.С. Зак. Т. 1. Симферополь, 1909. 764 с.
10. Труды X съезда врачей Таврической губернии. Симферополь, 1895. 318 с.
11. Хабиев Р.У. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.). М., 2014. 327 с.

УДК 930.1:94(47)"1941/1942"

Осиповский С.Н.

СОБЫТИЯ ВТОРОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941–1942 гг. В МОНОГРАФИИ МУНГО МЕЛВИНА «ИСТОРИЯ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ»

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В отечественной науке не так много объективных фундаментальных работ, посвященных истории Крыма и Севастополя. Пожалуй, результатом наиболее комплексного исследования явилось издание (в 2017 и 2018 гг.) двухтомного коллективного труда «История Крыма» под редакцией А.В. Юрасова. Внимание зарубежных авторов к этому региону ограничивалось частными ситуативными или временными рамками. Поэтому выход вначале на английском, а в 2020 году и на русском языке объемной монографии британского историка Мунго Мелвина «История Крыма и Севастополя: от Потемкина до наших дней» [2] не может не вызывать закономерного интереса. Отмечу, что это звучное название ни в коей мере не отражает содержания монографии британского историка. В английском варианте, опубликованном издательством Osprey publishing в 2017 году, работа называется «Севастопольские войны: Крым от Потемкина до Путина» (Sevastopol's wars: Crimea from Potemkin to Putin). Это название гораздо более точно передает содержание работы кадрового британского военного, предметом своего исследования избравшего военную историю Севастополя.

В рецензии на эту монографию, опубликованной RUSI Journal, отмечено, что это «поистине авторитетный труд, не имеющий равных в своей области. Лучшее исследование военных конфликтов, которые разворачивались в Крыму в последние 250 лет». Следует отметить авторитетность мнения, приведенного образованным еще в 1831 году RUSI (The Royal United Services Institute) – институтом, являющимся одним из ведущих в Великобритании аналитических центров, специализирующихся на обороне и безопасности. Единственное, что ставит под сомнение рецензию – то, что британский автор Мунго Мелвин является официальным редактором RUSI Journal.

Не претендуя на подробный анализ всей монографии, хочется привлечь внимание к одному из наиболее противоречивых периодов истории Крыма – событиям Великой Отечественной войны и, в частности, обороны Севастополя в 1941–1942 гг.

Очевидным достоинством работы автора является знакомство с русскоязычными советскими и современными отечественными исследованиями в контексте изучения Крыма и Севастополя в течение всего периода Великой Отечественной войны. Так, М. Мелвин цитирует А.В. Басова, Г.И. Ванеева, П.А. Моргунова, А.М. Чикина, М. Морозова, В.Г. Шавшина, Д.А. Прохорова, Н.И. Храпунова, В.Б. Иванова и ряд других историков и краеведов. Также заметно глубокое знакомство британского исследователя с автобиографической литературой, прежде всего, дневниками Ф.С. Октябрьского и Э. фон Манштейна. В качестве источников автор привлекал интервью, взятые им у ветеранов обороны и освобождения Севастополя и жителей города, и газетные публикации периода войны. Однако именно автобиографические источники, по сути, и стали основными в изложении событий 1941–1944 годов в Севастополе.

Так, раздел монографии, посвященный обороне города в 1941–1942 годах, содержит всего пять ссылок на архивные источники (причем только немецкие, в российских Мелвин лично не работал). При этом из всех девятидесяти шести ссылок 15 связаны с дневниками Октябрьского и столько же с записками Манштейна. Из цитируемых работ историков Мелвин упоминает «историка немецкой 22-ой пехотной дивизии», историка-универсала А.Б. Широкограда и американского исследователя Красной армии периода Второй мировой войны полковника Дэвида Гланца. В качестве источника Мунго Мелвин использует документальную повесть Владимира

Васильевича Карпова «Полководец», изданную в 1984 году [1], в тексте раздела – 10 ссылок на это произведение. Отмеченного писателя ряд профессиональных историков обвинял в фальсификации источников периода войны. Таким образом, надежда на знакомство с новыми объективными источниками или глубокий беспристрастный анализ научной литературы западных профессиональных историков исчезает при анализе приведенной библиографии.

Содержание излагаемых в пересказе Мелвина воспоминаний Октябрьского и Манштейна в целом близко к устоявшимся представлениям о ходе второй обороны. Однако здесь можно найти ряд весьма спорных утверждений. Британский историк утверждает, что после взятия Севастополя немецкая медицинская служба активно боролась с дизентерией в лагере военнопленных, и это *«противоречит свидетельствам, что немцы жестоко обращались с пленными и не оказывали им никакой помощи»* [2, с. 632]. Вызывает некоторое удивление наличие, как минимум, двух пушек «Дора» под Севастополем [2, с. 600]. Бронепоезд «Железняков» был полностью отреставрирован и установлен в качестве памятника возле железнодорожного вокзала [2, с. 542]. Отступающие к Севастополю в конце октября регулярные части Приморской армии должны были прятаться от «разведывательных групп» немцев, которые уже действовали на окраинах города [2, с. 552]. Западный сектор обороны Севастополя начинается от «Каркишитского» залива [2, с. 536]. Следует отметить, что и в других частях книги есть подобные ошибки, к примеру, в ней утверждается, что Херсонес был основан в 422-421 гг. до н.э. выходцами из Милета [2, с. 34].

Тем не менее, несмотря на отмеченные неточности, монография М. Мелвина в целом и раздел, посвященный обороне Севастополя в 1941–1942 гг., производит впечатление объективной работы, которую попытался провести зарубежный автор. В ней отсутствуют серьезные идеологические клише, исследователь пытается взглянуть на историю Севастополя глазами всех участников событий. Опора на мемуары, путеводители и отсутствие критического анализа в работе с привлекаемой литературой и источниками несколько снижает научную ценность исследования, делая его скорее научно-популярным. Многие противоречия в изучении истории Севастополя, как ни парадоксально, обусловлены слабой изученностью отдельных вопросов и отсутствием единого мнения среди отечественных специалистов, поэтому сложно винить британского автора в невозможности написать целостную военную историю Севастополя. В целом же выход на английском языке столь объемного труда следует только приветствовать, поскольку он объективно способствует привлечению внимания к военной истории Севастополя как важной части истории Российского государства на разных этапах его существования.

Литература

1. Карпов В.В. Полководец. Повесть. "Роман-газета" №№ 7 (1013) – 9 (1015). 1985.
2. Мелвил М. История Крыма и Севастополя: от Потемкина до наших дней. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2020. 880 с.

ОБЪЕКТ «КРОТ» – ПОДЗЕМНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ СЕВАСТОПОЛЯ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

В истории города Севастополя все его подземные сооружения всегда находились под грифом «секретно» и были закрытой темой для историков. Системные изучения данной темы не проводились, научные труды не публиковались. В данном исследовании впервые представлена история самого крупного подземного объекта Крыма.

В 1937 году в Инкермане была введена в строй ГРЭС-1, снабжавшая электроэнергией не только Севастополь, но и близлежащие города. Одновременно с вводом ГРЭС-1, рядом в Георгиевской балке началось возведение секретной подземной электростанции для работы в случае войны [6, с. 67]. В плане это был грандиозный автономный объект – настоящий многоэтажный подземный город, способный выдержать любую бомбардировку и артобстрел. Первыми в скальном массиве были пробиты две обширные штольни, в которые должны были заходить эшелоны с углем для электростанции, но с началом Великой Отечественной войны все работы были остановлены. Одна из штолен была переоборудована в убежище на 1000 человек для работников ГРЭС-1 и местного населения, в которое были подведены все инженерные коммуникации, оборудованы места для сна и приготовления пищи. В убежище строжайше соблюдался распорядок дня, запрещено было шуметь, курить, распивать спиртные напитки. За порядком следил комендант убежища и команда МПВО (аналог МЧС) из обитателей убежища. Команда имела инструмент для разбора завалов на случай бомбежки убежища, и штатного врача, ежедневно проводившего осмотр укрываемых [1, с. 37]. В соседней штольне располагалась резервная дизель-электростанция, снабжавшая энергией убежище и Спецкомбинаты № 1 и № 2 во время выхода из строя основной ГРЭС-1 [2, с. 87].

Третий штурм Севастополя стал подлинным испытанием для работников электросетей. Весь июнь 1942 г. под жесточайшими бомбежками и артобстрелами электрики, неся потери, круглосуточно обеспечивали город электроэнергией. К концу июня обе наземные ГРЭС были уничтожены, и электроэнергию продолжала выдавать только подземная ГРЭС-3, но хватало ее лишь для подземных госпиталей и Спецкомбинатов [5, с. 478]. Ночью 29 июня 1942г. противник неожиданно высадил десант на южный берег Северной бухты у входа в подземную ГРЭС-3, где вступил в яростный бой с ее защитниками. Силы были неравны, но советские бойцы не собирались сдаваться, и немцы подорвали подземную ГРЭС вместе с ее последними защитниками [3, с. 405].

В 50-е годы проект подземной электростанции был значительно доработан и строительство объекта «К», получившее неформальное название «Крот», было возобновлено. Под 60-метровой скалой, параллельно Северной бухте, на площади более 40 тыс.кв.м. расположены в четырех уровнях огромные машинные залы, высотой до 20 метров, коридоры, и многоэтажные технические помещения, соединенные между собой 40 метровыми переходами. Сам подземный комплекс включает в себя три котла, работающих на угле и мазуте, два турбогенератора мощностью 25 тыс. кВт., бункеры для хранения каменного угля, мельницы для помола угля, емкость для воды на 1000 куб.м. два топливных резервуара по 7000 куб.м. каждый, трансформаторные подстанции, два дизельгенератора на 500 кВт, насосные станции и множество

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Вакулова Татьяна Владимировна.

различных помещений для техники и персонала. В объект «Крот», в гору, на сотни метров ведут четыре портала-входа (один не достроен), в которые заведены ветки железнодорожных путей для доставки эшелонов с топливом под землю прямо на электростанцию. Сквозь скальный массив наверх выходят шахты вентиляции, в виде двух 40-метровых бетонных труб диаметром 8 метров, выложенных изнутри огнеупорным кирпичом. Обслуживать подземный объект должно было более 200 человек. К середине 80-х годов «Объект «К» был готов на 85%, на нем было установлено оборудование с Крымской АЭС, строительство которой было остановлено после Чернобыльской аварии 1986 года [6, с. 67]. «Объект «Крот» поражает своей автономностью, компактностью, удобством расположения, условиями работы и отдыха обслуживающего персонала, защитой электрических трасс, и многими другими техническими достижениями. Строительство столь огромного подземного сооружения было чрезвычайно затратным, велось поэтапно длительное время, но так и не было полностью закончено и введено в строй. В настоящее время часть подземных сооружений принадлежит и эксплуатируется Севастопольской ТЭЦ. Значительная часть объекта не используется, и туда сверху, через каналы кабельных трасс и шахты вентиляции, порой пытаются проникнуть искатели острых ощущений – диггеры.

Литература

1. Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах. Библекс, 2004. 320 с.
2. Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Книга 2 // Тайны подземные. Севастополь, 2008. 392 с.
3. Лубянов А.Н. Огненный смерч при ловле осетра. Севастополь, 2013. 488 с.
4. Маношин И.С. Июль 1942 года. М.: Вече, 2009. 288 с.
5. Нуждин О.И., Рузаев С.В. Севастополь в июне 1942 года. Екатеринбург, 2013. 752 с.
6. Пикалов Ю.Н. Подземный Севастополь. Севастополь, 2018. 92 с.
7. Широкоград А.И. Трагедии Севастопольской крепости, М: Эксмо, 2005. 544 с.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ 35-Й БЕРЕГОВОЙ БАТАРЕИ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Доклад посвящен событиям, которые происходили в казематах 35-й береговой батареи на заключительном этапе Героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. в период с 30 июня по 12 июля 1942 года.

Данный период в истории обороны Севастополя является практически не исследованным из-за полного отсутствия официальных документов.

Целью исследования является частичная реконструкция событий в подземных казематах 35-й батареи и установление имен бойцов, остававшихся на нижних уровнях и продолжавших оказывать сопротивление врагу до 12 июля 1942 года.

Создание Музейного историко-мемориального комплекса, посвященного последним защитникам Севастополя «35я береговая батарея», было начато в январе 2008 года и завершено 5 мая 2012 г.

Более 65 лет часть казематов батареи и ее нижние уровни находились под завалами и были недоступны. Перед создателями музея стояла нелегкая задача по расчистке территории батареи и разбору завалов в казематах. Эта работа дала дополнительный материал для дальнейших исследований сотрудников музея. Музей «35 Береговая Батарея» ведет большую научно-исследовательскую работу по сохранению памяти о защитниках Севастополя. Создана уникальная электронная база данных участников обороны Севастополя 1941–1942 гг., на сегодняшний день насчитывающая более 127 тысяч имен. В музее сформирован фонд рукописных воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

В последних числах июня 1942 года территория Севастополя практически полностью была захвачена врагом. Береговая батарея № 35 осталась последним крупным фортификационным сооружением на пути 11-й немецкой армии. К ночи 29 июня Военный совет флота перешел на запасной флагманский командный пункт, оборудованный в казематах 35-й береговой батареи, там же находились командование и штабы Приморской Армии и Береговой обороны флота. В помещении кают-компания командование СОР, заслушав доклады о состоянии войск и положении на фронте, приняло решение доложить командованию Северо-Кавказского фронта о невозможности далее удерживать Севастополь. В ночь на 1 июля 1942 года командование убыло на Кавказ, оставив в Севастополе генерала П.Г. Новикова – командира 109-й стрелковой дивизии, коменданта 1 сектора. В его задачу входило удержание последних рубежей обороны в районе мыса Херсонес и 35-й береговой батареи. Израсходовав последние снаряды, батарея № 35 была взорвана личным составом в ночь с 1 на 2 июля 1942 г. По официальным сводкам, 3 июля 1942 года советские войска оставили город Севастополь. Но, прижатые к берегу моря, остатки войск продолжали оказывать сопротивление гитлеровцам.

Очаговые бои в районе мыса Херсонес и в казематах 35-й батареи продолжались до 12 июля 1942 г. Об этих последних боях в официальных документах нет даже упоминаний. Некому было писать боевые донесения, да и передать на Большую землю возможности тоже не было. Последние защитники города либо погибли, либо оказались в немецком плену. Сколько их было? На этот вопрос точного ответа нет до сих пор. Поэтому каждый новый документ или свидетельство того времени сегодня являются уникальными, с их помощью открываются неизвестные страницы и эпизоды войны, становятся известны имена и судьбы людей, считавшихся про-

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Вакулова Татьяна Владимировна.

павшими без вести. Благодаря анализу воспоминаний и данным из личных дневников участников последних боев за Севастополь удалось частично реконструировать события и установить судьбы некоторых бойцов, оказывавших сопротивление гитлеровцам в помещении фильтровентиляционной установки на нижних уровнях 35-й береговой батареи.

Из документов стало известно о группе из 288 человек, которую возглавил подполковник С.А. Комарницкий. Именно эти бойцы, число которых ежедневно уменьшалось, находились в казематах под первой башней батареи и в помещении фильтровентиляционной установки. Эти люди оказывали сопротивление фашистам в течение почти десяти суток, после того как верхние уровни батареи уже были заняты врагом.

В докладе приведен анализ воспоминаний В.А. Лубянова – бывшего начальника местной противовоздушной обороны Корабельного района Севастополя, воспоминаний супруги помощника командира 1 башни 35-й батареи Евгении Мельник и других участников последних боев за Севастополь. В исследовании использовались сведения из дневника А.Я. Лещенко – командира береговой батареи № 35, а также данные из дневника В.И. Потапова – замкового комендора и одновременно командира минометной батареи 30-й батареи. В результате удалось установить место гибели политрука батареи Е.С. Короткова, судьбу подполковника С.А. Комарницкого и лейтенанта М.И. Буянова, младшего сержанта С.М. Овечкина и краснофлотца В.И. Потапова.

На основании данных, приведенных в докладе, в помещении бывшей фильтровентиляционной установки в 2017 году была открыта новая экспозиция, рассказывающая о последних защитниках 35 береговой батареи.

Литература

1. Фонды ММК «35 ББ». № 7/2010-2 // Личный архив Лубянова В.А. Воспоминания бывшего начальника Местной Противовоздушной Обороны Корабельного района Севастополя о последних днях обороны Севастополя и боях в районе 35 береговой батареи (до 12 июля). Фотокопия из архива автора. Машинописный текст.
2. Фонды ММК «35ББ». № 117/2015 -2/15 // Отчет экспедиции поискового отряда «Севастополь» РО ДОСААФ России о поисковых работах на территории 35-й береговой батареи.
3. Обобщенный банк данных «Мемориал» ЦАМО РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.obd-memorial.ru>.
4. Обобщенный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1942» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://podvignaroda.ru>.
5. Лещенко В., Лещенко А. Выверено жизнью и смертью. К.: ООО «Политпринт», 2011. 224 с.
6. Манюшин И.С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001. 208 с.
7. Мельник Е.П. Дорога к подполью. Симферополь: Крымиздат, 1961. 316 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСКУРСИОННОГО ПОКАЗА ОБЪЕКТОВ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

*Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес
Таврический», г. Севастополь*

В настоящее время перед современным музеем, как одним из важнейших социокультурных институтов, стоят актуальные задачи по сохранению, популяризации и презентации объектов культурного наследия. Деятельность государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» с его уникальной экспозицией под открытым небом, выставочными комплексами и мощной научно-исследовательской базой сегодня также направлена на решение данных задач. Древний Херсонес в течение двух тысяч лет (тысячу лет как античный полис, и тысячу – как византийский город Херсон) был хранителем и проводником лучших достижений трех великих цивилизаций: древнегреческой, римской и византийской [5, с. 3].

Исследовательский интерес историков и археологов к византийскому периоду истории Херсонеса последовательно реализуется через изучение и сохранение археологических артефактов, обнаруженных на территории его городища в ходе археологических исследований (за 194 года раскопок было открыто около 70 христианских храмов) [3, с. 222–243]. Херсонес как город, откуда христианство пришло на Русь и определило дальнейший вектор развития нашего государства; его духовный потенциал и история привлекают не только туристов, но и преподавателей социальных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. Обладая весьма внушительным историческим наследием, музей-заповедник ведет работу по его изучению и представлению своим посетителям, используя не только классические приемы показа экскурсионного объекта, но и внедряя новые концепции и методы. Особое внимание уделяется использованию современных мультимедиа в контексте проведения экскурсий по храмовой архитектуре.

Эффективность применения мультимедийных средств и современных приемов показа в рамках популяризации объектов храмовой архитектуры является основной целью нашего исследования. Задачи исследования – изучение мирового музейного опыта по использованию мультимедиа в просветительской работе, анализ актуальных методических приемов показа археологических объектов храмовой архитектуры и их применения в практической экскурсионной деятельности в музее-заповеднике «Херсонес Таврический».

При разработке теоретических вопросов по использованию мультимедиа в экскурсионной деятельности были изучены работы и практический опыт отечественных и зарубежных ученых, посвященные исследованию музейного опыта в контексте культурно-просветительской деятельности. Так, по определению Т.В. Демидовой, «экскурсия – это *«процесс чувственного и логического познания мира»* [1, с. 70–71], которое происходит через осмысление речи экскурсовода, текста самой экскурсии и непосредственного осмотра объекта, в нашем случае, храмовой архитектуры. Также исследователи отмечают, что формирование способности «видеть» занимает большое место в решении важных для музея задач: экскурсанты «видят» объекты, на основе которых раскрывается тема и *«... могут прочувствовать величие подвига, значение исторического события, осваивают практические навыки независимого наблюдения и анализа экскурсионных объектов»* [4, с.122–129]. Использование новых приемов показа с помощью медиа-контента на объекте позволяют и экскурсоводу, и экскурсанту *«... оглядеться вокруг или обернуться, приблизить или отдалить интересные предметы или детали изображения, развернуть картину под нужным*

углом. Благодаря такой интерактивности создается эффект присутствия – это основное преимущество, которое выделяет виртуальные сферические панорамы среди других средств визуализации» [2, с. 49].

В результате проведенного исследования были сделаны выводы, что применение средств мультимедиа в музейном пространстве Херсонеса свидетельствует о том, что современные технологии в экскурсионной деятельности становятся все более востребованными.

Сложность демонстрации храмовой архитектуры византийского Херсона заключается в том, что эти объекты не сохранились до наших дней в полном объеме, что требует применения указанных выше приемов показа.

Наряду с новыми формами представления византийской храмовой архитектуры на херсонесском городище, сохраняются традиционный прием зрительной реконструкции и «портфель экскурсовода». Появление мультимедийного оборудования значительно и эффективно расширяет возможности классических приемов, при этом мультимедиа не заменяет их собой и носит дополнительный характер.

Мультимедийные технологии, применяемые в экскурсионной работе музея-заповедника «Херсонес Таврический», позволяют помочь посетителю представить и воссоздать аутентичный облик объекта. Анализ отзывов экскурсантов различных возрастных и социальных категорий подтверждает гипотезу о привлекательности интерактивных средств и возможности полного «погружения» в исторический рассказ и, как результат, – лучшем усвоении информации.

Возрастающая популярность экскурсионных маршрутов с использованием возможностей интерактивных технологий в музее-заповеднике обеспечивает достижение высокого уровня просветительской деятельности и удовлетворение растущих социокультурных запросов экскурсантов.

Литература

1. Демидова Т.В. Феномен интердискурсивности экскурсионных текстов: опыт лингвокогнитивного анализа текстов экскурсий по Нижнему Новгороду и Нижегородской области: Дисс. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 279 с.
2. Кизим А. В. Информационные технологии в туризме: учебно-методическое пособие. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2011, 148 с.
3. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 222–243.
4. Скобельницына А.С. Технологии и организация экскурсионных услуг: Учебно-методический комплекс. СПб.: БАТИП, 2010, 250 с.
5. Херсонес. Путеводитель по музейным залам и раскопкам / под ред. Т.Ю. Яшаевой. Севастополь: ООО «ЛПМ», 2005.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КРЫМА КОНЦА XVIII–XIX ВЕКА*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Источники по истории Северного Крыма конца XVIII–XIX вв. можно условно разделить на следующие группы: законы и нормативные-правовые акты; делопроизводственная документация; статистические издания; документы личного происхождения; периодика.

К основным источникам общеимперского происхождения следует отнести Манифест императрицы Екатерины II «О присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России» от 8 апреля 1783 г. [13], Именной указ, данный сенату «Об учреждении Таврической области от 2 февраля 1784 г.» [11], Именной указ, данный сенату «О составлении Таврической области из 7 уездов и об открытии присутственных мест в оных городах» от 8 февраля 1784 г.» [10].

Среди источников этой группы центральное место занимает указ Александра I «О разделении Новороссийской губернии на три губернии: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую и об устройстве там судебных мест» [18]. Данный источник содержит подробное описание особенностей административного устройства, а также организации органов местного самоуправления.

Особенно ценным для изучения административно-политического развития Северного Крыма стали формулярные и послужные списки губернаторов. Эти источники представлены в фондах РГИА (фонд № 1349 – «Формулярные списки чинов гражданского ведомства»). В них содержатся первичные биографические данные, а также информация об основных этапах их службы [19].

Немаловажный массив источников составляют делопроизводственные документы, представленные в фондах Государственного архива Республики Крым (фонд № 26 – «Канцелярия таврического гражданского губернатора»); (фонд № «27 – «Таврическое губернское правление»). Губернатор располагал широким спектром информации о важных событиях в регионе и тенденциях его развития. В его канцелярию поступали документы от губернских и других государственных органов, среди которых выделяется отчетная документация.

Стоит отметить следующие делопроизводственные документы: «Ведомости о числе жителей в Перекопском уезде за 1816 год» [6], «Ведомости о посеве и урожае разного рода хлеба по Перекопскому уезду в прошедшем 1816 году» [5], «Об открытии ярмарки в селении Западные Каиры Перекопского уезда» [7] и другие. Исследование этих источников показало, что все они регулировали в основном социально-экономические отношения в регионе.

Проследить социально-экономическое развитие региона также помогают отчеты губернаторов. Они частично сохранились в Государственном архиве Республики Крым (фонд № 26 – «Канцелярия таврического губернатора»), однако большая их часть хранится в фондах Государственного архива Одесской области (фонд № 1 – «Управление новороссийского и бессарабского генерал-губернатора»), и в настоящее время для крымского исследователя они недоступны. Однако некоторые выдержки из документов имеются в работе А.С. Кравчука «Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854)» [12]. Благодаря этим данным можно проследить развитие инфраструктуры Перекопского уезда, а также создание судебной системы. Наиболее информативными являются отчеты Таврических губернаторов периода правления Александра I.

Интересными и информативными являются источники по статистике Перекопского уезда. К ним относятся военно-статистические обозрения Таврической губернии, составленные Департаментом Генерального штаба [3]; сборники по статистике Перекопского уезда [20,22], находящиеся в фондах Российской Государственной

библиотеки (г. Москва), а также в фондах научной библиотеки «Таврика» имени А.Х. Стевена Центрального музея Тавриды (г. Симферополь); материалы хозяйственной статистики Таврической губернии [14], списки населенных мест Российской империи, составленные и издававшиеся Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел [21].

Важным источником по истории Северного Крыма указанного периода являются документы личного происхождения: мемуары и записки путешественников. Например, «Записки Д.Б. Мертваго (1760–1824)» [15], написанные по совету Г.Р. Державина. Из источника становится известно, что Д.Б. Мертваго сформировал в уезде штат соляной части, благодаря которому соляной промысел стал приносить большой доход в казну государства.

Из мемуарного наследия о Перекопском уезде того времени следует отметить Г.Р. Державина [9], и Е.М. Бакунину [2]. Данный вид источников является весьма ценным, так как авторы описывают события от лица их участника. Единственным недостатком этих источников является субъективность автора. Вместе с тем, мемуары отлично дополняют имеющиеся сведения, отличаются простотой и доступностью изложения.

Особо следует отметить труд В.Х. Кондараки «Универсальное описание Крыма» в 10 частях, где содержится информация о физических и географических свойствах Крымского полуострова. Этот источник стал самым полным справочником по географии, климату, этнографии и различным отраслям экономики Северного Крыма. Не менее ценными стали сообщения К.И. Габлица в его работе «Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы» [4].

Содержательным источником личного происхождения являются записки путешественников, посетивших Таврическую губернию в XIX веке. Их работы помогают сформировать облик Перекопского уезда в указанный период.

В этой связи стоит упомянуть следующие работы: «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах» [17] П.С. Палласа, «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» [23] П.И. Сумарокова, «Путешествие по Тавриде в 1820 году» [16] И.М. Муравьева-Апостола, «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году» [8] А.Н. Демидова.

Одним из важнейших исторических источников является периодическая печать. Наиболее содержательными периодическими изданиями изучаемой эпохи является официальный губернский орган печати – газеты «Таврические губернские ведомости» [14], выходившая еженедельно с 1838 года. Периодическое издание освещало широкий спектр событий различных областей жизни Таврической губернии, напрямую касающихся Перекопского уезда. В них публиковались правительственные и губернские официальные документы. Значительный интерес вызывают публикации, посвященные социально-экономическому развитию региона.

Важным источником стал литературный и политический журнал «Русский вестник», издававшийся М. Катковым. Ценной для исследования стала статья автора, подписывавшегося инициалами А.У. «О заселении Крыма новыми поселенцами» [1], где автор сообщает о причинах эмиграции крымскотатарского народа. Этот же аспект истории Перекопского уезда в 1860-е годы был освещен в некоторых статьях ежемесячного исторического издания «Русская старина» [24].

Таким образом, доступная исследованию источниковая база позволяет реконструировать историю Перекопского уезда конца XVIII–XIX вв. Однако, несмотря на обилие и разнообразие источников, степень их информативности и объективности. Сообщаемые ими сведения нуждаются в тщательном анализе и сопоставлении.

Литература

1. А.У. О заселении Крыма новыми поселенцами // Русский вестник. Т. 63. С. 256–259.
2. Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860 гг.). Село Казимыно, 1888–1889 гг.

3. Военно-статистическое обозрение Российской империи: Т. 11: Новороссийские губернии, Бессарабская область и Земля Войска Донского: Ч. 2: Таврическая губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1849. 339 с.
4. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. С.-Петербург, 1785. 198 [1] с.
5. ГАРК. Ф.26. Оп.1. Д.2486. Л. 42–44.
6. ГАРК. Ф.26. Оп.1. Д.2486. Л. 48.
7. ГАРК. Ф.27. Оп.25. Д.52. Л. 1–10.
8. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году, Анатолием Демидовым // изд. украшенное рис. Раффе. М.: типография А. Семена, 1853. 543 с.
9. Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. // Т. 6. СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1871. 840 с.
10. Именной указ, данный сенату «О составлении Таврической области из 7 уездов и об открытии присутственных мест в оных городах» от 8 февраля 1784 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1783-84.htm>.
11. Именной указ, данный сенату, об учреждении Таврической области от 2 февраля 1784 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1783-84.htm>
12. Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854). Симферополь, 2016. 228 с.
13. Манифест Великой императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России от 8 апреля 1783 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kro-krim.narod.ru/ZAKON/manifest.htm>.
14. Материалы для хозяйственной статистики Таврической губернии // Таврические губернские ведомости. № 7. 18 февраля 1853.
15. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824). СПб: Русская симфония, 2006. 368 с.
16. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. 337 с.
17. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
18. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 27: 1802–1803. С. 272–291.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–4.
20. Сборник по основной статистике. Оценочная часть. Вып. 11: Перекопский уезд/ Таврическое губернское земство. Статистическое бюро. Симферополь: Изд. Таврического губернского земства, 1906. 37 с.
21. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: Вып. 41: Таврическая губерния: [По сведениям 1864 г.] / Обработана М. Раевским. 1865. 121 с.
22. Статистический справочник Таврической губернии. Часть II. Выпуск IV. Перекопский уезд. Симферополь: Типография Таврич. Губерн. Земства, 1915. 598 с.
23. Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Москва: Университетская типография, 1800. 250 с.
24. Тотлебен Э.И. О выселении татар из Крыма в 1860 году // РС. 1893. Т. LXXVIII. С. 531–550.
25. Русская старина. Июнь 1883 г.

СЕВАСТОПОЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Современный Севастополь переживает новый исторический и геополитический этап своего развития. Учитывая его историческую значимость на внутрисполитической карте России и геополитическую роль в международном пространстве, необходимо понимать, что процессы информационного влияния в регионе остаются не просто значимыми, но и приобретают новую исследовательскую актуальность по изучению факторов формирования и механизмов функционирования информационных потоков в отношении ключевых идеологических смыслов России, определению акторов и степени их воздействия на изменение структурных компонент этих идеологических конструкций.

Научная новизна исследовательского проекта заключается в выявлении информационной инфраструктуры смысловых конструкций, формирующих значимость роли Севастополя в исторической памяти о Великой Отечественной войне посредством анализа информационных потоков Рунета с использованием больших данных.

Будут собраны соответствующие социологические большие данные, которые послужат основой для разработки механизма диагностирования проблемного поля развития, сценарирования и предотвращения информационных процессов, деструктивно влияющих на историческое значение Севастополя и разрушающих его роль в историческом наследии о Великой Отечественной войне. Не последнее место в этом процессе занимает украинское медийное сообщество, акторы и пропагандисты которого чрезвычайно активны в онлайн-пространстве полуострова, формируя антироссийские и антирусские медийные установки, в том числе на тему Великой Победы, транслирующиеся в социальных сетях.

Фундаментальной научной задачей, которую позволит решить настоящее исследование, является интеллектуальный поиск маркеров неконвенциональной смысловой активности в Интернет-контенте. Теоретическая значимость исследования заключается в системном применении методов и инструментов киберметрии для изучения природы, причин, базовых структурных и иных характеристик неконвенциональных процессов построения новых смыслов и разрушения фундаментальных исторических смысловых конструкций, в частности смыслов Великой Победы. В свою очередь, выделенная система маркеров мобилизации неконвенционального построения в Интернет-контенте может применяться экспертным сообществом для моделирования и прогнозирования информационных процессов, а также в исследованиях, посвященных анализу медийного и интернет-пространства в сфере информационного присутствия Севастополя в конструкции исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Основной целью проекта является выявление содержательных, структурных, технологических особенностей социально-медийной коммуникации пользователей Рунета в отношении информационного присутствия Севастополя в конструкции исторической памяти о Великой Отечественной войне. Севастополь является одним из мировых идеологических форпостов России, что обусловило востребованность изучения данных о характере и специфике формирования и структурирования информационных потоков в регионе, в первую очередь в отношении таких фундаментальных смысловых основ, как Великая Победа и Великая Отечественная война.

Исследовательский интерес к данному историко-медийному кейсу обусловлен степенью искусственно создаваемой конфликтности и неоднозначности информационной оценки событий Великой Победы и значения Севастополя в исторической памяти о ней и, как следствие, формированием неоднозначных информационных потоков со смысловыми конструкциями, размывающими и деформирующими фундаментальные исторические ценности российского общества.

Для этого необходимо применение новых подходов и методов, позволяющих извлекать данные из неструктурированного, хаотичного и существенного по своим размерам информационного потока в глобальной сети. В качестве нового направления исследования неконвенционального политического протеста, можно назвать PredictorMining, возникшее на пересечении интеллектуального анализа данных (DataMining) и социального компьютеринга (SocialComputing). В результате прикладного исследования с использованием инструментов автоматизированной обработки больших данных будут выявлены следующие параметры стихийных и целенаправленных информационных потоков в социально-медийном пространстве Рунета в отношении информационного присутствия Севастополя в конструкции исторической памяти о Великой Отечественной войне: вес информационного потока; его динамика; социально-демографические характеристики пользователей; геолокация пользователей; репертуар/основные темы информационного потока; направленность/объекты информационного потока; пассивный/активный характер сообщений; хабы информационного потока; лидеры общественного мнения; триггеры неконвенциональной активности.

СЕКЦИЯ «Политический процесс в региональном измерении: теория и практика»

УДК 327

Агазаде М.М.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Как известно, значимость Восточного Средиземноморья с каждым днем возрастает благодаря его богатым природным ресурсам, в связи с чем, в регионе сталкиваются интересы, как прибрежных стран, так и мировых держав. Среди региональных игроков в этой борьбе особое внимание привлекает Турция, во внешней политике которой важность данного региона в последнее время неуклонно растет, прежде всего, с точки зрения обеспечения ее государственной безопасности.

Основная причина растущего веса Восточного Средиземноморья в политике безопасности Турции связана с геостратегическим и геополитическим значением этого региона. Продолжающиеся конфликты в Ливии, Сирии и Палестине влияют на безопасность Турции непосредственно, а события в Ливане и Египте косвенно [1, с. 9]. Также политика глобальных игроков, таких как США, Россия и Европейский союз в отношении Восточного Средиземноморья тесно связана с безопасностью Турции, которая проводит экспансионистскую политику после 2016 г., т.е. после предотвращения попытки военного переворота и нового взаимного сближения с Россией. Сотрудничество в Ливии с США, в Сирии и на Южном Кавказе с Россией, прокладка многочисленных нефтяных и газовых трубопроводов через свою территорию, а также «осторожное» сближение с Китаем усиливают руку Анкары, и превращают ее в главную силу в данном регионе.

Кроме вопросов о безопасности, экономика является одним из основных факторов, определяющих политику турецких властей в отношении Восточного Средиземноморья, которое обладает богатыми ресурсами нефти и природного газа и важно в контексте обеспечения потребностей Турции, зависимой от иностранной энергетики. Турция сможет избавиться от такой зависимости, если будут найдены возможные источники энергии, как на ее континентальном шельфе, так и в этом регионе. Однако проблемы с соседними странами, в частности, с Грецией в определении морских акваторий в Восточном Средиземноморье усугубляют межгосударственные отношения.

Чтобы определить морскую акваторию, турецкая сторона разработала доктрину, которая называется «Голубая родина» (Mavi Vatan) (рис. 1.).

Рис. 1. Турецкая морская доктрина

Данная морская доктрина была первоначально предложена контр-адмиралом Джемом Гюрденизем (сейчас в отставке) в 2006 г.¹, а в 2013 г. она была принята правительством Турции в качестве официальной политики. В лучшем случае речь в ней идет о морской гегемонии Турции в Средиземноморье, а в худшем – она предполагает пересмотр границ, согласованных в Лозаннском договоре 1923 г.

Что касается морской юрисдикции в Средиземном море, она регулируется в основном двусторонними соглашениями, которые считаются действительными до тех пор, пока нет возражений со стороны третьей страны. Турция в 2011 г. подписала соглашение об установлении исключительной экономической зоны с Северным Кипром, а в 2019 г. с Правительством национального согласия Ливии².

Следует также отметить, что с данным регионом Турция имеет исторические связи, т.к. он веками находился под властью Османской империи, управлялся из Стамбула, что и создает особые отношения между Турцией и странами региона. Если сегодня Анкара ведет активную внешнюю политику в отношении Сирии и Ливии, а также проводит собственный курс в отношении событий в Египте и Палестине, то необходимо искать причину такой политики, в значительной степени, в этих исторических связях. Таким образом, исходя из вышеуказанных тезисов, можно сделать вывод о том, что, учитывая региональные и мировые измерения в ближайшие годы, влияние Турции в Восточном Средиземноморье продолжит усиливаться.

Литература

1. Doğu Akdeniz ve Türkiye'nin hakları / Ed. by. K. İnat, M. Ataman, B. Duran. İstanbul: SETA, 2020. 488 p.

¹ Pinko E. Turkey's Maritime Strategy Ambitions: The Blue Homeland Doctrine (Mavi Vatan) // International Institute for Migration and Security Research. 31 March, 2020. URL: <https://iimsr.eu/2020/03/31/turkeys-maritime-strategy-ambitions-the-blue-homeland-doctrine-mavi-vatan/> (accessed: 05.01.2021).

² Cagaptay S. Turkey In The Eastern Mediterranean Crisis // Strategika. October 22, 2020. URL: <https://www.hoover.org/research/turkey-eastern-mediterranean-crisis> (accessed: 05.01.2021).

ОБРАЗ «ДРУГОГО» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В современных исторических исследованиях концепция образа «другого», часто определенная в новообразованную междисциплинарную науку имагологию, набирает всю большую актуальность.

Неопределенность сегодняшнего мира и тенденция к объединению больших пространств в региональные интеграционные структуры все чаще вынуждают современных историков и политических деятелей мыслить в категориях «мы» и «они». Создание образа «другого», по сути, является противопоставлением целых моделей развития, конкуренцией мировых политических проектов. Благодаря чему, образ «другого» способен формировать и определять внешнеполитический курс того или иного регионального государства. Образ есть результат отражения объекта в сознании человека. Образ страны целенаправленно или опосредованно формируется, как самой этой страной, так и внешними наблюдателями.

В практическом плане негативный образ «другого» позволяет формировать свою политику из установки, что другой опасен, и даже в некоторой степени оправдывать этим свои действия. Например, политику расширения НАТО на Восток осуществляли под предлогом опасности возрождения имперских амбиций России.

Вместе с тем, господство США в процессе глобализации, распространение американской массовой культуры и средств информации ведет к тиражированию негативных стереотипов о России, например, через кино. Стереотипы являются составной частью образа страны, долго существуют в массовом сознании и постоянно распространяются в общественной среде.

Стране, в частности России, следует в противовес этому поддерживать свой позитивный образ в мире, что в современной политической науке часто связывается с понятием политики «мягкой силы». Создать свой позитивный образ можно, лишь обратившись к истории, отыскав там те события, лица и символы, которые подтверждают позитивный опыт и достижения. По словам А.П. Репиной, смыслы и ценности прошлого «*вплетаются*» в настоящее, а также «*в массовые ожидания и социально-политические проекты будущего*» [3, с. 16].

Задачами данного направления во внешней политике становятся искоренение негативных предрассудков и стереотипов о России, пресечение попыток переписать историю и использовать ее в целях нагнетания конфронтации, информационное обеспечение по донесению до мировой общественности достижений российской культуры, науки, позиций по основным международным проблемам, процессов и планов ее внутреннего социально-экономического развития [5].

В 1990-ые годы позиция российских политических элит и населения характеризовалась необходимостью присоединиться к западному политическому процессу, примкнуть к европейским структурам и вообще продемонстрировать культурную схожесть и приверженность базовым западным ценностям. Для Запада в разные исторические периоды именно Россия выступала в качестве конституирующего значимого «Другого» [2, с. 14–15].

Сегодня Запад стал главным действующим лицом в отечественном публичном дискурсе, официально он признан антитезой российской цивилизации и все реже выступает в качестве примера для подражания [1]. Это видно и в том, как Россия формирует свою культурную дипломатию и «мягкую силу».

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе Кузьмина Анна Васильевна.

Современное развитие международных отношений и продолжающееся очерничество со стороны Запада вынуждает Россию обращаться к своей истории и искать свой реальный образ прошлого для доведения до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о себе. Президентом В.В. Путиным было заявлено, что ресурс «мягкой силы» должен зависеть от реальных достижений, а не «от *изолированности пропагандистских приемов*» [3], от достижений российской культуры, науки, интеллектуального творчества [6].

Особый инструментарий по реализации политики «мягкой силы» России был реализован в Крыму и Севастополе. Здесь с 1992 по 2014 годы политика Украины была направлена на формирование украинской идентичности вместе с курсом на интеграцию в европейскую цивилизацию и ее структуры. Однако, благодаря поддержанию позитивного образа России, в регионе были сохранены пророссийские настроения, которые сделали возможными события Крымской весны 2014 года.

Возможность жить в различиях, выстраивать диалог между «своими» и «чужими» является одной из важнейших проблем современности, когда борьба перетекает в культурно-цивилизационное измерение. Потому создание позитивного образа Российской Федерации, особенно в регионе постсоветского пространства, должно быть противопоставлено попыткам внешних акторов в создании негативного образа «другого».

Литература

1. Большакова О.В. Концепт "Запад" и историографические образы России // Труды по русистике. 2016. № 6. С. 353–385.
2. Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012.
3. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
4. Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема заседания – «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>
5. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 года. Раздел 3 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 года. Раздел 3. Пункт 5. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901764263>.

«ДИФФУЗИЯ» ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРИЧИНА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Начало ХХI в. на постсоветском пространстве было ознаменовано волной политических трансформаций, вошедших в политическую науку как «цветные революции». Данным термином в литературе принято обозначать *«способ ненасильственной смены власти, выражающийся в серии массовых уличных беспорядков и протестов населения»*, без смены общественного строя, т.к. одна политическая элита сменяется другой [2, с. 104]. Общим местом в литературе также является указание на схожесть сценариев, по которым данные «революции» развивались [1], [7], [8]. При этом, если в отечественной литературе основной причиной «цветных революций» указывается внутризлитная борьба за власть [1], [2], [3], то для западных исследователей ею выступает так называемая «диффузия» демократических идей на постсоветском пространстве [4], [7], [8]. В отечественной историографии данная тема раскрыта не в полной мере, что и подчеркивает актуальность данного доклада.

Анализируя западную литературу о «диффузии» демократии на постсоветском пространстве, следует отметить, хотя авторы сходятся в определении ее сути (распространение демократических идей, что, в конечном счете, перерастало или принимало попытку перерасти в смену политической власти), причины активизации этих процессов ими видятся по-разному. В этом плане могут быть выделены три подхода.

Сторонники первого подхода считают, что революции происходили сами по себе, являясь следствием «эффекта домино», благодаря множеству факторов, которые не только создали саму возможность проведения революции в государстве, но и подтолкнули массовое сознание к этому. Так, сторонник первого подхода Йохан Элкинк в труде «Международная диффузия демократии» пишет, что демократизация государства проходит легче, если государства окружающие эту страну являются демократиями. С одной стороны, он описывает данный фактор как вспомогательное условие возникновения революции, а с другой как возможную причину. Он объясняет это термином «географическая кластеризация» [8, р. 1657]. Если посмотреть на карту мира, демократии расположены целыми регионами, также, как и не демократии. Одно из объяснений «географической кластеризации», которое дает нам Элкинк – это ощущение безопасности. Демократическое государство, окруженное не демократиями, легче захватить или подчинить, чем если бы оно было среди демократий.

Катерина Линос в своей работе «Диффузия через демократию» объясняет диффузию, исходя из человеческого фактора. Людям чаще интереснее, что происходит у соседей, чем у них дома. Также и внутренняя политика соседних государств может интересовать больше, чем внутренняя политика своей страны, этим и пользуются государства, распространяющие демократию с использованием средств массовой информации. Как утверждает автор, достаточно замотивировать людей на протест, реализация которого может вызвать процесс [7, р. 680]. Объясняет это Элкинк «механизмом каскадной революции» [8, р. 1662]: чем больше людей протестуют, тем больше тех, кто чувствует себя достаточно безопасно, чтобы выйти на улицы.

Сторонники второго подхода считают, что революции проходили по одному сценарию как совокупности применения технологий, в особенности медиа-технологий, что является следствием обмена или передачи опыта, экспертов, инструментов для реализации данных технологий. Так, Марк Беиссингер, Валери Банс, Шарон Волчик, убеждены, что основной причиной революций была демократическая диффузия, но также они отмечают, что в революциях играют роль более глубокие факторы. В каждой из революций была использована «избирательная модель перехода» [5, р. 56], задачей которой было противостоять авторитарной стратегии государства. Это включало в себя использование следующих средств

борьбы: оппозиционное единство, ненасильственный народный протест против фальсификаций, использование молодежных движений, иностранной помощи, а также различных форм мониторинга выборов и параллельного подсчета голосов. По мнению авторов, технологии и средства для реализации революции были подобраны индивидуально под условия каждого государства, при этом были использованы и общие методы.

Сторонники третьего подхода считают, что исход каждой революции не зависел от другой, и что каждая обладает своими особенностями, которые являются следствием уникальности этноса, характера правления и силы лидеров государств, развитости уровня демократии и политической заинтересованности граждан и т.д. Лукан Вэй в труде «Реальные причины цветных революций» пишет: *«Хоть диффузия на посткоммунистическом пространстве была обширной, она в большинстве случаев не играла решающей роли в достижении результата. Таким образом, осмысление этих событий как «волны» во многом вводит в заблуждение»* [9, р. 55]. Автор принимает диффузию демократизма как реальное явление, со своим набором характеристик и условий, но при этом указывает, что данное явление не является основной причиной успешной реализации революций в странах посткоммунистического пространства. Стивен Левицкий в совместном с Л. Вэйем исследовании «Конкурентный авторитаризм: гибридные режимы после холодной войны» выделяет такие важнейшие долгосрочные переменные, которые могут выступать в качестве условий для реализации революции и факторами ее побуждающими, а именно – степень государственной и партийной силы или слабости [6, р. 387].

Действительно, каждая успешная революция породила новые кадры революционеров для распространения идей как некий «поезд оппозиции», начинающий путь из Румынии и Словакии, движущийся в Сербию, а также из Сербии в Грузию, а затем в Украину. При этом условия, описанные авторами, для успешной реализации революции, как и факторы, ее побуждающие, такие как географическая кластеризация, механизм каскадной революции, избирательная модель перехода, степень государственной и партийной силы, не противоречат самой идее демократической диффузии. Т.е. можно предположить, что диффузия, как явление распространения идей либеральной демократии на постсоветском пространстве, может быть одной из причин возникновения «цветных революций», наряду с другими условиями.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009.
2. Лобов М.Б. "Цветные" революции на постсоветском пространстве: причины и последствия // Россия и современный мир: проблемы политического развития. М., 2006. С.105–108.
3. Поляков С.О феномене «импорта демократии» // Власть. 2007. № 5. С.83–86.
4. Beissinger M.R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. P. 259–276.
5. Bunce V.D., Wolchik S. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // World Politics. 2010. Vol. 62. P.43–86.
6. Levitsky S.R., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War (Problems of International Politics). Cambridge: Cambridge University Press. 2010. P.385–388.
7. Linos K. Diffusion through democracy // American Journal of Political Science. 2011. Vol. 55., No. 3. P. 678–695.
8. Elkins J.A. The international diffusion of democracy // Comparative Political Studies. 2011. Vol. 44., No. 12. P. 1651–1674.
9. Way L.A. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19., No. 3. P. 55–69.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ НАРРАТИВ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ДИСКУРСЕ ПАМЯТИ¹

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Политика памяти и отдельные механизмы конструирования коллективной идентичности становится неотъемлемым элементом политической жизни современных обществ. Особенно актуален этот процесс для стран Центрально-Восточной Европы, которые вслед за сменой своих геополитических ориентаций в конце XX в. предпринимают активные действия для утверждения новых нарративов идентичности, фиксирующих и мифологизирующих события национальной истории в исторической памяти общества [2]. Траектория развития этих процессов во многом обусловлена особенностями политического развития региона в последние 100 лет: по сути, все страны дважды за этот период с нуля должны были осознавать себя в качестве целостности в ходе конструирования своих национальных проектов. При этом, как в межвоенный, так и в постбиполярный периоды эти нарративы идентичности отличались акцентированием этнической составляющей [4, с. 122]; [5, с. 112]. Другой важной характеристикой на обоих этапах является стремление к позиционированию себя как неотъемлемой части Европы. И здесь в определенном смысле наблюдается некая преемственность: в межвоенный период происходит выдвижение в интеллектуальную повестку самого концепта Центрально-Восточной Европы² как европейского региона, а в постбиполярный происходит его утверждение с акцентированием его «европейскости». Параллельно идет процесс утверждения и так называемого восточноевропейского нарратива в европейском дискурсе о прошлом.

Характеризуя современный восточноевропейский нарратив, следует отметить, что было бы ошибочным понимать его в качестве структурированной системы по образцу официальных нарративов в отдельных государствах. Более того, в литературе нет единства в вопросе о его существовании как целостного явления в принципе. И.Б. Торбаковым приводится изложение точек зрения как его сторонников, так и противников [8, с. 102]. Тем не менее, в качестве операционального рамочного определения устремлений и деятельности стран Центрально-Восточной Европы в рамках европейского дискурса о прошлом это определение представляется оправданным.

До распада социалистического блока в основе европейского дискурса о прошлом лежали две составляющие: 1) консенсус двух основных исторических нарративов (условно, западного и советского), общими чертами которых были осуждение нацизма и возвеличивание победы над ним, воспевание достижений ялтинского миропорядка, обеспечившего относительный мир и возможность экономического развития [8, с. 102] и 2) нарратив о Холокосте как главном преступлении против человечности. При этом, как указывает О.Ю. Малинова, сам факт реализации данных нарративов создал «прецедент обращения с прошлым» [3, с. 161], который сегодня активно используется.

Утверждающийся восточноевропейский нарратив трансформирует обе эти составляющие. Так, в рамках данной трактовки, неотъемлемой частью победы над нацизмом, вслед за чешским писателем М. Кундерой, является «похищение» восточноевропейских стран Москвой [5, с. 116]. Подавая утверждение коммунизма

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-09-00279.

² Утверждение определения «Центрально-Восточная Европа» как в западной, так и в отечественной литературе происходит во второй половине XX в., однако различные его предшественники выдвигаются в межвоенный период. Подробнее см. работы А.И. Миллера [6], [7].

как продолжение страданий под гнетом тоталитаризма, восточноевропейский нарратив по мере своей интеграции в общеевропейский дискурс памяти преподносит послевоенную политику Советского Союза в Центрально-Восточной Европе как оккупационные действия и отрицает право советского народа считать себя «освободителем Европы», тем самым уравнивая нацистскую Германию и Советский Союз и обесценивая символический капитал России в претензиях на «европейскость» [8, с. 104–106].

Рассматривая особенности трактовки «освобождения» в рамках восточноевропейского нарратива, В.Ю. Апрыщенко указывает, что с 2009 г. центральное место здесь отводится не 1945 г., а «глобальному 1989», ставшему к этому времени своеобразным «местом памяти» [1, с. 245]. Символическое значение подобного смещения акцентов заключается в окончательном отходе в прошлое существовавшего в годы холодной войны консенсуса. При этом в последних исследованиях отмечается, что в отдельных странах, в частности Венгрии и Румынии, символизм жертвенности и необходимости преодоления «негативного наследия» коммунизма в коммеморации событий 1989 г. оттесняется акцентированием мобилизации национального суверенитета [10, с. 345].

Сходным образом восточноевропейский нарратив трансформирует и утвердившийся до этого в Европе нарратив о Холокосте, направленный на акцентирование «общей ответственности европейцев за мрачные страницы прошлого» и предотвращавший конструирование «*национальных исторических нарративов, главной жертвой в которых выступала бы титульная нация*» [5, с. 111–112]. После распада социалистического блока, в восточноевропейских национальных нарративах роль главной жертвы была закреплена именно за титульной нацией с акцентированием ее страданий от внешнего «московского угнетения» [5, с. 112]. А с учетом активного участия в Холокосте непосредственно представителей восточноевропейских народов, его сакральность размывается по мере интеграции восточноевропейского нарратива в общеевропейский.

Сегодня исследователи сходятся во мнении, что в европейском дискурсе о прошлом «восточноевропейская модель» памяти доминирует над западноевропейской, «в которой главную роль играла тема собственной вины и ответственности» [5, с. 117], [8, с. 109]. Свидетельством этого являются мемориальные постановления органов ЕС [9], [11], которые лежат в русле именно восточноевропейского нарратива.

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. «Карта памяти» Центрально-Восточной Европы // Новое прошлое=The New Past. 2019. №3 С. 238–247.
2. Леонтьева О. Б., Репина Л. П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 9(42). Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (дата обращения: 31.07.2020).
3. Малинова О. Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. №10. С. 156–166.
4. Миллер А. Интерпретация прошлого как инструмент национального строительства // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 118–134.
5. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1. С. 111–121.
6. Миллер А. Центральная Европа: история концепта // Полис. Политические исследования. 1996. №. 4. С. 119–124.
7. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. №. 4. С. 18–33.
8. Торбаков И. Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: сб. науч. тр. / Отв. ред. О. Ю. Малинова. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 91–125.
9. Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism P6_DCL (2008)0044 [Electronic resource] // European

Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN> (access date: 30.12.2020).

10. Dolghin D. (2019) On political heritage: remembering and disavowing 1989 // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2019. Vol. 32, No. 3, P. 344–362. DOI: 10.1080/13511610.2018.1517300.

11. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism P6_TA (2009)0213 [Electronic resource] // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN> (access date: 30.12.2020).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

История социально-политических учений полна различных идей, гипотез и даже полноценных теорий относительно политической легитимности. Уже в трудах античных авторов встречаются рассуждения о природе власти и обоснования ее права на подчинение людей, выраженные в виде концепций идеального правления и идеального государства. Например, Аристотель выделяет буквально правильные и неправильные формы правления, определив в качестве критерия цель верховной власти. Так, правильное правление стремится к достижению общественного блага. В случае же, когда главная цель власти – реализация собственных интересов, государственное устройство без сомнений является ошибочным. Через призму современного понятийного аппарата такие «правильные» и «неправильные» правления можно было бы назвать, соответственно, легитимными и нелегитимными [1]. В основе представлений Платона о наилучшем политическом устройстве лежит критерий справедливости. Так, он пишет: «Заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость» [3, с. 224].

Первая концепция легитимности, названная российским политологом А.-Н.З. Дибировым верноподданнической, базируется на идеях консерватизма и авторитаризма [2]. К числу ее представителей, по мнению автора, относятся Э. Берк, Л. де Бональд, Т. Гоббс, Ж. де Местр, П.Н. Ткачев, К. Шмитт, О. Шпенглер и другие. Представления этих мыслителей о сущности власти и ее легитимности объединены некоторыми общими принципами. В их основе лежит идея несовершенства человеческой природы, в результате чего государство представляется как внешняя сила, крайне необходимая для поддержания порядка, сдерживания человеческих пороков и минимизации их последствий. Человек здесь является объектом контроля и «усмирения», а государственная власть – субъектом в данных отношениях. В рамках такого подхода предполагается, что индивиды навсегда отчуждают свою личную власть в пользу государства. Соответственно, легитимность в рамках данного подхода понимается как сам акт передачи своей власти от индивида к правителю посредством согласия подчиниться ему. Находящиеся у власти лица априори легитимны, если единожды были удостоены права властвовать. В таком случае любые выступления против существующего правителя расцениваются как преступное и нелегитимное посягательство на возвращение власти индивиду.

Вторая концепция легитимности по Дибирову – гражданственная, исходящая из позиций либерализма и либеральной демократии. К ее сторонникам, помимо прочих, относятся И. Бентам, И. Кант, Дж. Локк, Дж.С. Милль, Ш. Монтескье, Г. Моска, Ж.Ж. Руссо, А. де Токвиль и Й. Шумпетер. Данный подход зиждется на трех ключевых убеждениях: каждый индивид обладает рядом неотчуждаемых прав, в первую очередь, на жизнь и свободу; каждый индивид является независимым и самостоятельным членом общественной жизни; общество, состоящее из таких индивидов, может само определять нормы своего устройства и направление своего развития. Как следствие, представители данного подхода, в противоположность предыдущему, воспринимают человека и правителя как равноправных участников политического процесса. В рамках этой концепции человек не отчуждает свою собственную власть в пользу более мудрого правителя, а делегирует ее на определенных условиях и, если они нарушены, имеет полное право вернуть себе свою власть. Как видно, в таком случае политическая легитимность представляет собой, говоря

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Телин Кирилл Олегович.

иносказательно, соответствие власти неким условиям договора, заключенным между населением и правителем.

На этом основании сформулируем обобщенное определение следующим образом: легитимность – это признанное обществом право власти на существование и осуществление своих полномочий, основанное на ее соответствии ценностям и интересам этого общества. В свою очередь легитимация является процессом достижения, удержания и воспроизводства легитимности. Данный процесс происходит в форме взаимного влияния, двусторонней коммуникации, диалога между властью и обществом. Обратным явлением легитимации является процесс делегитимации, который представляет собой снижение уровня легитимности и ее последующее полное разрушение. Следствием делегитимации становится кризис легитимности, который может привести к окончательному свержению существующего политического режима.

Теоретическое осмысление легитимности региональной власти в современной российской политической науке является относительно новым направлением, и потому степень его разработанности остается достаточно слабой. Тем не менее, интерес к региональному измерению российской политики нашел отражение в большой группе работ, посвященных различным аспектам существующей политической практики.

Кризис, связанный с коронавирусом, сам по себе является политической категорией, поскольку любое противостояние и его разрешение является разграничением сфер влияния. В качестве подтверждения можно привести возможность кризиса доверия власти и, соответственно, снижение уровня легитимности, то есть социологического падения рейтингов федеральной и региональной власти на фоне развития указанного выше кризиса. Продуктивность данного кризиса заключается в открытии возможностей, в данном случае – в возможной смене состава центров принятия решений. Само по себе это не является масштабным событием, однако именно подобные локальные ситуации влияют на историю в ее глобальной перспективе и показывают нам уровень собственного внутреннего восприятия легитимности.

Однако, с точки зрения российского внутреннего аспекта, стоит выделить проблемы, связанные с «двойной» легитимностью региональных властей в России. Так, регионы с сильной материальной базой и сильными элитами могли принимать решения по вводу карантинных ограничений в связи с пандемией COVID-19 намного раньше и решительнее, чем их соседи. К таким кейсам можно отнести действия властей Красноярского края, который ввел пропускной режим еще до решения Москвы и федерального центра.

Также в качестве примера можно отметить массовый протест против ограничений во Владикавказе, который стал самым массовым протестом, связанным с данной проблематикой. Вячеслав Битаров, глава Северной Осетии, в данном случае столкнулся с проблемой наличия легитимности в том числе и из-за того, что прямых выборов главы региона не проводится, и в момент потери доли легитимности федеральным центром – делигитимизируются и региональные властные институты, переводя фокус внимания на лидеров-харизматиков, которые проявляются в кризисные моменты. Не случайно одним из требований протестующих было назначение на пост главы республики Виталия Калоева [4].

Кроме того, важным аспектом легитимации можно отметить прошедшие электоральные события в 2020 году на разных уровнях, где не произошло почти никаких непредсказуемых событий, что, наверное, является отчасти следствием невозможности вести традиционные электоральные кампании, а отчасти отходом реальных проблем региона на второй план.

Литература

1. Аристотель «Политика. Афинская полития». Москва. Мысль. 1997.
2. Дибиров, А.-Н.З. Теория политической легитимности: курс лекций / А.-Н.З. Дибиров. – М.: РОССПЭН [Политическая энциклопедия], 2007. 270 с.
3. Платон. Государство // Сочинения: в 3 т. / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т.3.
4. Протесты против самоизоляции во Владикавказе: кто и зачем вышел к зданию правительства Северной Осетии [Электронный ресурс] // Дождь. Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshov/here_and_now/osetija-507219/

ГОСУДАРСТВА ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭКСПЕРТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНЫ

Донецкий национальный университет, г. Донецк

Национальный институт стратегических исследований (НИСИ) – ключевая организация государственного сектора украинской внешнеполитической экспертизы. Анализируя международно-политическую действительность и давая оценки внешней политике Украины, представленные, в частности, в виде аналитических записок и докладов, эксперты института участвуют в формировании контекста для выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений президентом и Советом национальной безопасности и обороны. В условиях, когда с 2014 г. Украина пытается системно противодействовать России в Черноморском регионе, актуальным для российской политической науки и практики является понимание связанного с ним сегмента политической картины мира украинского экспертного сообщества, особенно экспертов НИСИ.

Исходя из этого, автор преследовал цель выявить специфику представлений, содержащихся в политической картине мира экспертов НИСИ, относительно государств Черноморского региона. Вслед за И.В. Самаркиной понимая под политической картиной мира *«подвижную систему образов и представлений о власти и политике, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности, отражающей политический мир»* [7], а также основываясь на конструктивистском подходе к международным отношениям и внешней политике [1], автор изучил тексты аналитических докладов НИСИ к посланиям президента Верховной Раде «О внутреннем и внешнем состоянии Украины» за период с 2014 по 2018 гг.

Объектами исследования были такие черноморские государства, как Болгария, Грузия, Румыния и Турция. При этом Россия была сознательно «вынесена за скобки», поскольку представления о ней и о Крыме являются самостоятельными и чрезвычайно объемными сегментами политической картины мира экспертов НИСИ. Интерпретация последними регионального политического процесса сквозь призму политического мифа о «мировой гибридной войне» [8], которую якобы ведет Россия, имеет основополагающее значение для формирования представлений о черноморских государствах.

Болгария в докладах института рассматривается как важное, но слабое звено НАТО в Черноморском регионе. С одной стороны, отмечается, что *«связи болгарского народа с РФ и участие Софии в масштабных проектах Москвы в докризисный период (вроде проекта "Южный поток") только подчеркивают значение современной политики, которую эта страна реализует в рамках совместных действий ЕС и НАТО по урегулированию российско-украинского конфликта»* [4, с. 245]. С другой – эти же «связи» не позволяют Болгарии занимать откровенно антироссийскую позицию, вынуждают ее публично сомневаться в санкционной политике ЕС [5, с. 176], что противоречит украинским интересам.

Грузия, по мнению экспертов НИСИ, находится в схожих с Украиной геополитических обстоятельствах [3, с. 129], а обе страны имеют общую главную проблему – намерения России *«вернуть их в зону своего политического и экономического влияния»* [6, с. 131]. Отсюда – Грузия рассматривается как «традиционный партнер» Украины в Черноморском регионе [4, с. 245–246] и «ведущий» – на постсоветском пространстве [5, с. 177]. Вместе с тем анализ докладов не позволяет заключить, что партнерство с Грузией для Украины имеет какое-либо большее значение, нежели просто символическое.

Румыния рассматривается как «важный форпост НАТО, ключевой партнер США в Черноморском регионе» [5, с. 175]. Она наиболее последовательно занимает жесткую антироссийскую позицию. В этих условиях, считают в НИСИ, Украине стоит отказаться от попыток региональной конкуренции с ней [6, с. 132], [2, с. 412], [3, с. 130] и перейти к новым формам политического и оборонного сотрудничества [4, с. 244], основанного на необходимости совместно противостоять России в регионе. Одной из таких форм в институте считают «трехсторонний диалог» Украины, Румынии и Молдавии [2, с. 423].

Турция рассматривается украинскими экспертами как стратегический партнер Украины в Черноморском регионе [6, с. 13], имеющий, несмотря на «прагматичный характер» двухсторонних отношений [2, с. 423], схожие с украинскими геополитические проблемы с Россией [3, с. 22, 130]. Принимая во внимание временное «потепление» в российско-турецких отношениях и «определенную двузначность российского вектора внешней политики Турции» [5, с. 176], эксперты НИСИ все же убеждены в перспективности украино-турецкого партнерства и сотрудничества по вопросам региональной безопасности и обороны [4, с. 246]. Среди них следует особенно отметить взаимодействие стран в сфере развития военно-промышленных комплексов, а также украинскую идею создания совместной военной флотилии под эгидой НАТО из военно-морских сил Болгарии, Румынии, Турции и Украины [3, с. 124]. Вместе с тем ключевая ценность Турции для внешней политики Украины, по мнению украинских экспертов, заключается в том, что данное государство последовательно и принципиально не признает и не поддерживает воссоединение Крыма с Россией. Более того, в докладах отмечается, что «Турция выступает своеобразным адвокатом прав крымских татар» [5, с. 176].

В политической картине мира экспертов НИСИ все государства Черноморского региона занимают антироссийские позиции, в разной степени рассматривая Россию как угрозу своим национальным интересам, в первую очередь в сфере безопасности. Существующие в докладах представления позволяют предположить, что общая направленность рекомендаций института высшим органам государственной власти Украины в сфере внешней и оборонной политики будет связана с: 1) укреплением военно-политического сотрудничества с Румынией, 2) оказанием давления на Болгарию с целью обеспечения поддержки антироссийских санкций, 3) сохранением вовлеченности Турции в Крымский вопрос, разжиганием российско-турецких противоречий.

Литература

1. Алексеева Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1. С. 4–21.
2. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році». К.: НІСД, 2015. 684 с.
3. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». К.: НІСД, 2016. 688 с.
4. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». К.: НІСД, 2017. 928 с.
5. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». К.: НІСД, 2018. 688 с.
6. Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до позачергового Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у сфері національної безпеки». К.: НІСД, 2014. 148 с.
7. Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С.117–127.
8. Світова гібридна війна: український фронт / За заг. ред. В. П. Горбуліна. Національний інститут стратегічних досліджень. К.: НІСД, 2017. 496 с.

СЕКЦИЯ «Глобальные и региональные проблемы современного мира»

УДК 327.55

Анчев С.И.

БАЛКАНЫ КАК ЧАСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ США В КОНЦЕ XX И НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Университет Св. Кирилла и Мефодия (ВТУ «Св. Св. Кирилла и Мефодия»),
г. Велико-Тырново, Болгария

В европейской и мировой политике последнее обосновывается вмешательством США в регион, Балканы всегда были частью региональных и глобальных проблем в конце прошлого и начале этого века. С точки зрения направленности и содержания глобальные проблемы остаются взаимосвязанными как политические, экономические, социальные и экологические. Их содержание не меняется, но появляются новые места, где они активизируются. Это также определяет их региональность.

В конце XX в. при определенной экономической и дипломатической политике Запада с лидером США и неправильных действиях в этой сфере советского лидера М. Горбачева, начался распад союза социалистических государств. З. Бжезинский с удовольствием и нескрываемым пафосом признавал, что «снятие красного флага с Кремля 25 декабря 1991 г. вызывает у него настоящее удовлетворение» [2, с. 15]. Многие западные политики, аналитики и политологи поспешили объявить конец холодной войны, как будто они боялись, что кто-то отнимет у них победу, заявив, что побежденный «враг» все еще жив. Почти 10 лет мир жил по однополярной модели с лидером США. Для заокеанского лидера «холодная война» является всего лишь эпизодом в американской стратегии мирового господства. Об этом известно из документа, заведенного под № 68 Совета национальной безопасности США. [5, с. 17–18], [3, с. 69]. По мнению З. Бжезинского, конец холодной войны был зафиксирован в 1990 г. в Париже. Для него Договор о конвенциональном оружии, подписанный 19 ноября 1990 г. 22 странами, является окончательной победой для одних стран и поражением для других.

В последующие годы «конец холодной войны» объявлялся еще несколько раз. Как наиболее обобщенное мнение участников этого процесса можно принять вывод Питера Швейцера в конце его книги, посвященной разрушению СССР: «Парадоксально то, что современная история приписывает М. Горбачеву главную заслугу в окончании периода холодной войны. Слишком любопытное развитие – проигравшие получают больше признания, чем победители» [4, с. 266]. Бжезинский выделяет четыре фактора, которые приводят к победе США и их союзников в холодной войне: военная мощь, экономическое преимущество, ведущая роль в научно-техническом развитии и роль западной массовой культуры. Один из аналитиков президента Б. Клинтона С. Зестанович добавляет, что советы со стороны западных лидеров М.С. Горбачеву по поводу перестройки приводят к самоубийственным результатам для СССР и его союзников. Это осуществляется за счет усиления гонки в экономической и военной областях и сильной пропаганды, обещающей интеграцию стран восточного блока в западное общество; использование возможностей гласности и плюрализма, создание общественных настроений для дискредитации существующей политической и экономической системы, противопоставление ценностей двух систем при подчеркивании фаворитизма прозападной позиции и формировании демократического мифа; поддержание новых политических лидеров, приверженных борьбе за демократическое общество, которые, несмотря на свою некомпетентность и меркантилизм, использовали общественное недовольство для демонтажа не только тоталитарной системы, но и государства [1, с. 44].

Распад второй Югославии является спровоцированным и продиктованным Западом процессом, который начинается после смерти югославского лидера И.Б. Тито в мае 1980 г. и продолжается до создания второго американского протектората с европейским участием – Республики Косово. Первым государством-протекторатом, созданным после вмешательства США, становится Босния и Герцеговина. 18 марта 1992 г. было подписано Лиссабонское соглашение, его утвердили все три конфликтующие стороны – Алия Изетбегович (мусульмане), Радован Караджич (сербы) и Мате Бобан (хорваты). Но Вашингтон уничтожил это соглашение. 28 марта 1992 г. американский посол Уоррен Циммерман провел встречу с лидером босняков Изетбеговичем и предложил ему отозвать подпись под соглашением, пообещав взамен содействие Вашингтона скорейшему мировому признанию независимости унитарной БиГ (США отрицают факт этой встречи). В этот же день мусульманская сторона отозвала свое согласие. Интересно и даже несколько парадоксально, что сами боснийцы определяют себя атеистами, а по национальной принадлежности – мусульманами. Здесь нет ошибки, это подмена в их сознании сущности религиозности и национальности. Этот протекторат создан после Дейтонского соглашения от 21 ноября 1995 г., подписанного под полным американским давлением и беспрецедентным наблюдением, оно одобрено Парижским договором с 14 декабря 1995 г. Сразу после этого администрация США объявила, что в центре Европы создано мусульманское государство. Это совсем не так, потому что мусульмане составляют лишь 47% численности населения, а остальные христиане – католики и православные.

Создание второго протектората США на Балканах является результатом военной агрессии НАТО, спровоцированной и контролируемой Соединенными Штатами через государственного секретаря М. Олбрайт. Этот незаконный акт грабежа начинается 24 марта 1999 г. Он не получает одобрения/положительной санкции ООН, а также Сената США. 17 февраля 2008 г. объявлено создание протектората – Республики Косово, признанного США и некоторыми их сателлитами. Интересно то, что первой страной в мире, признавшей новоявленное государство, является Афганистан! Каждый может сделать собственные выводы об общих интересах и взаимных «симпатиях» этих двух стран. Таким образом, на территории южной Сербии создано государство без исторического прошлого и без правовой основы. Вся американская политика по отношению к бывшим социалистическим государствам, включая советские республики, основана на принципе, согласно которому США уполномочены прибегать к насилию, если возникает угроза их мировому правлению, что означает угрозу демократии. Доктрина Рейгана, распространяемая через средства массовой информации, разделяет политических противников на «демократов» и «коммунистов». Первые служат интересам правительства США, а вторые страдают болезнью «ультранационализма». Это означает, что угроза американским ценностям и интересам представляет собой национальное государство и его националистический режим. Это, согласно либерально-демократической идеологии, должно быть удалено, чтобы осуществить социальные реформы и поднять уровень жизни населения за счет инвестиций США [6, с. 32].

В 20-х годах XX в. политика Запада и США выражается в создании экономического и военного круга вокруг России посредством локальных военных конфликтов, провокации «мягких революций» и фабрикация ложных обвинений, которые являются поводом к санкциям против России и против тех, кто разделяет ее политику.

Литература

1. Анчев С. Балканите – начин на употреба 1944–1955 г. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2007. С. 44.
2. Бжежински З., Скокрофт Б. Америка и светът. София, 2010. С. 15.
3. Плащинский А.А. Начальный период «холодной войны» и формирование концепции глобального лидерства США // Белорусский журнал международного права и международных отношений. Минск, 2002. № 1. С. 69.
4. Суайцър П. Победа. Тайната стратегия на Рейгън за разбиване на СССР. София: Труд, 1999. С. 266.
5. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI в. М., 2000. С. 17–18.
6. Чомски Н. Необходими илюзии. Промиване на мозъците в демократичните общества. София: БАРД, 2005. С. 32.

УДАЛЕННЫЙ ТРУД И ПРЕДПЕНСИОНЕРЫ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В НАСТОЯЩЕМ И НАДЕЖДА НА УСПЕШНОЕ БУДУЩЕЕ²

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Самоизоляция, вошедшая в нашу повседневность как одна из противовирусных и вынужденных мер, научила нас многому: уметь воспринимать домашнее пространство как офис, как учебное заведение, как публичное место для общения с близким кругом, находящимся по ту сторону экрана наших гаджетов, наконец, как надежное убежище от различного рода вирусов, постигших каждого из нас на завершающем этапе второго десятилетия XXI в. Более того, ранее неведомые нам, не так давно установленные границы и «одомашнивание» всего и вся, стали дополнительным поводом для размышлений по поводу настоящего и будущего тех, кто занят или только хотел бы интегрироваться в рынок труда и занятости. Акцентирование внимания в названии данной работы на категории предпенсионеров обусловлено лишь искренним научным интересом к тому, как эта часть населения адаптируется к новым условиям дистанционного труда.

С учетом того, что и до пандемии и «удаленки» у представителей предпенсионного возраста существовала, по мнению российских работодателей, острая нехватка продвинутых навыков работы на компьютере (29,8%), общих умений работы за компьютером (23,6%), профессиональных навыков (23,6%) и восприимчивости всему новому (18,9%) [3, с. 22], осмелимся предположить, что и в настоящих условиях полного дистанцирования и массового перехода на «удаленку», большинство предпенсионеров, скорее всего, не смогли положительно повлиять на вышеотмеченную ситуацию, тем более, в контексте недавних событий, вынудивших, как работодателей, так и работников, без переобучения и повышения квалификации, буквально за считанные дни подстроиться под новый формат труда. После резкого перехода на «удаленку» некоторые организации (имеющие отношение к сфере образования и науки, связям и массовым коммуникациям) столкнулись с проблемой цифровой безграмотности некоторых работников, отсутствием у большинства сотрудников организаций технических возможностей для осуществления трудовых обязанностей из дома, а также с равнодушием и требовательностью некоторых работодателей к подчиненным, которые не имели вышеупомянутых компетенций и технических возможностей для успешного выполнения рабочих задач. Названные «побочные эффекты» перехода на удаленный труд были выделены респондентами – участниками социологического исследования [5], ответившими самостоятельно на предложенный им открытый вопрос.

В связи с тем, что рынок труда и занятости в настоящих условиях, очевидно, еще более усложнился, принципиально важно сделать акцент на качественном измерении того, что, мы относим к новому социальному порядку, характеризующемуся новыми моделями поведения, в том числе, в сфере труда. Отталкиваясь от этого, обратимся к некоторым полученным результатам качественного исследования [4]:

1. В ответах некоторых информантов, являющихся детьми представителей предпенсионного возраста, мы обнаруживаем, что именно семья является чуть ли не единственным «спасательным кругом» для трудоустроенной части предпенсионеров, которые были вынуждены приобщаться к дистанционному труду и не имели навыков и возможностей интегрироваться в цифровую среду самостоятельно: «Я видела,

¹ Научный руководитель – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета Николенко Наталия Александровна.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на региональном рынке труда в условиях цифровой экономики».

как тяжело было моей маме на удаленке, и поэтому мы с сестрой делали все по дому, помогали ей, чтобы она отдыхала..., я обучала ее новым технологиям, чтобы упростить ей жизнь и работу. К примеру, работать в «Зоот» научила ее я, потом рассказывала ей о том, как пользоваться Google-документами» (Ж., 21 год).

2. Полученными от своих детей знаниями и навыками некоторые предпенсионеры стремились поделиться со своими коллегами по работе: *«Моей маме нужно было встречаться со своим коллективом и начальником по видеосвязи, а она не умела с этим работать. Я подключился, настроил ей там все, потом показал, как можно демонстрировать экран, создавать презентации своих отчетов... До удаленки у нее никто не требовал презентаций, а теперь стали, и надо было нам срочно выходить из положения. Потом я узнал, что мама стала объяснять, как работать с презентациями и на видеоплатформах своей подруге с работы»* (М., 20 лет). Обращая внимание на представленную цитату, мы замечаем, как теперь выстраиваются отношения между информантами и их родителями: если ранее работа касалась только родителя, и о ней ребенку было известно лишь в общих чертах, то теперь мы обнаруживаем, как дети включаются в рабочий процесс родителей, как они добровольно берут на себя ответственность за представление родителем информации своим коллегам и работодателю.

Подводя черту нашим размышлениям и представленным результатам исследований, стоит предположить, что в контексте удаленного труда возрастная дискриминация, о которой упоминалось в ряде работ некоторых российских авторов [1], [2], может, вероятно, отойти далеко на задний план, уступив лидирующие позиции навыкам работы в цифровом пространстве и, безусловно, неотъемлемому профессионализму. Ведь теперь любому работодателю, на наш взгляд, не столько важен возраст, сколько необходима работоспособность и умение работать с технологиями. Допуская, что в условиях неопределенности развития ограничительных мер, в том числе продолжительности нахождения работников на «удаленке», предпенсионеры являются наиболее уязвимыми категориями трудоспособных граждан, мы все-таки видим «свет в конце тоннеля» в виде близкого круга общения, в котором найдутся те, кто сможет оказать помощь в переходе на дистанционный труд, в упрощении работы и повышении ее качества. На наш взгляд, именно поддержка близких людей и личная мотивация предпенсионеров могут являться ключевыми основаниями их успешного будущего на удаленном рынке труда и занятости.

Литература

1. Васильева Е.Г., Николенко Н.А. Кто такие предпенсионеры? К вопросу о социальном статусе группы // Logos et Praxis. 2020. Т. 19. № 1. С. 147–159.
2. Николенко Н.А. Самозанятость граждан предпенсионного возраста в условиях формирования цифрового общества // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного университета, 2020. Т. 4. Вып. 1. С. 35–42.
3. Смирных А.И., Емелина Н. Травкин П.В. и др. Работники предпенсионного возраста на рынке труда в Российской Федерации: информационный бюллетень. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 32 с.
4. Социологическое (пилотажное) исследование на тему: «Принципы справедливости и новый порядок справедливости, возникший на фоне пандемии», организованное кафедрой социологии и социальных технологий ВолГУ и проводимое с декабря 2020 г. по наст. время под руководством к.социол.н, доц. Николенко Н.А., к.социол.н, доц. Лактюхиной Е.Г. Метод – полуструктурированное интервью (N=9). Тип выборки – целенаправленная. Критерии выборки: пол, возраст, род занятий. Текущий архив кафедры социологии и социальных технологий ВолГУ. Волгоград, 2020–2021.
5. Социологическое (пилотажное) исследование на тему: «Цифровое неравенство между различными поколениями на современном рынке труда и занятости: региональный аспект», организованное кафедрой социологии и социальных технологий ВолГУ и проведенное в декабре 2020 г. под руководством к.социол.н, доц. Николенко Н.А., д.филос.н., профессора Василенко И.В. (Метод – онлайн-опрос (N=76). Метод: снежный ком. Критерии выборки: пол, возраст, род занятий. Текущий архив кафедры социологии и социальных технологий ВолГУ. Волгоград, 2020.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАНС В XXI ВЕКЕ. ВОЗРАСТАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИКЕ

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, г. Симферополь

Современный мир не стал, и еще долго не сможет стать безопасным и стабильным. Анализируя исследования относительно этого вопроса, можно сделать вывод о становлении многополярности современного мира [2]. В теории международных отношений многополярная система наименее стабильна из всех. Тем не менее, именно эта система может просуществовать достаточно большой промежуток времени, и если сравнивать, более стабильна из всех существующих. Многие исследователи считают, что так называемая вестфальская международная система по-прежнему существует.

Основа этой стабильности – баланс сил, в теории международных отношений универсальная концепция [3]. Суть этой концепции, если применить к международным отношениям, не допустить усиления какого-либо государства в рамках системы, которое бы угрожало независимости и безопасности остальных. Механизмом предотвращения – создание противовеса, коалиции, она не даст действовать одному, в ущерб интересам других. Уравновешивая друг друга, силы возвращаются в состояние покоя, т.е. мира [4]. Вопросы определения баланса сил, его связи с безопасностью отдельных государств и устойчивостью системы в целом остаются предметом научной дискуссии вплоть до настоящего времени [5].

На создание новой системы международных отношений, а современный мир переживает болезненный переход к новой фазе, влияет и формирует этот процесс глобализация, региональная дезинтеграция и реинтеграция, которые становятся все более интенсивными и влияют на создание новой системы международных отношений

На этой основе следует проанализировать влияние глобализации на обозначенный процесс. Если оценивать влияние глобализации на мировую систему, то оценка будет неоднозначна. Открытие стран и обществ в международной системе имело как позитивные, так и отрицательные последствия. Растущая взаимозависимость приносит много положительных аспектов, но в то же время, она создает и новые угрозы и увеличивает уязвимость. Это и распространение опасных технологий, ослабление государств, появление негосударственных акторов с непредсказуемым поведением, отсутствие каких-либо форм отчетности и контроля над деятельностью многих глобальных акторов, повышение уязвимости глобальной инфраструктуры [6].

Взаимодействие процессов глобализации и регионализации привело к интересному результату. Необходимость усиления национальных государств. Вызовы времени требуют коллективных действий при решении общих (глобальных) задач.

Значение национальных государств в мировой экономике и политике будет, по-видимому, возрастать. Процессы регионализации должны не ослаблять, а усиливать национальные суверенитеты. Примерами могут служить Китай и Индия. Нынешние трудности европейской интеграции еще более утверждают этот тезис.

В начале XXI в. международные отношения, как отношения межгосударственные, начинают обретать утраченное значение.

Литература

1.Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад. Национальная стратегия США в век потрясений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Uravnovesit-Vostok-obnovit-Zapad--15458>.

2. Барский К.М. Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://mir-politika.ru/831-policentrizm-sovremennogo-mira-i-novaya-bipolyarnost-kak-vozmozh-nyy-scenariy-globalnogo-razvitiya.html>.
3. Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. редактор А.С. Манькин. М.: Изд-во МГУ, 2001 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 17. Сер. III. Instrumenta studiorum).
4. Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 592 с.
5. Цыганков П.А. Проблема закономерностей международных отношений // Теория международных отношений. М., 2003. 590 с.
6. Белл, Д., Иноземцев, В. Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI в. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.

ГОРОД-КУРОРТ АНАПА В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва*

Значимость для российских граждан города-курорта Анапа в эпоху пандемии 2020 г. возросла в разы. Данный факт обусловлен закрытием границ и приостановкой авиасообщения со странами-лидерами туризма. Однако, несмотря на невозможность выезда с туристской целью за пределы РФ, многие отдыхающие по-прежнему не рассматривают отечественные курорты, в том числе Анапу, как потенциальное место отдыха. Среди классических причин отказа – заблуждение по поводу отсутствия памятников истории, культуры и различных объектов туристского показа на ее территории.

Несмотря на это, Анапа отличается удивительной историей своего возникновения, развития и процветания. Например, в контексте русско-турецких отношений, это может стать одним из факторов привлечения в Анапу туристов, особенно в межсезонье. Турецкого наследия на территории Анапы предостаточно, что может позиционировать город-курорт не только как дестинацию пляжного туризма, но и культурно-исторического.

Исторические факты из жизни города необходимо использовать для развития туризма и привлечения молодых специалистов, в которых так нуждается сфера туризма и гостеприимства. Русско-турецкие отношения всегда занимали особое место в перечне научных интересов историков, краеведов и других специалистов. В настоящее время имеющиеся знания необходимо применять на практике для социально-экономического развития Анапы. Для достижения этой цели необходимо изучить историю Анапы в контексте русско-турецких отношений, распространять информацию об истории и культуре города-курорта времен турецкого господства и создать экскурсионный маршрут, который даст представление об Анапе, долгое время находившейся под властью Османской империи.

Анапа на протяжении столетий привлекала к себе внимание завоевателей. Особый интерес к ней испытывала Порта в XV–XIX вв., завладевшая ею в 1475 г. Причин тому множество. Во-первых, османы проводили агрессивную экспансию на всем Черноморском побережье России, особенно после заключения в 1774 г. Кючук-Кайнаджирского мирного договора [5, с. 151]. Во-вторых, в 1783 г. Османская империя потеряла Крым и Правобережную Кубань, укрепив свои позиции лишь в Суджук-Кале и в Анапе. В-третьих, турки обложили население Анапы, ставшей одним из центров мировой работорговли, данью, а в 1781 г. воздвигли крепость, названную ими Бугур-Кале [4, с. 164].

Укрепление Анапы османами было совершенно невыгодно для России, так как город был отличным плацдармом для вторжения в Крым, триумфально вошедший в состав Российской империи. Таким образом, во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. русскими войсками были предприняты три похода с целью взятия крепости Анапа [2, с. 55–57]. Опасаясь захвата Бугур-Кале, Османская империя усилила гарнизон крепости и его вооружение и не жалела денег на модернизацию с помощью французских фортификаторов [6, с. 246].

Старания Турции все же оказались напрасными: крепость Анапа пала во время очередного похода войск под предводительством графа И.Ф. Гудовича. Порта потеряла восемь тыс. чел. убитыми, примерно столько же утонули в море, пытаясь вплавь добраться до стоявших на рейде турецких судов, почти четырнадцать тысяч воинов под командованием Мустафы-паши попали в плен [6, с. 103]. После взятия русскими войсками Анапа, как крепость, перестала существовать, крепостные укрепления срыли до основания, а сам город был предан огню [6, с. 105].

В конце 1791 г. был заключен Ясский мирный договор, поставивший точку в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., согласно которому разрушенная до основания крепость Бугур-Кале отходила обратно Османской империи [6, с. 106]. Разумеется, перед турками сразу была поставлена задача восстановления былой мощи Бугур-кале, так как «Блистательная Порта» осознавала, что на этом не закончится противостояние двух держав относительно принадлежности крепости и региона.

В 1806 г. Османская империя вновь объявляет России войну и, безусловно, захват восстановленной крепости Анапа вновь является одной из первоочередных задач российской армии и флота [1, с. 15]. Ценой невероятных усилий она была достигнута, тем не менее, по Бухаресткому мирному договору, заключенному в 1812 г., Анапа снова перешла под власть Турции, которой подчинялась последующие шестнадцать лет [1, с. 18].

Последняя экспедиция русских войск на неприступную крепость Анапа состоялась в 1828 г. Несмотря на то, что силы турецкой армии значительно превосходили по численности русские отряды, направленные на взятие Анапы, крепость пала. 12 июня 1828 г. над крепостью был водружен российский флаг [3, с. 182]. Закрепление Анапы за Россией было прописано в Адрианопольском мирном договоре 1829 г. [7, с. 74]. Безусловно, в той же Черкесии турки далеко не сразу прекратили свою враждебность по отношению к русским, так как верили, что Анапа перешла под юрисдикцию России временно. Однако в 2028 г. город будет праздновать двухсотлетие со дня вхождения крепости в состав России.

В настоящее время Анапа насыщена турецким прошлым, которое может привлекать туристов и исследователей. Например, в городе-курорте сосредоточены памятники генералу-фельдмаршалу И.В. Гудовичу; наказному атаману Черноморского казачьего войска А.Д. Безкровному; А.В. Суворову [3, с. 182]. Интерес представляют и «Русские ворота» – сохранившиеся ворота крепости Бугур-Кале. Следовательно, представляется перспективным использовать впечатляющую историю всероссийской здравницы для диверсификации туристской деятельности и динамичного развития туризма в Анапе и ее окрестностях (Джемете, Витязево, Сукко, Благовещенская и т.д.). Однозначно, экскурсии, повествующие о неоднократном взятии Анапы русскими, о боях, которые проходили на ее территории в XVIII–XIX вв. найдут своего туриста.

Подводя итог, стоит отметить, что история взаимоотношений России и Османской империи носит комплексный, сложный характер и предоставляет безграничное поле для изучения и осмысления. В связи с этим предлагается разработать экскурсионный маршрут «Анапа – мечта турецкого султана». Данный турпродукт станет не только привлекательным для отечественного туриста, но найдет своего туриста на международном уровне, безусловно. Ведь укрепление исторической памяти и популяризации городов на международном уровне – один из трендов современности, а город-курорт Анапа имеет для этого все основания.

Литература

1. Геополитическое положение Черкесии в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2006. С. 15–18.
2. Кандур М. Юридика. История Кавказских войн. Нальчик, 1996. 308 с.
3. Лукьянович Н.И. Описание турецкой войны 1828–1829 гг. Санкт-Петербург, 1844. Ч. I. 360 с.
4. Потто В.А. Кавказская война. Москва, 2006 г. Т.1. 526 с.
5. Хаджебиекова Ф.М. Взятие Анапы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2009. №1–2. С. 151–160.
6. Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XX вв. Москва, 2005. 497 с.
7. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Санкт-Петербург, 1869. 296 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ХРОНОТОП ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Интеллектуальными предпосылками актуализации изучения темы исторической памяти в последние десятилетия XX в. и начала XXI в. стали постмодернистские социально-философские и гуманитарные дискурсы, связанные с переосмыслением научного статуса исторического знания, политизированных версий истории и явлений национальной памяти общества. Немаловажным фактором интереса исследователей к феномену исторической памяти стала смена парадигмы развития мировой цивилизации, которая привела к кризису ценностных ориентиров в духовной сфере, свержению кумиров и девальвации исторических идеалов, к обострению этнических и религиозных конфликтов, душевным драмам и трагедиям отдельных народов.

Современная тенденция пересмотра западной цивилизацией исторических событий ушедшего века обострила конкуренцию интерпретаций исторических нарративов о прошлом, вбирающих в себя разные версии групповой исторической памяти, которые повлияли на мир символической политики, включая политику памяти современной России.

Спектр значения концептов «историческая память» и «историческое сознание» давно стал квинтэссенцией междисциплинарных интересов и споров философов, психологов, историков, социологов и этнографов. Вместе с тем понятие «историческое сознание» шире понятия «историческая память», так как оно включает в себя многообразие, как стихийно сложившихся феноменов (мифов, традиций), так и научно-историографических знаний, теорий и концепций о прошлом. В сущности, историческое сознание – это совокупность идей, знаний, убеждений, представлений, настроений и чувств, в которых индивид воспринимает прошлое и дает ему оценку. Оценка исторического смысла события зависит от уровня знаний человека. Низкий, обыденный, хаотичный уровень сознания формируется на основе накопления непосредственного жизненного опыта. Чаще всего – это эмоционально окрашенные субъективные и неточные воспоминания, которые дают отрывочные исторические знания и ложные суждения. Высший теоретический уровень исторического сознания позволяет личности всесторонне теоретически осмыслить события, факты истории и выявить тенденции исторического развития.

В отличие от исторического сознания историческая память актуализирована и избирательна. Интерес к ней возникает в ситуациях духовного кризиса, когда сохранение и воспроизводство прошлого опыта народа, страны, государства необходимо обществу для возможного его использования в настоящем. Следовательно, образы прошлого в исторической памяти – это всегда отражение интересов воссоздающего их общества с целью формирования впечатления, мнения и суждения о том, что представляет историческую ценность сегодня, в данный конкретный период времени.

В теоретико-практическом плане все научные исследования в области теорий исторической памяти можно свести к двум фундаментальным направлениям. Основателем первого направления теории исторической памяти считается французский социолог М. Хальбвакс, который отталкиваясь от работ Э. Дюркгейма ввел понятие «коллективной памяти». В своих работах он впервые остановился на социально-коммуникативном характере воспоминаний, распределенных между членами определенных групп и роли посещения мнемонических мест, как самых действенных способов развития исторической живой памяти. Коллективная или собирательная память, по мнению ученого – «это не абстрактные знания каких-либо событий прошлого», это жизненный опыт пережитых и эмоционально прочувствованных воспоминаний очевидцев событий, сопряженный с их устной историей, их расска-

зом о прошлом [4, с. 323]. Национальная история со временем приводит к девальвации и стиранию коллективной памяти как коллективных воспоминаний о прошлом.

Сторонники второго направления культурной антропологии и социологии - Я. Ассман, П. Нор, Й. Рюзен изучают историческую память как культурный механизм накопления и трансляции информации (знаний, представлений, образов) о прошлом общества в разные исторические периоды, в том числе и в настоящее время [1], [3]. Их дискуссии сосредоточены на анализе роли исторических представлений в культуре социума, на «истории памяти» больших социальных общностей, в которых историческая память выходит за пределы жизненного пространства личности или группы. В этом случае историческая память обозначает элемент временной дистанции между прошлым и настоящим. Воссоздание прошлого, по мнению Я.Асмана, может быть лишь его «реконструкцией» на основе «символических фигур воспоминания» под которыми ученый понимает «культурно сформированные, общественно обязательные «образы воспоминания». Они могут относиться не только к иконической, но и к нарративной форме памяти» [1, с. 39]. Символическими фигурами воспоминания выступают судьбоносные события в жизни страны, исторические битвы, деятельность выдающихся и исторических личностей, деятелей политики и науки, техники и искусства. Историческая память как культурная память в этом формате становится своеобразным пантеоном национальной идентичности, которая по определению П. Нора определяется как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции (отсюда – изобретение традиций и установление «мест памяти» в современном обществе) [3].

«Местами памяти» могут быть «монументы и святыни, музеи, архивы, коллекции, национальные исторические хроники, гражданские справочники и учебники истории, которые призваны поддерживать существование сообщества» [3, с. 20]. Их роль символическая, так как напоминание о прошлом наполняется смыслом жизни в настоящем. Именно эти знаки памяти в современном глобальном мире выступают в качестве фактора, обеспечивающего идентификацию политических, этнических, национальных, конфессиональных и статусных групп.

Особенностью исторической памяти является гиперболизация отдельных моментов исторического прошлого. Свидетельством этому являются «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории. В истории постсоветской России – это норманнская теория образования государства в Древней Руси, Великая российская революция как сложный процесс, требующий новой взвешенной оценки; события Гражданской войны как неотъемлемой части мировой и непрерывной российской истории; это Мюнхенское соглашение и пакт Молотова-Риббентропа и др.

В современной постсоветской России особую роль в формировании национальной политики памяти, наряду с академическим историческим истеблишментом, отводится лидеру государства. Историческая память опыта прошлых поколений представлена в его личностной структуре опосредованно, как культурно-исторический хронотоп сознания, который позволяет рассматривать эту разновидность памяти в качестве мощного фактора индивидуальности лидера и его духовности. Встречи субъекта власти с «исторической общественностью» можно трактовать как формы работы над новым официальным историческим нарративом. «Официальный исторический нарратив – это смысловая схема, которая описывают генеалогию макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, и объясняет, каким образом его прошлое определяет настоящее и будущее» [2, с. 105].

Первый исторический нарратив постсоветской России, сформированный лидером власти в 1990-ые годы опирался на создание образа новой, демократической России и критически характеризовал советский и отчасти досоветский этап. В 2000-х годах на смену этой конструкции пришел нарратив о тысячелетнем Российском государстве, сосредоточенный на позитивных и значимых событиях из разных исторических эпох. Новый нарратив фокусируется на событиях актуализированного прошлого, сопряженного со становлением России как великой державы с ее великими символами и образами на основе уже существующей социально-культурной инфраструктуры. Нарратив соединяет в себе все более значимое «положительное»,

прорабатывает «все трудное» прошлое, формирует «точки консенсуса», которые востребованы как магистральная дорога, по которой развивается нация.

Историческая память сегодня стала новым полем «духовной борьбы» за общественное, историческое сознание, «битвой мнений» за трактовку и коллективное понимание образов прошлого.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Полития. 2019. №3 (94). С. 103–126.
3. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАПАДНОГО ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Распад СССР позволил различным субъектам международных отношений более активно использовать национальный вопрос для дальнейшего ослабления России. В украинский период истории Крыма (1991–2014 гг.) международным научным сообществом продолжалась исследовательская деятельность, которая была начата еще в начале XX в., по изучению различных аспектов истории, культуры, социально-экономического положения крымских татар. После 1991 г. публиковались работы К. Абдуганиева [10], М. Алтана [11], Б. Вильямса [17, 18], Г. Дюфо [12], О. Пола [14], Э. Уилсона [19], Г. Улинг [16], М. Холла [13], О. Шевель [15] и др.

Интерес экспертов к данному этносу также демонстрируют посещения Крыма и меджлиса крымско-татарского народа (организация запрещена в РФ) представителями зарубежных исследовательских институтов, аналитических центров. Так, начиная с 1990-х гг. в Крыму с целью изучения положения крымских татар побывали: профессор Новоорлеанского университета США, автор исследований о жизни выдающего просветителя крымско-татарского народа И. Гаспринского Э. Лаззерини [1, с. 3]; координатор исследовательской программы Кембриджского университета в постсоветских государствах Э. Вильсон [8]; директор Восточно-Европейского отдела Центра стратегических исследований США Я. Бугайский и политолог Я. Бжезинский [9, с. 56]; сотрудник Гарвардского университета М. Лисаби [9, с. 58]; директор «Программы урегулирования межэтнических конфликтов СНГ» РАН и Гарвардской школы права Б. Аллен [9, с. 58]; исследователь американского фонда «Potomac Foundaition» А. Тунгиенко [9, с. 66]; сотрудник американского Института Международных отношений А. Олбион [9, с. 80]; сотрудник Института Европы, России и евроазиатских исследований Университета Дж. Вашингтона, профессор В. Звиглянич [9, с. 83]; аспирант факультета славянской лингвистики Вашингтонского университета М. Холл [3, с. 1]; исследователь, преподаватель Мичиганского университета Г. Улинг [3, с. 1]; исследователь Гарвардского университета О. Шевель [4, с. 1]; политолог Международного научного центра имени В. Вильсона У. Миллер, бывший посол США в Украине [9, с. 48]; политолог Университета Северного Лондона М. Бойцун [9, с. 48]; профессор политологии университета Ватерлоо И. Яворской [7, с. 2]; группа профессоров и студентов Берлинского и Потсдамского университетов [6, с. 1]; представитель Национального центра научных исследований Франции П. Вейль [5, с. 2] и др.

Анализ работ зарубежного научно-экспертного сообщества по крымско-татарскому вопросу, позволил выявить политические технологии, системно применяющиеся в иностранной научной литературе: негативная оценка исторического прошлого России и крымских татар; пропаганда «вытеснения», «ассимиляции», «русификации» и советизации крымских татар в царский и советский периоды; пропаганда «притеснения» Россией крымских татар; продвижение идеи об «умышленном уничтожении» крымских татар; навязывание идеи о преемственности Российской империи, СССР, Российской Федерации в «политике угнетения» крымских татар [2, с. 98–99].

Таким образом, изучение западной научной литературы, посвященной крымско-татарской проблематике, показывает технологическую преемственность в западном научно-экспертном сообществе, которая была направлена на формирование и пропаганду масштабной негативной интерпретации совместного исторического прошлого России и крымских татар, и тиражирование идей российской дискредитационной национальной политики на Крымском полуострове.

Литература

1. Адиаль – Оглу Э. Крымские встречи Эдварда Лазарини // Голос Крыма. 1993. 18 сентября.
2. Демешко Н.Э. Политические технологии в формировании негативного имиджа России с использованием крымско-татарского фактора: ретроспектива и современное состояние // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 94-105.
3. Новости Меджлиса // Голос Крыма. 1996. 16 августа.
4. Новости Меджлиса // Голос Крыма. 1999. 9 июля.
5. Новости Меджлиса // Голос Крыма. 2002. 28 июня.
6. Новости Меджлиса // Голос Крыма. 1999. 1 октября.
7. Усеинова Г. «Маарифчи» сообщает // Голос Крыма. 1997. 17 января.
8. Хроника деятельности Меджлиса крымскотатарского народа [Электронный ресурс] // Меджлис крымскотатарского народа. Официальный сайт. Режим доступа: <http://qtmn.org/хроника-деятельности-меджлиса>.
9. Чубаров Э. Краткая хроника деятельности Меджлиса крымскотатарского народа июль 1991-июнь 1996 г. Симферополь, 1996. 128 с.
10. Abdulganiyev K. Institutional Development of the Crimean Tatar National Movement [Электронный ресурс] // Сайт «International Committee for Crimea». Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/national-movement.html>.
11. Altan B. The Crimean Tatar National Movement and the American Diaspora [Электронный ресурс] // Сайт «International Committee for Crimea». Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/diaspora.html>.
12. Dufaud G. La déportation des Tatars de Crimée et leur vie en exil (1944–1956) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2007-4-page-151.htm>.
13. Hall M.J. Crimean Tatar-Russian as a Reflection of Crimean Tatar National Identity [Электронный ресурс] // Сайт «International Committee for Crimea». Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/mhall.html>.
14. Pohl J.O. The Deportation and Fate of the Crimean Tatars [Электронный ресурс] // Сайт «International Committee for Crimea». Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/jopohl.html>.
15. Shevel O. Crimean Tatars and the Ukrainian State: The Challenge of Politics, the Use of Law, and the Meaning of Rhetoric [Электронный ресурс] // Сайт «International Committee for Crimea». Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/oshevel.html>.
16. Uehling G.L. Beyond Memory: the Crimean Tatars' Deportation and Return [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/20319/file.pdf>.
17. Williams B.G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://books.google.com/books?id=S8YakB12QEUC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbgs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
18. Williams B.G. The Crimean Tatars: From Soviet Genocide to Putin's Conquest [Электронный ресурс] // Oxford University Press, 2016. 217 p. Режим доступа: <https://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/20315/file.pdf>.
19. Wilson A. Needs Assessment for the Crimean Tatars and Other Formerly Deported Peoples of Crimea [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2309854.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Шеньянский архитектурный университет, г. Шеньян, КНР

С созданием Шанхайской организации сотрудничества у России и Китая появилась возможность развивать образовательное сотрудничество в новом формате. Даже в уставном документе Организации – Хартии ШОС – зафиксировано такое положение, как «*расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма*» [6].

В августе 2007 года Секретариат ШОС закрепил в Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС гуманитарное направление сотрудничества между странами [2]. Так, Секретариат ШОС активно поддерживает и прилагает определенные усилия для укрепления гуманитарных связей в рамках ШОС, включая российско-китайское сотрудничество.

В рамках ШОС сотрудничество между Россией и Китаем в сфере образования получило активное развитие. Уже 26 октября 2005 года в ШОС было принято решение об активизации сотрудничества в сфере образования и утверждена постоянно действующая Экспертная рабочая группа в области образования. На следующий год, 15 июня 2006 года, странами участниками ШОС было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере образования. Согласно этому документу, страны члены ШОС намерены поддерживать развитие интеграционных процессов в образовательной сфере, содействовать взаимному обмену обучающимися и научно-педагогическими работниками, обмениваться информацией по вопросам образования, поощрять изучение языков, истории, культуры государств Организации [4].

Развитие межгосударственного сотрудничества в ШОС способствовало и активизации работы в сфере образования. Так, 18 октября 2006 года прошло первое заседание министров образования стран входящих в Организацию. На заседании министры договорились о создании общего механизма многостороннего взаимодействия в сфере образования, а также были определены основные направления и задачи в данной сфере в рамках ШОС.

В качестве основных направлений сотрудничества можно выделить:

1. Обмен опытом и информацией по вопросам реформ в области образования.
2. Поддержка развития интеграционных процессов в области образования и создание информационной и нормативно-правовой базы по вопросам политики в области образования.
3. Содействие взаимному обмену обучающимися и научно-педагогическими работниками образовательных учреждений/организаций.
4. Проводить обмен информацией о законодательстве и материалами по вопросам образования
5. Содействовать установлению прямых связей между образовательными учреждениями/организациями
6. Сотрудничество по повышению качества образования. Вплоть до 2007 года у ШОС не были развиты рабочие механизмы по экспорту или импорту образовательных услуг в организации. Однако в 2007 году началась более активная работа над этим вопросом и начат выпуск Информационного бюллетеня об образовательном сотрудничестве. С 2008 года в рамках Организации регулярно проводятся «Недели образования государств – членов ШОС», в ходе которых проходят форумы ректоров передовых университетов стран участниц.

Важным фактором образовательного сотрудничества в рамках ШОС стал проект Университета Шанхайской организации сотрудничества. Впервые идея о создании такого университета была озвучена Президентом РФ на саммите ШОС в

Бишкеке, проходящем в августе 2007 года. Инициатива была поддержана всеми странами ШОС, кроме Узбекистана [1].

Уже в октябре 2008 года в Астане был подписан ряд документов, таких как Концепция УШОС и план по реализации первоочередных мероприятий. Таким образом, можно судить о том, что развитие сотрудничества в сфере образования имеет положительный отклик в странах участницах Организации.

Основными направлениями подготовки в УШОС стали: регионоведение, энергетика, нанотехнологии, IT-технологии, экология. К 2012 году к существующим перечням подготовки были добавлены направление экономики и педагогики [1].

Исследователи, говоря об УШОС, проводят интересную аналогию проекта с системой Единого Европейского Образовательного Пространства, только в азиатском регионе по типу «Болонской трансформации системы образования» [5, с. 15–17].

Основной миссией Университета ШОС является совместная подготовка востребованных высококвалифицированных кадров для Организации, развитие интеграционных процессов в сфере образования, что приведет к эффективному сотрудничеству стран-участниц в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

Однако сам Университет на данный момент функционирует лишь как сеть уже существующих ведущих университетов в странах ШОС и официальных странах-наблюдателях. Университет при нынешних обстоятельствах не может существовать в полноформатном режиме по ряду причин.

1. Отсутствие нормативной базы для взаимного признания совместных дипломов всеми государствами-членами ШОС.

2. Частичное несовпадение образовательных стандартов государств-членов ШОС.

3. Отсутствие интернет-линий высокой пропускной способности, что затрудняет полноценное использование современных электронных сред обучения, мультимедийных и телекоммуникационных технологий.

4. Сложность согласования форм и механизмов совместного финансирования в соответствии с нормами принятия решений в ШОС. Таким образом, первоочередные мероприятия по созданию УШОС направлены на расширение академических обменов, научно-академическое сотрудничество и признание эквивалентности документов об образовании УШОС в мире [3].

По мнению исследователей данной темы, сетевой университет сможет стать полноформатным проектом только в случае расширения проектов по сотрудничеству, которые будут еще и подкрепляться компетентными кадрами, ориентированными на работу с АТР. Если будут решены проблемы по полноценному функционированию университета, то он может стать вполне действенной альтернативой обучению в западных ВУЗах.

Литература

1. Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС (Справочный материал) [Электронный ресурс] // Сайт «Министерство иностранных дел Российской Федерации». Режим доступа: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939176.

2. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств - членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902086025>

3. Официальный сайт Университета ШОС [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://unisco.ru/stat/2/stat_2.html.

4. Соглашение между правительствами государств-участниц ШОС о сотрудничестве в области образования, 15.06.2006 г. - [Электронный ресурс] // «Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества». Режим доступа: <http://rus.sectsco.org/documents/>.

5. Филиппов В.М., Сунь Ю. Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). С.15–17.

6. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. - [Электронный ресурс] // Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901858896>.

КРЫМ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1991–2014 гг.)

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва*

Присоединение Крыма к России рассматривается международным сообществом как акт нарушения суверенитета и территориальной целостности Украины, и украинское государство не готово принимать «аннексию» полуострова. Несогласие с выходом Крыма из состава Украины привело к серьезному ухудшению ее отношений с Россией, и укоренилось мнение о невозможности снижения напряженности в отношениях двух государств в настоящее время. Более того, «оккупация» Крыма рассматривается на Западе как вызов европейской безопасности, поскольку события «Крымской весны» изменили военно-политическую ситуацию в регионе.

Целью исследования является выявление роли Крыма в российско-украинских отношениях с 1991 по 2014 гг.

Проблема принадлежности Крыма возникла в международной повестке дня после распада СССР в 1991 г. Украина, проигнорировав законы СССР, в том числе закон о выходе из состава СССР, а также результаты референдума 1990 г. о государственном и правовом статусе Крыма, фактически аннексировала Крымский полуостров [13]. Президент Украины Л.Д. Кучма заявил о возвращении Крыма в правовое поле Украины, упразднив институт президента Республики Крым, ее конституцию в редакции от 6 мая 1992 г. и значительную часть принятых парламентом республики законов [9, с. 61]. Фактически статус автономии Крыма стал формальностью, и по своему правовому положению Автономная Республика теперь мало чем отличалась от других регионов Украины [4, с. 342].

Вопрос о разделе Черноморского флота СССР между Россией и Украиной стал одним из самых болезненных. В результате длительных переговоров было подписано соглашение, в соответствии с которым Российской Федерации передавалось 81,7% кораблей и судов флота, а Украине 18,3% [11]. Ей была также предоставлена скидка на оплату российского газа [6]. Кроме того, Россия арендовала базу Черноморского флота в Крыму сроком на 20 лет. В 2010 г. было принято решение о продлении его пребывания на территории Украины на 25 лет, что вызвало неприятие части украинской политической элиты [7, с. 734].

Однако подписанные в 1990-х гг. соглашения не смогли урегулировать всех противоречий, обусловленных вхождением Крыма в состав украинского государства, что привело к конфликту вокруг острова Тузла в 2003 г. России и Украине не удалось разрешить главную проблему – делимитации границ в Азовском море и Керченском проливе [14, с. 77].

Крым был уникальным для Украины регионом с точки зрения национального состава населения, поскольку русские составляли большинство на момент переписи 2001 г. Русский язык также был преобладающим родным языком среди жителей полуострова [2]. Представители русской диаспоры негативно относились к насильственной украинизации, проводившейся президентом Украины В.А. Ющенко (2005–2010) [1, с. 158–159].

Население Крыма поддерживало идеи сближения с Россией, свободное использование русского языка и сохранение собственной идентичности. Свою позицию крымчане выражали на общеукраинских выборах. Жители полуострова неизменно поддерживали тех политических лидеров и те политические партии, которые выступали за углубление интеграции с Россией [3]. Расширение связей с РФ стало возможным благодаря деятельности различных общественно-политических организаций и фондов при поддержке Москвы [8, с. 2–4].

Вопрос о русскоязычном населении имел значение для внешнеполитического курса, как Украины, так и России, поскольку в Крыму оно было наиболее восприимчиво к изменениям российско-украинских отношений [1, с. 162–163]. Так, «оранжевая революция» привела к возникновению радикальных организаций, наиболее активной среди которых стал народный фронт «Севастополь–Крым–Россия» [4, с. 339]. Более того, в Крыму было создано движение «Русское единство», оформившееся в политическую партию и стремившееся объединить русское политическое движение на полуострове [4, с. 341].

С приходом к власти В.А. Ющенко отношения между Киевом и Крымом стали ухудшаться, поскольку украинские власти поддерживали националистически настроенных украинцев. Однако их акции привели к росту пророссийских настроений среди крымчан и к срыву учений Украины и НАТО в Крыму в 2006 г. и 2008 г. [5, с. 729].

Государственный переворот в феврале 2014 г. и усиление деятельности украинских националистических сил создали необходимые условия для выхода Крыма из состава Украины. Крымчане на референдуме 16 марта 2014 г. высказались за присоединение к России в качестве двух новых субъектов – Республики Крым и г. Севастополя [12]. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации стало триггером для смены вектора внешнеполитического развития Украины, форматирования украинского политического поля и блокирования российско-украинских отношений. Изучение роли крымского фактора в трансформации внешней политики Украины имеет серьезный потенциал для дальнейшего исследования.

Таким образом, Крым был проблемным регионом в отношениях России и Украины с момента распада СССР и остается таковым по сей день. Проблемы правового статуса Крыма, базирование Черноморского флота России в Севастополе, значительная доля русского и русскоязычного населения в Крыму, его стремление к углублению сотрудничества с РФ, неприятие крымчанами присоединения Украины к ЕС и НАТО, недовольство насильственной украинизацией создавали предпосылки для формирования тесных связей России с Крымом и способствовали его выходу из состава украинского государства. В то же время возврат Крыма Украина декларирует как первостепенное условие для нормализации отношений с Россией.

Литература

1. Волкогонова О.Д., Полунов А.Ю. Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 144–163.
2. Всеукраїнський перепис населення 2001 [Электронный ресурс] // Сайт «Державна служба статистики України». Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/>.
3. Ерохина О.В. Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 2 (7) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/>.
4. Мальгин А.В. «Русский Крым» в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь: СОНАТ. 2012. С. 333–347.
5. Мальгин А.В. Крым после распада СССР: между Россией и Украиной. 1991–2004 гг. // История Крыма. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
6. Мальгин А.В. Крымский узел. Что привело к «Русской весне»-2014? // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/krymskij-uzel-chto-privelo-k-russkoj-vesne-2014/>.
7. Никифоров А.Р. Крым в дестабилизирующейся Украине: от «оранжевой революции» до Евромайдана. 2004–2014 // История Крыма. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
8. Островская И.В. Современное состояние общественных организаций русской диаспоры Автономной Республики Крым // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 2 (12). 6 с.
9. Регионы Украины. Хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 2009. Т. 3. Крым и Николаевская область. 256 с.
10. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины [Электронный ресурс] // Сайт «Кодекс». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901737969>.

11. Угода між Україною та Російською Федерацією щодо Чорноморського флоту [Електронний ресурс] // Сайт «Верховна Рада України». Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/643_082?lang=ru#Text.

12. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс] // Сайт «Администрация Президента России». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220/page/1>.

13. Хриенко П.А. Референдумы: в Крыму, на Украине и в СССР. Нужно ли выполнять их решения? // Народный фронт «Севастополь-Крым-Россия» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sevkrimrus.narod.ru/textes/hrienk.htm>.

14. Чуклина Э.Ю. Проблема делимитации Азовского моря: ретроспективный взгляд и варианты решения // Крымский научный вестник. 2019. №. 4. С. 77–84.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВБРОСОВ НА ПРИМЕРЕ I ЭТАПА «ДЕЛА СКРИПАЛЕЙ»

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Операция, получившая название «Дело об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей», стала одной из наиболее показательных операций информационной войны, на примере которой можно в достаточной мере охарактеризовать процесс легализации вбрасываемой информации, которому ранее должного внимания этой проблеме не уделялось. Цель доклада – рассмотреть понятие "легаллизации" и проанализировать информационные вбросы на одном из двух этапов проведенной информационной операции, выявив формы и механизмы воздействия легализации на каждом ее шаге. В основе исследования используется метод контент-анализа, метод сравнения и наблюдения.

Понятие "легаллизация" в науке носит относительно расплывчатый характер, а в контексте информационной войны термин является довольно новым. Следует различать "легаллизацию" и "легитимацию", последняя из которых также широко встречается в контексте изучения информационных войн [1]. Операции по легализации в современной литературе об информационных войнах, понимаются как *«операции прикрытия, придающие вбрасываемой информации вид достоверности, объясняющие ее происхождение и отвечающие на вопрос – из какого источника пришла информация – компетентного или сомнительного»* [4].

Под *механизмом воздействия* легализации понимается совокупность факторов, влияющих на человеческое сознание, а под *формой* легализации подразумевается совокупность приемов осуществления операции, посредством которых механизм приводится в действие. Природа таковых раскрывается в классической теории Карла Ховлэнда [9] о существовании двух основных механизмов психологического воздействия, основанных на логическом анализе содержания сообщения и несодержательном, преимущественно эмоциональном характере.

Детальный разбор технологической составляющей операции информационной войны заимствован из исследований проф. А.В. Манойло, где установлено, что информационная операция «Дело об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей» проводилось Великобританией в 2 этапа. Данная работа посвящена первому этапу "игра с пошаговым повышением ставок" [3], состоящему из 4 шагов операции.

Анализ информационной операции показал, что форма легализации в основном состоит из двух компонент: публичном заявлении высокостатусного лица и последующим распространением этого заявления через СМИ. Механизмы воздействия легализации информационных вбросов на всех уровнях операции "дела Скрипалей" имеют как смысловой, так и эмоциональный вид. Таким образом, легализация в "деле Скрипалей" содержит все признаки психологического воздействия на человека с формой и методами, отвечающими традиционной парадигме [9] исследования вопроса.

Литература

1. Гаврилюк С.И. Информационно-манипулятивные технологии как составляющая процесса легитимации политической власти в Украине: попытка анализа // STUDIA HUMANITATIS. М.: Автономная некоммерческая организация "Институт современных гуманитарных исследований", 2016. № 4.

¹ Научный руководитель – доцент кафедры «Политические науки и философия» Севастопольского государственного университета Мохов Андрей Владимирович.

2. Латынов В.В. Психологическое воздействие: принципы, механизмы, теории / Под редакцией А. А. Журавлева, Н. Д. Павловой // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия. - М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 11–52.
3. Манойло А.В. "Дело Скрипалей" как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета. М.: МГОУ, 2019. № 1. С. 72–97.
4. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 496 с.
5. Мошенская Э.А. "Дело Скрипалей" (на материалах "Независимой газеты" и "The Washington Post") / Сост.: Казаков А.А. // Российско-американские отношения в контексте медийной грамотности: сборник научных статей. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 94–99.
6. Совет Безопасности ООН обсудил инцидент с использованием химического вещества в Солсбери [Электронный ресурс] // Новости ООН. 2018, 3 марта. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2018/03/1325882>.
7. Эксперт заявил об отравлении шпиона Скрипаля тайным советским химоружием [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 2018, 11 марта. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/03/11/newbie/>.
8. Oral statement to Parliament PM Commons statement on Salisbury incident: 12 March 2018 [Электронный ресурс] // Government of the United Kingdom (GOV.UK). 2018, 12 March. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-12-march-2018>.
9. Hovland, C.I., Janis, I.L., Kelley, H.H. Communication and persuasion: Psychological studies of opinion change. New Haven, CT: Yale University Press. 1953.
10. Two in hospital after medical emergency at Maltings in Salisbury [Электронный ресурс] // SalisburyJournal. 2018, 4 March. Режим доступа: <https://www.salisburyjournal.co.uk/news/16064166.two-hospital-medical-emergency-maltings-salisbury/>.

**СПОСОБЫ И ПРЕДЕЛЫ АДАПТАЦИИ ЭКСКУРСИОННОГО БИЗНЕСА
ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИИ К ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва*

В 2020 году началась пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, чье влияние продолжает сказываться на экономических и социальных процессах в большинстве стран мира, включая Россию. В число самых пострадавших отраслей входит туризм [4], так как в последнее время на досуговые практики населения были наложены серьезные ограничения. Первая волна пандемии пришлось на весенне-летний сезон 2020 года, отложив начало его наиболее активной фазы в России на несколько недель. Это не могло не сказаться на туристическом бизнесе, включая организацию экскурсионных программ.

С одной стороны, практически полное отсутствие весеннего и поздний старт летнего сезона привели к радикальному сокращению выручки предпринимателей и компаний. На Черноморском побережье России туристическая сфера активизировалась только в июле, то есть один из трех лучших месяцев был, по сути, потерян для бизнеса. Кроме того, к приему и обслуживанию гостей теперь предъявляются повышенные требования, связанные с необходимостью соответствовать ужесточенным санитарно-эпидемиологическим нормативам. С другой стороны, летом 2020 года были закрыты государственные границы практически со всеми странами, что стимулировало развитие внутреннего туризма. На российских курортах ожидалось большое количество гостей, в том числе среди тех, кто ранее отдавал свое предпочтение отдыху за рубежом.

Таким образом, во время пандемии коронавируса туристический бизнес вынужден адаптироваться к изменившимся условиям. При этом новая ситуация не только накладывает на работу предпринимателей и компаний дополнительные ограничения, но и открывает для них не существовавшие ранее возможности.

Цель данного исследования заключается в выявлении способов и пределов адаптации экскурсионного бизнеса Крыма и Краснодарского края к пандемии коронавируса. Эмпирическую базу составляют 15 углубленных слабоструктурированных интервью, собранных в конце августа – начале сентября 2020 года в Анапе, Феодосии и Ялте. В числе информантов – директора экскурсионных компаний, индивидуальные предприниматели, самостоятельно организующие и проводящие экскурсии, продавцы-распространители экскурсионных программ, а также представители местных органов государственной власти, курирующих сферу туризма. Эмпирические данные собраны при финансовой поддержке Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ (проект экспедиций «Открываем Россию заново»).

Результаты экономико-социологического анализа показывают, что пандемия коронавируса еще более жестко закрепила дифференциацию черноморских курортов по аудитории отдыхающих. Анапа подтвердила свой статус здравницы и объекта размещения туристов с детьми [2, с. 20]. В свою очередь, Крым – это полуостров, богатый историко-культурными достопримечательностями [1, с. 29]. Социальная дифференциация рассматриваемых курортов пролегает и по экономическому критерию. Анапа и Феодосия привлекают относительно бюджетным отдыхом, и в 2020 году многие туристы приехали туда практически без денег. Весенние нерабочие месяцы исчерпали значительную часть сбережений населения России, поэтому представители низших средних слоев смогли позволить себе, прежде всего, саму поездку, максимально экономя на дополнительных досуговых практиках. Напротив, в Ялту, помимо обычной аудитории достаточно финансово обеспеченных отдыхающих, приехали туристы, предпочитавшие в предыдущие годы проводить лето на

зарубежных курортах. Иными словами, на Южном берегу Крыма проблем с платежеспособным спросом на разнообразные туристические услуги не возникало.

По мнению опрошенных предпринимателей, государственная поддержка в условиях пандемии коронавируса оказалась недостаточной, и им пришлось самостоятельно решать абсолютное большинство возникших проблем. Туристический бизнес столкнулся с необходимостью адаптации к новым условиям, в том числе к снижению платежеспособного спроса на бюджетных курортах и росту уровня требований, предъявляемых гостями в элитных местах отдыха.

Накопившиеся у населения за весну и начало лета стресс и усталость привели к увеличению популярности экскурсий развлекательного и экстремального характера. С этим вызовом относительно легко справился туристический бизнес в Анапе, традиционно специализирующийся именно на таких досуговых мероприятиях. Снижение платежеспособного спроса на свои услуги местные предприниматели и компании постарались компенсировать оптимизацией маршрутов и сокращением расходов.

С более серьезными трудностями столкнулся туристический бизнес в Крыму. Структурная инерция выступает сдерживающим фактором адаптивных способностей организаций [3, с. 44–45]. Ее внутренними факторами являются обладание специфическими активами (в рассматриваемом случае – давно налаженными экскурсионными маршрутами) и сложившееся равновесие в распределении ресурсов внутри компаний (между директорами, распространителями, водителями, гидами). Таким образом, эта структурная инерция не позволяет туристическому бизнесу в Феодосии и Ялте быстро переключиться с развития историко-культурного направления на развлекательный контент. Впрочем, местные предприниматели не уверены, что реформатирование работы является целесообразным, так как коронавирусные запросы могут не повториться в следующие сезоны. Отчасти это подтверждают те туристы, которые ждут полного открытия государственных границ для зарубежного отдыха.

Итак, пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 существенно изменила экономическую ситуацию, сложившуюся на Черноморском побережье России в последние годы. Серьезная трансформация структуры туристического потока и финансовой обеспеченности отдыхающих бросила вызов местному бизнесу. В 2020 году ему пришлось в экстренном порядке адаптироваться к уменьшению длительности курортного сезона, снижению платежеспособного спроса (в Анапе и Феодосии) и увеличению требовательности клиентов (в Ялте). Ответом на эти изменения стали оптимизация бизнес-процессов и сокращение расходов. Адаптацию на более фундаментальном уровне сдерживает сильная структурная инерция организаций и неопределенность в дальнейшем развитии ситуации, устойчивости новых запросов со стороны туристов во времени.

Литература

1. Беликов М.Ю., Волкова Т.А., Мищенко А.А., Сидорова Д.В. Проблемы и перспективы развития туризма на юге России: Республика Крым и Краснодарский край // Казачество. 2016. № 5. С. 28–35.
2. Важенина И.С. О сущности бренда территории // Экономика региона. 2011. № 3. С. 18–23.
3. Хэннан М., Фримен Дж. Популяционная экология организаций // Экономическая социология. 2013. № 2. С. 42–72.
4. Zenker S., Kock F. The Coronavirus Pandemic – A Critical Discussion of a Tourism Research Agenda // Tourism Management. 2020. No. 81. P. 104–164.

УДК 327

Миргород Д.А.

СТОЛКНОВЕНИЕ НАРРАТИВОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

Современный ближневосточный регион являет собой сосредоточение множественных межгосударственных противоречий, как на региональном, так и на глобальном уровнях. С учетом нынешнего этапа мирового политического процесса и всеобъемлющего кризиса в отношениях между ведущими глобальными акторами значительную актуальность приобретает то, как это состояние международной системы проецируется на различные регионы мира, включая Ближний Восток. При этом отмеченные противоречия зачастую связаны не с объективными национальными интересами государств, а с их собственным позиционированием на международной арене и видением проблем регионального и глобального политического развития, что можно определить как нарративы.

На Ближнем Востоке происходит столкновение множественных нарративов ведущих международных акторов, которые с одной стороны соперничают между собой и вовлекают в это соперничество региональные государства, с другой стороны исторически слабая способность ближневосточных государств наладить внутрирегиональные политические, социально-экономические и военные процессы периодически компенсируется внешними регуляторами, в качестве которых и выступают ключевые мировые державы [2].

Основными из таких государств можно считать Россию, США, Китай и ЕС. У каждой из указанных сторон есть собственные нарративы относительно ближневосточной региональной повестки. Нарративы России в большей степени сконцентрированы вокруг необходимости перехода мира к многополярному устройству, которое активно продвигается российским руководством с 2007 года [1]. Также можно выделить стремление Москвы обезопасить свои ближние рубежи от различных угрожающих факторов.

В отношении США следует отметить, что их базовая внешнеполитическая установка в отношении Ближнего Востока являет продолжением их генеральной стратегической линии, заключающейся в поддержании статуса единственной сверхдержавы, контролирующей военно-политические процессы во всех регионах мира [3]. Ближневосточный регион, в свою очередь, в силу его геополитического положения, определяет высокую степень активности Вашингтона в нем.

Нарративы Китая и стран ЕС главным образом сконцентрированы вокруг экономических интересов и определяются энергетическим потенциалом Ближнего Востока и его потребительской базой. Таким образом, современный Ближний Восток строится, в том числе, на столкновении нарративов ведущих мировых держав, ведущих борьбу за свои объективные и субъективные интересы.

Литература

1. Марков Е.А. Истоки конфронтации со странами Запада и мюнхенская речь Владимира Путина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №. 1. С. 104–113.
2. Миргород Д. А. Акторный анализ контуров региональной системы безопасности на Ближнем Востоке // Университетские чтения–2019. 2019. С. 48–51.
3. Свинобоева А. В., Калашников Э. В. Базовые идеологические принципы внешней политики США // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. №. 37. С. 16–18.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Ключевой задачей государственной политики Российской Федерации является обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания современной молодежи. От принятия личностью общенациональных и общечеловеческих ценностей зависят не только правопорядок, доверие, но и качество труда и общественных отношений, развитие экономики и социальной сферы [5].

Законом Российской Федерации «Об образовании» установлено, что основные образовательные программы включают в себя материалы, обеспечивающие духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся [5].

Высшему образованию отводится основная роль в духовно-нравственной консолидации нашего общества, укреплении социальной солидарности, повышении уровня доверия человека к настоящему и будущему своей страны.

Ценности личности формируются в различных коллективах, но наиболее системно и глубоко духовно-нравственное развитие и воспитание личности происходит в сфере образования. Но *«современный культурно-образовательный процесс в значительной мере лишен той нравственной основы, которая должна присутствовать в нем по определению»* [9, с. 169].

Проблемы формирования духовно-нравственных качеств личности рассматривали А.К. Бесова [1], А.С. Бурдянова [3], С.Д. Кесаева, И.А. Золотова, А.О. Кравцов [4], А.А. Логинова [7], К.В. Скворцов [9] и др. Краеведческое направление патриотического воспитания изучали В.А. Зверев, Е.А. Бородовская, О.М. Хлытина Е.Ф. Бехтенова, Ф.С. Кузнецова, Т.Г. Царева и др.

В целях консолидации усилий государственной власти Республики Крым и органов местного самоуправления ее муниципальных образований в реализации государственной политики по патриотическому воспитанию населения в республике была утверждена Концепция патриотического и духовно-нравственного воспитания населения [6].

Патриотическое воспитание осуществляется посредством реализации комплексных мероприятий по взаимодополняющим друг друга направлениям: духовно-нравственное историко-краеведческое, гражданско-правовое, социально-патриотическое, спортивно-патриотическое, культурно-патриотическое и военно-патриотическое.

Духовно-нравственное направление предполагает формирование осознания высших ценностей и ориентиров, социально значимых процессов реальной жизни, в рамках которого мероприятия ориентированы на формирование:

- патриотического сознания и самосознания;
- духовно-нравственную и культурно-историческую преемственность поколений;
- потребности в гражданском и духовном служении Отечеству;
- принятие базовых национальных ценностей, национальных духовных традиций [6].

Историко-краеведческое направление представляет собой систему мероприятий, направленных на формирование:

- исторической ответственности за происходящее в обществе;
- познание историко-культурных корней;
- формирование гордости за сопричастность к деяниям предков и современников [10].

Мероприятия данного направления ориентированы на:

- осознание важности изучения истории;
- воспитание гордости за сопричастность к подвигам предков;

- осознание героического прошлого;
- воспитание бережного отношения к историческому и духовно-культурному наследию.

В целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина 2020 год объявлен Годом памяти и славы [11].

Социально-патриотическое направление ориентировано на формирование высоко нравственного, духовно богатого и социально активного гражданина и представляет собой воспитание личности в процессе создания условий для формирования духовно-ценностной ориентации. Мероприятия в рамках социально-патриотического воспитания направлены на активизацию общественной активности личности [6].

Развить ценностные ориентиры и личностные качества современной молодежи позволит реализация интегративного подхода, что способствует повышению уровня духовности и нравственности. Сущность интегративного подхода заключается во взаимодействии субъектов образовательного процесса, который направлен на решение следующих задач:

- создание условий для самораскрытия и самореализации внутренних потенциальных возможностей обучающихся;
- максимальное раскрытие интеллектуального потенциала личности;
- развитие способностей к общению, сотрудничеству, эффективному построению межличностных отношений.

Построение образовательного процесса на основе интегративного подхода содержит значительно больше технологических возможностей в рамках усиления эффективности работы духовно-нравственного воспитания.

Среди существующих технологий целесообразно применять следующие:

1. Электронные конференции (видеоконференции).
2. Видеопроекты.

3. Видео презентации (видеопроекты на русском или иностранном языках), цель которых заключается в воспитании нравственно-патриотического чувства и гордости за подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне и в формировании твердой гражданской позиции по отношению к памяти предков [8].

Основной целью использования технологий является развитие творческих и духовно-нравственных качеств личности на основе выполнения совместных проектов, посвященных героическому подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне [2]. Так, студенты кафедры «История» Севастопольского государственного университета приняли участие в видеопроекте на английском языке «Нам 41-й – не забыть, нам 45-й – славить!», который был посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Данное мероприятие организовало отделение иностранных языков Томского политехнического университета по следующим направлениям:

- «Мой прадед – мой герой», «Рядовой войны» – о родственниках, земляках, одноклассниках, их подвиге и наградах;
- «Оружие победы», «Вклад ученых/инженеров в Победу»;
- «Город-герой» – о городах героев.

В заключение отмечу, что главной задачей патриотического воспитания в современном нестабильном обществе является формирование осознания важности изучения истории, воспитание гордости за сопричастность к подвигам предков, развитие духовно-нравственной и культурно-исторической преемственности поколений. *«Важность и актуальность проблемы продиктована современными противоречиями, поиском путей и средств возрождения гражданственности и патриотизма в современных исторических условиях»* [11, с. 146]. Ведь человек утверждается в мире *«как одно из звеньев в крепкой вечной цепи, соединяющей прошлое и будущее. Чем больше дорожит человек памятью своих отцов, дедов, прадедов, тем лучше осознает он свое место в этом мире, тем глубже чувствует свою ответственность за будущее»* [11, с. 149].

О важности и необходимости патриотического воспитания в условиях образовательного процесса свидетельствуют такие кризисные явления современной жизни,

как криминализация молодежной среды, кризис традиционных семейных ценностей, низкий уровень общественной морали. Система высшего образования должна уделять больше внимания формированию исторической ответственности, гордости за сопричастность к деяниям предков и современников, т.к. от этого зависит как нравственное здоровье всего государства, так и будущее нашей страны.

Литература

1. Бесова А.К. Духовно-нравственное воспитание личности в процессе литературного образования учащихся старших классов: монография. Псков: Псковское возрождение, 2012. 215 с.
2. Белоусова А.И., Михайлова А.Г. Нравственное воспитание на уроках истории // Потемкинский форум: сборник материалов IV международного научного форума (Севастополь, 25–26 апреля 2019 г.) / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский государственный университет; отв. ред. А.П. Кабаченко. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 234–236.
3. Бурдянова Л.С. Духовно-нравственное воспитание молодежи как педагогическое явление // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 1. С. 13–22.
4. Духовно-нравственное воспитание в современной школе: концептуальные и методические аспекты: сборник статей по итогам Международной конференции «Проблемы духовно-нравственного воспитания в современной школе», 06 ноября 2014 года / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Ин-т экономики и упр., Каф. упр. образованием и кадрового менеджмента; [редкол.: Кесаева С.Д., Золотова И.А., Кравцова А.О.]. Санкт-Петербург: Экспресс, 2015. 143 с.
5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://na-pushkinskoj.vrn.ru/?page_id=6716.
6. Концепция патриотического и духовно-нравственного воспитания населения в Республике Крым. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://krbm.ru/wp-content/uploads/2016/02/Ukaz_ob_utverzhdenii_kontseptsii_patrioticheskogo_i_dukhovno-nravstvennogo_vospitania_v_Respublike_Krym.pdf.
7. Логинова, А.А., Данилюк А.Я. Духовно-нравственное развитие и воспитание учащихся. Мониторинг результатов. 4 класс: книга моих размышлений: учебное пособие для общеобразовательных организаций: [0+]. 5-е изд. М.: Просвещение, 2017. 48 с.
8. Михайлова А.Г. Духовно-нравственный компонент модели личности инженера в рамках компетентностного подхода личности. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Педагогика 2016. № 1. С. 127–134 DOI: 10.18384/2310-7219-2016-1-127-134.
9. Скворцов К.В. Воспитание нравственных основ самореализации молодежи в условиях современного культурно-образовательного процесса. // Мир науки. 2016. № 1 (56). С. 167–169.
10. Стеба В.Ю., Михайлова А.Г. Судьба человека // Потемкинский форум: сборник материалов IV международного научного форума (Севастополь, 25–26 апреля 2019 г.) / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский государственный университет; отв. ред. А.П. Кабаченко. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 335–337.
11. Стеба В.Ю., Михайлова А.Г. Формирование духовно-нравственного качества школьника в период перехода на дистанционное обучение // Современная наука: исследования и разработки: сборник материалов Международного конкурса курсовых, научно-исследовательских и выпускных квалификационных работ (24 апреля 2020 г.) Кемерово: ЗапСибНЦ, 2020. С. 145–149.

ЛЕТО 2020 НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ОТДЫХАЮЩИХ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва*

Одним из последствий пандемии коронавируса Covid-19 в 2020 году стал экономический спад, приведший к снижению доходов населения России. Одной из наиболее пострадавших стала туристическая отрасль. С одной стороны, европейские страны, первыми принявшие на себя эпидемический удар, принимали меры по ограничению туристических потоков. С другой, сократилось авиасообщение между Россией и традиционными местами отдыха в зарубежной Европе и Азии. Третий фактор – фактическая остановка выезда за пределы ряда российских регионов (Урал, Восточная Сибирь, некоторые другие). В этой ситуации, казалось, черноморские здравницы России потенциально могли оказаться в выигрыше. Однако распространение эпидемии по территории нашей страны поставило сезон 2020 под угрозу: курорты Крыма и Ставропольского края были закрыты для приезжающих вплоть до первого июля. Но как только было объявлено об отмене ограничительных мер, российские граждане устремились к Черному морю: по данным РБК, к концу мая в Крыму было забронировано 70% мест размещения [1] вплоть до середины сентября.

«Разворот» российского туриста в сторону отдыха на черноморском побережье Крыма и Краснодарского края произошел под влиянием нескольких факторов. Во-первых, выезд к традиционным средиземноморским курортам был невозможен для массового туриста в силу ограничений транспортного характера. Средиземноморские курорты были закрыты для иностранцев. И те, кто привык летний отпуск проводить в Греции, Испании или Турции, были вынуждены искать место отдыха в России. С другой стороны, снижение уровня доходов делало более востребованными отечественные курорты для тех групп населения, которые и прежде не могли по финансовым причинам позволить себе Анталию или побережье Каталонии.

Некоторые из ограничительных мер, направленных на сдерживание темпов распространения эпидемии, противоречили самой сущности туризма, описанной в классическом исследовании С. Лэша и Дж. Урри [2]. Туризм, прежде всего, направлен на созерцание, поиск впечатлений и зрительных образов. Все это невозможно без социальных контактов и переездов, которые оказались под угрозой, а, следовательно, практики туристического досуга вынужденно изменились.

Не претендуя на полноту охвата, авторы настоящего исследования предприняли попытку составить социальный портрет отдыхающих на черноморских курортах Крыма и Краснодарского края летом 2020 г. Предметом нашего анализа стали мотивы посещения и практики организации отдыха туристов, выбравших местом летнего отдыха черноморское побережье России.

Эмпирической базой исследования стали 27 глубоких слабоструктурированных интервью, собранных в г. Анапа (Краснодарский край) в период с 21 по 28 августа и в поселке Семидворье (г.о. Алушта, Республика Крым) с 5 по 20 августа 2020 г., а также материалы полевых дневников.

Сбор эмпирических данных в г. Анапе проведен при финансовой поддержке программы «Фонд образовательных инноваций» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (проект студенческих экспедиций «Открываем Россию заново»).

Прогнозируя летний сезон 2020 г., зарубежные исследователи предполагали, что туристический поток уменьшится, а отдыхающие будут склонны избегать мест массового скопления людей, снизят плотность социальных контактов. Они будут с

настороженностью относиться к досуговым практикам, не проверенным на личном опыте [3].

Особенность российского туристического сезона прошедшего года заключается в том, что с одной стороны, традиционные курорты испытывали повышенную нагрузку, а с другой – в одной локации оказались представители различных социальных групп, что еще отчетливее продемонстрировало стратификацию рекреационных зон. В Анапе, которая традиционно считалась бюджетным курортом, появились гостиницы класса «люкс» (4–5 «звезд»), Ялта подтвердила статус «элитного» места отдыха, а западное побережье Крыма (г.о. Феодосия) привлекло «бюджетных» отдыхающих.

Некоторые из наших информантов говорили о том, что даже если бы границы России были открыты, они предпочли бы отечественные курорты. И причина такого выбора вовсе не патриотизм, а целесообразность: получить медицинскую помощь на родине, в случае заражения коронавирусом, будет явно дешевле и проще, чем за рубежом. Для части отдыхающих мотивом для выбора Крыма стали патриотические соображения.

Стремясь оптимизировать свои денежные средства, порядком истощившиеся в период локдауна, отдыхающие среднего достатка старались тратить только на самое необходимое. Нам доводилось слышать от представителей малого бизнеса в Анапе горькую констатацию того, что люди есть, а денег нет. Под секвестр со стороны туристов попали, прежде всего, экскурсионные и развлекательные программы.

А более состоятельная публика ожидаемо предъявляет более высокий спрос на качество досуговых практик, не ограничивая себя в выборе. Но отечественные курорты не могут предложить их в достаточном количестве. Отсутствуют потенциальные инвесторы, которые могли бы предложить рекреационные услуги высокого качества, которые потенциально могли бы способствовать закреплению наиболее требовательных отдыхающих, которые, вероятнее всего, после окончания пандемии вернутся к привычным летним поездкам за границу.

Как показало наше исследование, противозидемиологические меры на курортах фактически были сведены к нулю, в местах проживания, кафе, на пляжах социальная дистанция не соблюдалась. Массовые мероприятия посещались меньше по причинам финансового характера. А вот индивидуальные туристические практики, которые вытесняют массовый туризм в постиндустриальной экономике, представлены слабо. Важный вопрос, стоящий перед черноморскими курортами России сегодня, заключается в том, изменится ли облик массового туриста после окончания пандемии, и будет ли он по-прежнему массовым.

Литература

1. Лисицына М. Туристы забронировали около 70% мини-отелей и пансионатов Крыма на лето [Электронный ресурс] // РБК. 31 мая 2020 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/31/05/2020/5ed346779a79472b7c2ab999> (дата обращения: 17.11.2020 г.).
2. Lash S., Urry J. *Economies of Sign and Space*. L., Sage, 1987. P. 253–278.
3. Zenker S., Kock F. *The Coronavirus Pandemic – A Critical Discussion of a Tourism Research Agenda* // *Tourism Management*. 2020. No. 81. P. 104–164.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РАБОТЫ СО СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЕВ)

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В современном мире информационные технологии проникли во все сферы жизни человека. Особое место они занимают в жизни студенческой молодежи. Ориентируясь на студенчество как на особую и значимую аудиторию, современные музеи предлагают различные формы общения, которые будут способствовать привлечению этой категории посетителей. Одной из таких является проектная деятельность. Первыми внедрили эту практику зарубежные музеи.

Целью нашего исследования является анализ зарубежных музейных проектов. В соответствии с целью поставлены и выполнены следующие задачи: рассмотрены несколько зарубежных музейных проектов (A Piece of Work, MoMA; # AskACurator, Художественный музей Филадельфии; Magic STEAM Train, Национальный Дворцовый музей Китая, Voyager, Смитсоновский институт и др.), выявлены критерии удачных проектов.

«Проект» происходит от латинского «projectus», что значит «брошенный вперед». То есть проектирование подразумевает под собой реализацию чего-либо в будущем. По своим функциям и содержанию проекты бывают разными. Например, открытие нового музея, отдельные акции и выставки, реклама фотографий экспонатов на улицах города [2]. Они могут быть как традиционными (выставочная деятельность), так и инновационными (использование современных технологий). Главная задача проекта – привлечение внимания.

Разберем примеры зарубежных музеев. Художественный музей Филадельфии представил проект #AskACurator, в рамках которого он ведет активную деятельность в социальных сетях. Сотрудники музея используют платформу Twitter в качестве не только онлайн-галереи, но и как место для обсуждений и дебатов. [7]. Кроме того, кураторы ответили на вопросы посетителей музея в серии видеороликов. Данный проект считается очень удачным. На Twitter музея подписано 273,4 тыс. человек. Мы полагаем, что подобные проекты можно применить на базе отечественных музеев. Особенно актуальны они будут в сложившейся эпидемиологической обстановке. Возможность задать интересующий вопрос напрямую куратору выставки тоже может повлиять на привлечение интереса со стороны студентов.

Нью-Йоркский музей современного искусства в партнерстве с центром подкастов WNYC Studios создал подкаст A Piece of Work. Данный подкаст делает доступным современное искусство благодаря беседам с художниками и историками искусства. В последнее время формат подкастов стал особенно популярным не только в музейной сфере. Подкаст позволяет в доступной форме изучить новую информацию. Это – один из самых удобных и доступных форматов для студентов.

#GUGGENHEIMBILBAOLIVE – проект музея Гуггенхайма, реализованный во время пандемии. Его суть заключается в том, что сотрудники музея и приглашенные лекторы создают небольшие видеоролики, в которых затрагивают темы, сопряженные с экспозициями музея. Зрители могут просмотреть лекцию о каком-либо экспонате музея или известном деятеле. Частью проекта также является виртуальный тур в сопровождении экскурсовода и мастер-классы для детей. Данный проект не является уникальным, подобные ему были представлены не только в зарубежных музеях, но и в отечественных и пользуются популярностью по сегодняшний день.

Национальный дворцовый музей в Китае представил проект Magic STEAM Train. STEAM расшифровывается как Science, Technology, Engineering, Art,

¹ Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент базовой кафедры «Музейное дело и охрана памятников историко-культурного наследия» Сердалиева Диана Александровна.

Mathematic (Наука, Технология, Инженерия, Искусство, Математика). Проект интересен проведением практических экспериментов с помощью 3D принтеров и ЧПУ выжигателей. С помощью таких технологий музей дает возможность посетителям воссоздать образцы древних артефактов. Главный куратор проекта Сяо Шу отмечает, что это новаторский подход к изучению истории искусств. Учащиеся могут не только создать копию объекта, но и сделать из него сувенир на свой вкус. Мы полагаем, что такой проект будет интересен всем группам посетителей, не только студентам, поэтому считаем полезным создание подобных проектов на базе отечественных музеев. Это позволит привлечь внимание студентов не только гуманитарных ВУЗов, но и технических.

Государственная библиотека «Виктория» в Австралии разработала систему «Map-o-matic». Она представляет собой интерактивный киоск, дающий возможность посетителю самому составить маршрут по выставке. Фактор самостоятельного выбора привлекает студентов, так как не все любят следовать установленным маршрутам. Кроме того, такой прием создает атмосферу вовлеченности. Посетитель становится частью выставки. Подобная тактика может разгрузить выставочное пространство и поможет избежать столпотворения возле экспонатов выставки – еще одной причины нежелания посещать музей.

При анализе различных музейных планов, программ, сценариев, мы выделили для себя несколько критериев удачных проектов:

1. Креативность.
2. Интерактивность.
3. Возможность участия.
4. Переход в цифровую сферу.

В заключение отмечу, что обмен опытом является важным двигателем прогресса, поэтому принимать чужой опыт, преобразовывать его и создавать что-то новое необходимо. Мы считаем, что отечественные музеи могут пользоваться примером зарубежных проектов, но с обязательным условием – адаптацией под собственные экспозиции и культуру. В ходе исследования мы рассмотрели проекты, сценарии которых могут быть адаптированы под отечественные музеи. Они, несомненно, будут пользоваться успехом. В современном мире, в эпоху интернета легко можно проследить тенденции и моду в любой сфере жизни, их же можно проследить и в музейной сфере, что и делают современные студенты.

Литература

1. Авраимова Е.М. Здравствуй, племя младое, знакомое: идеи и ценности молодых интеллектуалов // Общественные науки и современность. 1993. N 4. С. 34–42.
2. Быстрова Т.Ю., Сусарова К.С. Опыт создания музейного проекта: уход от плоскостных материалов в музей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43813/1/iurp-2016-156-19.pdf>.
3. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская., М. 2012. 176 с.
4. Мишина И.В. Музей в системе ценностных ориентаций российского студенчества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/muzei-v-sisteme-tsennostnykh-orientatsii-rossiiskogo-studenchestva>.
5. Gustavo Cunha de Araújo. Art, school and museum: the analysis of an experience in art education at the university Museum of Art – MunA [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.scielo.br/pdf/ep/v44/en_1517-9702-ep-44-e174612.pdf.
6. Learning in Museums and Young People a NEMO - LEM Working Group study [Электронный ресурс] // Режим доступа: – https://www.ne-mo.org/fileadmin/Dateien/public/topics/Audience_Development/Museums_and_Young_People_NEMO_LEMWG_study_2015.pdf.
7. 7 Things That Museum Can Do To Attract Younger Audiences. Codex Team [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://customcodex.com/blog/codex/museums-attract-younger-audiences>.

СОТРУДНИКИ НКО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ¹

*Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
Автономная некоммерческая организация социального обслуживания населения
«СОЦИУМ», г. Волгоград*

Процессы глобализации в современном мире, все чаще и настойчивее «заявляющие» о себе, формируют социальную реальность, которая становится типичной в определенных отношениях практически для всех стран мира. В полной мере это относится к ситуации, сложившейся под влиянием текущей пандемии коронавирусной инфекции – COVID-19. Даже несмотря на различия в реакции руководителей разных стран (характер и длительность карантинных мер, отношения к вакцинации и т.д.) суть от этого не меняется: все оказались «лицом к лицу» с эпидемией, повлекшей изменение численности населения (и это самое главное), а также стиля и качества жизни. Все это не могло не найти своего отражения в исследованиях, авторы которых направили усилия не только на изучение «поведения» вируса и борьбу с ним, но и на изучение целого ряда социальных проблем, сопутствующим образом возникших в обществе: обострение чувства одиночества и видоизменение форм общения [6], изменение характера труда в условиях онлайн режима и цифровизации общества [3], формирование компетенций у граждан предпенсионного возраста, необходимых для успешного включения в пространство digital-реальности [4], отсутствие ресурсных возможностей у населения преодолеть возникшие трудности и поэтому нуждающегося в социальной защите и поддержке со стороны государства и общественных организаций (в том числе НКО): медицинской, материальной, психологической и т.д. [2], [1].

Разумеется, это не полный список рассматриваемых тем. Остановимся на анализе результатов двух социологических исследований, проведенных авторами данной статьи: «Экономическая активность предпенсионеров и перспективы повышения их конкурентоспособности на рынке труда в условиях цифровой экономики», март 2020 г. (метод: фокус-группа, 9 чел, сотрудники СО НКО предпенсионного возраста, прошедшие повышение квалификации) и «Практики поддержки СО НКО Волгоградской области: социологический анализ», декабрь 2020 (метод: глубинное интервью, 33 чел. – руководители СО НКО и их заместители). Целью исследований было: а) изучение поведения сотрудников – предпенсионеров СО НКО, работающих на рынке социального обслуживания населения Волгоградской области (мотиваций к труду и повышению профессиональной квалификации), б) выявление практик поддержки сотрудников СО НКО Волгоградской области в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, их анализ и предложение «новых» форм.

По результатам полученных данных было выявлено, что сотрудники предпенсионного возраста воспользовались предоставленной государством возможностью повысить свою квалификацию в рамках «Программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста» [5]. Участницы фокус-группы из разных НКО отметили, что причинами, побудившими пройти обучение, явились потребности профессионального и материального характера (надеялись, что полученная квалификация позволит им больше зарабатывать); что они узнали много нового в плане законодательства, психологии и технологий по обслуживанию населения. Полученные после завершения обучения документы с юридической точки зрения закрепили за ними право работать в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на региональном рынке труда в условиях цифровой экономики».

качестве социальных работников, а знания придали им уверенности в себе как специалистам. В качестве проблем, отметили сложности в освоении информационных технологий и необходимость адаптации программ обучения с учетом возрастных особенностей обучающихся. Проводимые занятия в онлайн режиме не повлияли на их качество, более того подобная форма обучения позволила принять участие в обучении тем, кто проживает и работает не в Волгограде, а в области [6].

По результатам второго исследования, по мнению руководителей СО НКО, востребованными формами государственной поддержки сотрудников предпенсионного возраста в условиях пандемии являются:

а) предоставление адресных субсидий всем СО НКО (а не только реализуемых в рамках грантовой поддержки, которую получают не все организации), направленных на страхование жизни и здоровья сотрудников данной возрастной категории, которые работали с гражданами во время пандемии (в том числе организация приемов и консультаций у наиболее востребованных врачей; заключение коллективных договоров социального страхования);

б) предоставление «социальных ваучеров» на переобучение сотрудников предпенсионного возраста (повышение компьютерной грамотности, умение работать с умными «интернет-вещами» и передавать свои знания гражданам, получающим социальные услуги).

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что сотрудники предпенсионеры СО НКО, работающие на рынке социального обслуживания населения, используют возможности для усиления ресурсного потенциала своих организаций, повышая свой профессиональный уровень, получая востребованные в цифровом обществе знания. В то же время, в условиях, осложненных пандемией, необходимо внедрение в практику новых форм поддержки сотрудников, в том числе и предпенсионного возраста, которые в силу специфики своей деятельности, также, как и медицинские работники, ежедневно рискуют своим здоровьем.

Литература

1. Корнеева И., Скокова Ю., Подобедова М. Вклад НКО в борьбе против пандемии [Электронный ресурс] // Режим доступа: file:///C:/Users/klel1/Downloads/%D0%9D%D0%9A%D0%9E%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81%2013-05%2002%20(1).pdf
2. Мамедова А. О., Быкова П.В. Сысоев А.А., Гергокова Д.В. Волонтерская деятельность в период пандемии COVID-19 // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet»-2020. № 7. с. 216–220.
3. Николенко Н.А., Байша Н.С. Цифровизация труда и повседневности в условиях пандемии коронавируса // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 2111–2121.
4. Николенко Н.А., Ситникова Я.И. Развитие информационных компетенций у граждан предпенсионного и пенсионного возраста: анализ российских и зарубежных практик в условиях цифровой реальности // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 2100–2111.
5. Николенко Н.А., Ситникова Я.И. Предпенсионеры на региональном рынке труда: социальные зарисовки о влиянии национальных проектов // XXII уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.) / [под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, М.В. Певной]; Мин-во науки и высш. образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 327–332.
6. Сидячева Н.В., Зотова Л.Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 218–225.

ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Теория социальных (общественных) движений – это коммуникативная теория, изучающая причины возникновения общественных движений и вклад общества и индивида в события социальной жизни. Ключевым объектом теории являются общественные отношения. В рамках данной теории политическая мобилизация рассматривается как процесс, связанный с приобретением коллективного контроля над ресурсами (сила, оружие), необходимыми для действия. В отечественной научной литературе теория политической мобилизации до сих пор широко не изучена.

В западной литературе первым к термину «мобилизация» обратился Э. Юнгер в 1930 году в эссе «Тотальная мобилизация», посвященном диагностике «эпохи людских масс и машин» [2, с. 9]. В дальнейшем в западной социологии этот термин используется в рамках исследования социальных движений в 1960 годах. Понятие мобилизации ассоциировалось с процессами национального сплочения, усилением роли институциональных механизмов управления активностью населения (Г. Тард, Г. Лебон, Т. Адорно, Х. Арендт) [2, с. 9].

Первым исследователем, заявившим о необходимости концептуализации понятия «мобилизация» был А. Этциони. Им также были введены в оборот такие понятия, как «мобилизационный потенциал», «мобилизационные барьеры», «респонсивность», «контрмобилизация». Именно при А. Этциони концепция мобилизации была соотнесена с процессами модернизации, интеграции и социальных изменений [2, с. 10, 11].

Процессы мобилизации в контексте идеи групповой идентичности и создания новых кодов и моделей описания мира рассматривались А. Туренном и А. Мелуччи [2, с. 11].

В отечественной науке отдельные вопросы теории мобилизации находят отражение, в первую очередь, в области изучения общественных движений с позиций социологии. Так, впервые проблематика мобилизации была систематически изложена в работе Е.А. Здравомысловой [1]. Несмотря на то, что рассмотрение этой темы ограничивалось рамками социологии общественных движений, была продемонстрирована концептуальная значимость термина для изучения процессов социальной организации. Однако, как отмечает И.А. Климов, понятие мобилизации в отечественной литературе используется мало, что, с одной стороны, объясняется спецификой восприятия данного термина в нашем обществе – со времен Октябрьской революции и Гражданской войны это понятие употребляется в контексте проблем воинской мобилизации, трудовой повинности и «милитаризации хозяйства» [2, с. 11, 12], ассоциируется с трудовым энтузиазмом «великих строек социализма», протестно-мобилизационной риторикой митингов, шахтерскими акциями протеста 1990-х годов и «рельсовой войной» 1998 года [2, с. 6]. С другой стороны, И.А. Климов указывает на «концептуальную нищету» темы мобилизации, которая обусловлена следующей особенностью классических теорий и доктрин: *«мобилизация всегда оказывается соотнесенной с бесструктурностью, неконсолидированной и хаотичной изменчивостью низовых слоев социальной иерархии»* [2, с. 17]. Автор констатирует, что, с учетом острой потребности российского общества в социальной интеграции, мобилизационная проблематика растворена в политических дискуссиях, за которыми не просматривается теоретической систематизации, что вполне может привести к превращению этого понятия в идеологическое клише [2, с. 6].

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки и философия» Севастопольского государственного университета Нелина Лариса Павловна.

Анализируя разработки западных авторов, отечественные ученые сделали и собственный вклад в изучение данной проблемы. Так, О.Н. Яницкий обращает внимание, что ключевым отличием классической западной теории мобилизации от современной является смещение фокуса на ее операциональную функцию: ранее *«фокус был направлен на мобилизацию ресурсов движения, в то время как сейчас мобилизация – средство политики, политики модернизации»* [6, с. 3]. Мобилизация рассматривается им как *«стержневая категория социальных движений, суть которой заключается в «концентрация сил и ресурсов, возможно, с потерями и даже риском жизни»* [6, с. 3–4]. О.Н. Яницкий выделил четыре типа мобилизационных состояний человека и общества: 1) мобилизационное состояние человека как социальная норма, 2) мобилизующее знание, 3) готовность к мобилизации, 4) мобилизационное действие [6]. Социальный протест рассматривается им как одна из форм мобилизации [6, с. 4], а мобилизационный потенциал гражданского общества – как *«способность собрать силы и средства для реализации своих социально-политических требований или помощи пострадавшим от экокатастрофы в максимально короткие сроки»* [6, с. 10].

Анализируя возможность применения положений классической теории ресурсной мобилизации в современном обществе, Э.Э. Шульц рассматривает протестные движения в ходе «Арабской весны». Он указывает, что наличие специальных организаций (союзов, революционных партий и низовых ячеек) сегодня не является обязательным условием мобилизации. Кроме того, *«даже неформальные организации могут объединять людей в движения против государственной власти»* [5, с. 27].

С методологической точки зрения следует отметить работу А. Семенова, который в качестве основного инструмента изучения мобилизации предлагает событийный анализ. Он определяет мобилизацию как *«эпизодичное явление, где границами (подъем, кульминация, упадок) является цепочка связанных событий»* [4, с. 318].

Отдельного внимания заслуживает подход Н.И. Лапина, который одним из первых отечественных ученых применил понятие «мобилизация» по отношению к социальным процессам и движениям. По мнению автора, мобилизация – массовые действия, которые как волны следуют одна за другой, достигая конечной цели и одновременно поражая врага [3]. В идеале – *«непрерывный поток мобилизаций, мифологизируемый как процесс реализации интересов народа»* [3, с. 20].

В отечественной историографии основополагающими и опорными являются западные теории политической мобилизации. Термин мобилизация используется в теории мобилизации ресурсов, соотносится с понятиями «общественное движение» и «социальное движение». Но не разрабатывается отдельно в рамках самостоятельной теории мобилизации.

При этом стоит отметить, что в современном информационном пространстве социальная мобилизация давно обрела новые формы и содержание, кардинально отличающиеся от свойственных этому процессу в XX веке характеристик. В условиях гибридизации конфликтов их изучение становится актуальной и перспективной проблемой научного исследования.

Литература

1. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб: Наука, 1993. 172 с.
2. Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Южнороссийский журнал социальных наук. 2004. № 1. С. 6–21.
3. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 3. С. 3–47.
4. Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. № 2. С. 317–341.
5. Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. С. 23–27.
6. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. – 2012. №6(338). С. 3–12.

**ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ПРЕЕМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В УСЛОВИЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Государственное учреждение «Администрация Парка высоких технологий», г. Минск

Проект Концепции преемственного развития Республики Беларусь разработан в 2020 году в рамках научно-исследовательской работы на тему «Парадигма нового мирового порядка и евразийская интеграция: проблемы и перспективы» (№ государственной регистрации: 20191631). Проект предоставляет возможность концептуальной перезагрузки белорусской политической системы и объединения общества на основе фундаментальной идеи единого Отечества, концепций суверенитета и независимости. Проект является первым практико-ориентированным научным исследованием, обосновывающим необходимость преемственного развития Беларуси.

Сверхцель проекта – способствовать объединению всех русских людей нашей планеты на основе традиционных ценностей.

Сверхзадача проекта – способствовать реализации проекта «Большая Евразия», предложенного Президентом России В.В. Путиным в 2016 году, и принципа «интеграции интеграций», заявленного Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко в 2011 году.

Актуальность проекта обусловлена общей угрозой для единого народа белорусской, русской, украинской и других национальностей со стороны проекта нового мирового порядка. После распада СССР более 25 млн. человек русской национальности оказались за пределами исторической родины. К 2019 году население Беларуси, России и Украины сократилось на 12 млн. 161 тыс. человек по сравнению с 1991 годом. Совокупные демографические потери населения, проживающего на территории Беларуси, России и Украины, сопоставимы с военными потерями в Великой Отечественной войне.

Будущее человеческой цивилизации принадлежит большим федеративным и конфедеративным объединениям с численностью населения не менее 250–350 млн. человек. В этой связи единственной возможностью для выживания нашего народа в современном мире является объединение в новом геополитическом формате посредством реализации широкомасштабного цивилизационного проекта «Большая Евразия».

В целях создания такого объединения необходимо определить новую цивилизационную идентичность нашего народа, которая может быть сопоставима с идентичностью советского народа и сравнима с опытом формирования идентичности американского народа.

Разрушение цивилизационной идентичности советского народа стало одной из причин распада СССР, нашего единого Отечества от Бреста до Владивостока. Принципу «дружбы народов», который способствовал формированию гражданской идентичности советского народа, противостоит принцип «разделяй и властвуй», этнический национализм, концепции «суверенитета», «независимости», «многовекторности», активно финансируемые западными фондами по сей день.

В результате отрыва единого народа белорусской, русской, украинской и других национальностей от общего цивилизационного истока Восточнославянской христианской цивилизации возникла опасность окончательного угасания его самосознания, то есть способности удерживать мир от роковой черты взаимного уничтожения, согласно концепции «Катехон».

Процесс изменения сознания становится фактически необратимым. Данный факт подтверждает книга Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия», опубликованная еще в 2003 году и ставшая отражением измененного сознания – предтечей гражданской войны на Украине.

Отсутствие новой цивилизационной идентичности нашего народа в современных условиях является одной из главных причин роста этнического национализма в Белару-

си, на Украине, неонацизма в Прибалтике, дерусификации Казахстана, кровопролития в Нагорном Карабахе, эскалации напряженности в других «горячих точках».

Дальнейшая хаотизация внутривластной ситуации в Беларуси по «украинскому сценарию» после президентских выборов 2020 года, попытка Запада перехватить рычаги государственного управления руками этнических националистов, координация массовых протестов и другие факторы свидетельствуют о том, что вирус национализма вызывает неуправляемый хаос с далеко идущими последствиями.

Сегодня возникают предпосылки для дальнейшей дестабилизации ситуации не только в Беларуси, но и в России. Санкции Запада в отношении России и Беларуси нацелены на разделение нашего народа на «своих и чужих», манипуляцию общественным сознанием и гражданское противостояние. Сценарии «цветной революции» с использованием фактора этнического национализма и массовых протестов проецируются уже внутрь самой России.

Необходимость реализации проекта Концепции преемственного развития Республики Беларусь вызвана «общей угрозой» и основной опасностью для мирного развития, которую представляет собой процесс установления нового мирового порядка. Историческое стремление отдельных сил к мировой гегемонии, глобальной власти в мире, происходит в рамках реализации проекта «новый мировой порядок».

Новый мировой порядок – это сценарий будущего для всего человечества, антихристианское общество в мировом масштабе, которое возникает вследствие «расчеловечивания человека» и реализации внешнеполитической стратегии США.

Реализация проекта «новый мировой порядок» требует, в первую очередь, подчинения русского народа для достижения контроля над территорией России, которая является единственным центром силы, способным «удерживать» мир от гибели, согласно концепции «Катехон». Россия с ее богатейшими ресурсами, духовным и человеческим потенциалом «удерживающего», уже неоднократно срывала планы мирового господства.

Процесс установления нового мирового порядка прошел три этапа: Первую мировую войну, Вторую мировую войну и холодную войну. Третий этап предполагает мировую войну, или новое глобальное потрясение, которое выведет на авансцену истории наднациональный институт глобальной власти.

Война является инструментом установления нового мирового порядка, средством для достижения глобальной власти в мире.

На современном этапе попытка глобалистов осуществить «революцию в умах» (термин Г. Уэллса), изменить сознание людей, переформатировать институт семьи, государства, и мировые религии продолжается в рамках «гибридной войны», или войны за сознание людей, ведение которой осуществляется в ментальном и информационном пространствах.

В современных условиях действия США направлены на расширение «горячих точек» по периметру границ Евразийского союза (ЕАЭС) и осуществляются в рамках долгосрочной преемственной стратегии по установлению нового мирового порядка. Понимание сущности этой стратегии необходимо не только для сохранения единого народа, но и для выживания всей Восточнославянской (христианской) цивилизации, а, значит, и мира в целом.

В качестве ответных действий необходимо воссоздать единое Отечество в составе союза Беларуси, России, в перспективе, Украины и других государств бывшего СССР. Геополитическим форматом такого союза представляется евразийская конфедерация. Воссоздание единого Отечества предполагает учреждение наднационального государственного совета – наднационального органа управления в составе лидеров названных государств.

Только осознание «общей угрозы» для государств бывшего СССР, в первую очередь, Беларуси, России и Украины и, как результат, создание обновленной конфедеративной сверхдержавы в Евразии, сформированной вокруг российского центра силы, сможет предотвратить очередную мировую войну и сбалансировать мир.

**МЕСТО И РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КФУ ИМ.
В. И. ВЕРНАДСКОГО)**

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь*

Накопление рукописей, постепенное аккумулирование знаний об окружающем мире повлекли за собой необходимость организации первых библиотек для хранения, упорядочивания, и использования информации [3]. В ходе развития культуры, каждая историческая эпоха формировала роль библиотек [1]. Библиотека, наряду со школой, институтом и музеем выступает учреждением, выполняющим образовательную и воспитательную функцию. С развитием современных технологий появились новые способы распространения информации и культура пользования информацией. Внедрение цифровых технологий открыло доступ к любому источнику практически в любом месте, из-за чего библиотека как учреждение рискует потерять спрос среди граждан. Таким образом, появляется необходимость в определении новой роли и нового формата работы библиотеки в цифровую эпоху [4].

Актуальность исследования обусловлена важностью роли библиотеки в образовании граждан [2], поскольку от качества работы библиотек зависит качество образования.

Наше исследование было направлено на изучение места и роли научной библиотеки в системе современного высшего образования. Проводилось онлайн анкетирование преподавателей и студентов авторским опросником через Google-форму (<https://forms.gle/shHLfm587gwPDH537>) в университетских группах КФУ имени В.И. Вернадского в социальной сети «ВКонтакте». Ответы анкетированных анализировались для выявления изменений в представлениях о библиотеке, связанных с внедрением новых информационно-коммуникационных технологий. Полученные данные, на наш взгляд, помогут представить современный образ университетской библиотеки, оценить ее значимость для студентов/преподавателей и возможные пути повышения эффективности функционирования университетской библиотеки.

В исследовании приняло участие 63 респондента, из них: 90,5% студенты; 9,5% преподаватели. Полученные данные свидетельствуют, что треть респондентов посещает библиотеку один раз в год (31,7%), менее раза в год 27% респондентов. Только 20,6% посещают один раз в полгода; 14,3% – один раз в месяц; 6,3% – несколько раз в месяц. На наш взгляд, эти результаты свидетельствуют о снижении роли библиотеки в образовательном процессе.

При оценке качества библиотечных услуг из всех респондентов книжный фонд оценили по пятибалльной шкале: 19% – на 5 баллов, 54% – на четыре балла, 17,5% – на 3 балла; 6,3% – на два балла; 3,2% – на 1 балл. Таким образом, качество библиотечных услуг оценивается на достаточно высоком уровне. Большинство участников опроса (58,7%) высоко оценили компетентность сотрудников, также высоко оценили библиотечную среду (комфортность) (60,3%), и режим работы 41,3% – 4 балла, 41,3% – 5 баллов.

Относительно библиотечного фонда были получены следующие оценки: фонд периодических изданий оценили: на 4 балла (46%); 25,4% на 3 балла; 17,5 % на 5 баллов; 7,9% – на 2 балла; 3,2% – 1 балл. Web-сайт библиотеки оценили: 36,5% – 3 балла; 28,6% – 4 балла; 27% – 5 баллов; 6,3% – 1 балл; 1,6% – 2 балла.

Большинство анкетированных использует в своей работе электронные источники. На вопрос, «какие источники вы чаще всего используете?», ответило: 61,9% – электронные; 38,1% – печатные. Из результатов стало известно, что 88,9% предпочитают искать необходимый источник в интернете, а 11,1% – в библиотеке. Большинство

респондентов (74,6 %) считают, что интернет ресурсы условно заменят традиционную библиотеку. Меньшинство респондентов (6,3%) считают, что интернет ресурсы полностью заменят традиционную библиотеку, а остальные (19%) предполагают условную замену традиционной библиотеки.

Анализ анкет показал, что респонденты больше всего довольны атмосферой в библиотеке. Однако опрашиваемые в большинстве были не довольны скудностью и устарелостью фонда литературы. Из пожеланий большинство опрашиваемых указало на необходимость обновить фонд, увеличить объем электронной библиотеки, оптимизировать работу библиотеки с факультетами/кафедрами.

В настоящий момент исследования продолжаются. Все вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы:

1. Интернет-ресурсы постепенно вытесняют традиционную библиотеку.
2. На сегодня традиционная библиотека имеет положительные отзывы, но есть замечания о серьезных недостатках, ухудшающих позиции библиотеки в конкуренции с интернет-ресурсами.
3. Традиционная библиотека может сохранить ведущую роль в образовательном процессе и раскрыть свой новый потенциал в цифровую эпоху если:
 - усовершенствует подход к обновлению литературного фонда;
 - обеспечит максимальный доступ к иностранному периодическому изданию;
 - ускорит тенденцию развития в онлайн-среде (усовершенствование электронного каталога; создание собственной электронно-библиотечной системы, которая будет иметь неограниченный доступ);
 - создаст структуру взаимодействия факультетов с библиотекой.

Литература

1. Арасланова Светлана Салаватовна Homo legens в историко-философском дискурсе [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-legens-v-istoriko-filosofskom-diskurse>.
2. Арасланова Светлана Салаватовна Феномен библиотеки в пространстве элитарной и массовой культуры [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-biblioteki-v-prostranstve-elitarnoy-i-massovoy-kultury>.
3. Маркова Татьяна Борисовна Методологические проблемы развития библиотеки как центра книгохранения [Электронный ресурс] // Библиосфера. 2008. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-razvitiya-biblioteki-kak-tsentra-knigohraneniya>.
4. Сокольская Лэся Васильевна, Руссак Зоя Витальевна Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов? [Электронный ресурс] // Вестник ЧГАКИ. 2015. №1 (41). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-biblioteka-utrata-identichnosti-ili-priobretenie-novyh-sotsialnyh-smyslov>.

***Материалы докладов студентов
бакалавриата и специалитета***

СЕКЦИЯ «Цивилизации Средиземноморья и Причерноморья в древности и Средневековье: история и археология»

УДК 94(32).04

Аганин А.Р.¹

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВООРУЖЕНИЯ И АМУНИЦИИ ЕГИПЕТСКОЙ АРМИИ НА ВОЕННУЮ ТАКТИКУ ЕГИПТЯН В ЭПОХУ XVIII ДИНАСТИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Вооружение армии Египта постоянно видоизменялось со времен Древнего царства. В эпоху Нового царства, с приходом XVIII династии, вооружение вновь претерпело значительные изменения, с учетом того, что Египет вел захватническую политику, вторгаясь в Нубию, а также Сирию, Финикию и другие страны Восточного Средиземноморья.

Для ведения быстрой маневренной войны требовалось новое вооружение. Поэтому, уже в конце XV в. до н.э., на вооружении египтян появились колесницы. Во взаимодействии с пехотой, они обеспечивали стремительность наступления [1, с. 143].

Египетской армии приходилось сражаться с противником, который частично был облачен в доспехи, а на вооружении имел большие щиты и длинные копья. Такой строй было невозможно прорвать обычной атакой. Поэтому египтяне стали атаковать врага стремительно, отказавшись от длинных копий и больших щитов, стоявших на вооружении в период Среднего царства. Стандартный щит эпохи Нового царства имел 50 см ширины и 70 см высоты [3, с. 83]. Его форма заметно изменилась: верх имел округлую форму и был равен кромке щита.

Щиты также стали усиливаться круглым умбоном, металлическим или деревянным, в верхней его части. Рукоять щита также изменилась: вместо одной поперечной рукояти в верхней части щита с тыльной стороны – две кожаных, соединенных между собой петли. Такое устройство позволяло выдвигать щит в направлении атаки врага. К щиту также крепился ремень, и его можно было носить за спиной во время похода или при штурме крепости, сражаясь при этом двуручным топором, обхватив его обеими руками.

Египетские воины эпохи Нового царства носили панцири белого цвета, сшитые из льна или войлока. Сначала панцирь имел только один, правый рукав – у щитоносцев. Позднее появился левый рукав – на панцирях лучников. Кроме панцирей с нашитыми на них бронзовыми пластинами, египетский воин мог носить бронзовый шлем, защищавший его от стрел, дротиков и скользящих ударов меча. Но чаще это была обмотанная вокруг головы плотная ткань [2, с. 148].

Главным нововведением была боевая колесница, которая появилась в Египте после вторжения гиксосов. Она была деревянной, двухколесной, ее размер не превышал одного метра в длину и полутора метров в ширину. Снаружи колесница обшивалась кожей, что защищало экипаж (возницу и лучника) от вражеских стрел. Запрягали колесницу двумя лошадьми.

Благодаря широкому распространению бронзы, оружие стало более прочным и смертоносным. Лучники, помимо обычных деревянных луков, использовали также усиленный пластинами из кости или рога лук, обладавший большей дальностью полета стрелы, повышенной точностью и убойной силой. Цель из такого лука поражалась со

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Хапаев Вадим Вадимович.

100 м, наконечники были бронзовыми, заостренной формы. Известно, что фараон Тутмос III (1504–1452¹) из такого лука насквозь пробивал бронзовую мишень [2].

Появилось у египтян и новое холодное оружие. Были изобретены мечи серповидной формы с заостренным концом и удобной рукоятью. Помимо мечей, использовались также булавы, топоры с узким лезвием и секиры с лезвием в форме полумесяца.

Копья были как колющими, так и метательными. Колющие копья среднего размера использовались для ближнего боя. Для метания применялись короткие копья и дротики. Все они имели бронзовые наконечники.

На основании вышеизложенного, сделаны следующие выводы.

1. Египетская армия в эпоху XVIII династии превратилась в сильную, хорошо вооруженную и организованную структуру.

2. Армия делилась на несколько родов войск, натренированных на качественное взаимодействие в бою.

3. В армии поддерживался порядок и строгая дисциплина, в управлении соблюдалась жесткая иерархия и единоначалие. Во главе войска, как правило, стоял фараон.

4. Благодаря появлению нового вооружения, изменилась и тактика: египетские войска старались обойти врага с флангов и открыть перекрестный огонь из луков. Изменился и характер боя: большую роль стала играть внезапность нападения.

5. Благодаря новым способам обработки металла, появилось усовершенствованное и более прочное оружие: на смену тяжелому вооружению пришло более удобное и компактное. Именно новое вооружение, в частности, колесницы, позаимствованные у гиксосов, помогли египтянам в борьбе с ними, а затем и на завоеваниях Египта в эпоху XVIII династии.

Литература

1. Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта Том I. М.: Советская наука, 1948 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://annales.info/egipet/avdiev/avdiev.htm> (проверено 06.06.2020).
2. Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта Том II. М.: Советская наука, 1959. 274 с.
3. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока – М.: Наука, Восточная литература, 1993. 352 с.

¹ Датировка – по Д. Редфорду.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СЕНАТЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ДОМИНАТА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Античный мир, в частности, Римская Империя всегда был предметом особого интереса историков-исследователей. Несмотря на это, многие вопросы истории Рима не полностью исследованы до сих пор. К числу таковых относится вопрос о состоянии сената Римской империи эпохи домината и его роли в истории позднего Рима.

В отечественной историографии [4] приводятся скудные сведения о полномочиях и роли сената в эпоху домината. На данный момент этот вопрос остается вне поля зрения исследователей, следовательно, нуждается в дальнейшем изучении.

Целью проводимого исследования является выявление и характеристика сведений о сенате Римской империи, имеющих в письменных источниках, относящихся к периоду домината. В качестве таковых главное место занимают произведения следующих историков: Аммиан Марцеллин (IV в.), Зосима (нач. V в.) и Прокопий Кесарийский (VI в.), а также законодательный свод, созданный во время правления Юстиниана I (527–565) по его инициативе. У каждого из этих историков имеется свой взгляд на государственное устройство и, в частности, на роль сената.

Аммиан Марцеллин. Для Аммиана характерно его негативное отношение к сенату. Историк отчетливо видит, что этот орган потерял былое могущество и влияние на государственные дела, хотя *«авторитетная седина сената и имя римского народа»*, по его мнению, еще *«везде были в чести»* [Цит. по: 4, с. 54].

Сенаторы, по его мнению, ведут бездуховную жизнь, в то время как по закону им полагается быть нравственными и *«даже запрещается целовать жену в присутствии дочери»* [1, с. 459], что совсем не соответствует их реальному поведению.

Историк пишет, что *«они пренебрегают наукой и бегут от нее как от яда»* [1, с. 460]. Они не читают книг. Знать чуждается людей с возвышенным образом мыслей, преданных науке, их привлекает обыденность, бездуховность.

Однако он не просто критикует всю знать без разбора. Он порицает не всю патрицианскую знать, а определенные семьи, которые своим презрением оскорбили писателя.

У него был дифференцированный подход к различным слоям римской знати. Небольшая группа сенаторов, принадлежащих к кружку Симмахов, были образованы и вызывали уважение автора.

Зосим восхваляет сенат за верность языческой религии [2, с. 202]. Он симпатизирует сенату и прославляет времена, когда тот пользовался большой властью. Для Зосима сенат – не реальный претендент на власть императора, а скорее символ великого прошлого Рима, носитель его культурных традиций [4, с. 96].

Прокопий Кесарийский ставит сенаторов выше любых влиятельных граждан, не относящихся к этому сословию. Он негодует на Юстиниана и Феодору за унижение сенаторов, за их ограбление и ограничения сенаторского землевладения. Он сообщает об ограблении Юстинианом сенатора Зинона, об ограблении при помощи подложных завещаний сенаторов Татиана, Демосфена и Гилары, Дионисия из Либана, Ионанна из Эдессы и др.; пишет о конфискации имущества сенаторской знати [3].

В Дигестах Юстиниана отражен ряд вопросов, посвященных статусу и возможностям сенаторов. Вот – некоторые из таких сюжетов.

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Хапаев Вадим Вадимович.

3 книга «Дигест». Кассий Лонгин не считает, что дозволено тому, кто за безнравственный поступок был изгнан из сената и не был восстановлен, судить и выступать в качестве свидетеля, так как закон Юлия о взятках запрещает и это [5].

3. Модестин в 6 книге «Правил»: божественный Север и Антонин позволили, чтобы сенатор, изгнанный из сената, не умалялся в гражданской правоспособности, но оставался в Риме.

5. Ульпиан в 1-й книге «Комментариев к закону Юлия и Папия»: мы должны считать сыном сенатора не только того, кто по природе является таковым, но также и приемного сына [5].

6. Павел во 2-й книге «Комментарии к закону Юлия и Папия». Сыном сенатора является и тот, кто усыновлен им, однако, лишь до тех пор, пока остается в его семье. Если сенатор отдает своего сына на усыновление в семью более низкого звания, то он все равно считается сыном сенатора, т.к. сенаторское звание не отнимается при усыновлении лицом более низкого происхождения [5].

Как видим, сообщения письменных источников IV–VI вв., в целом указывают на постепенное падение влияния сената в эту эпоху, что явилось следствием разращения нравов и упадка бывшего величия. В эпоху домината сенат все более отходит на второй план, а впоследствии и вовсе становится лишь декорацией при дворе императора в Новом Риме или органом муниципального уровня и Риме старом. Можно отметить, что чем более усиливалась императорская власть, тем больше сенат терял свои позиции.

Литература

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А.Кулаковского и А.И.Сонни. М.: Научно-издательский центр «Ладо-мир», 2005. 631 с.
2. Зосим. Новая история / Пер. Н.Н. Болгова. Белгород: Издательство Белгородского университета, 2010. 344 с.
3. Прокопий Кесарийский. Тайная история [Электронный ресурс] // Восточная литература. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop_2/text2.phtml.
4. Удадьцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М.: Наука, 1974. 351 с.
5. Памятники римского права: Законы 12таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

**ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ
ИНКУЛЬТУРАЦИЯ***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Значительное культурное влияние древних цивилизаций испытали на себе все мировые религии, в том числе христианство. Изначально возникшее на Востоке, оно смогло быстро адаптироваться под иудейскую, эллинистическую и египетскую религиозные традиции, которые имели богатый опыт сакральных образов, а также большой пласт культового и богослужебного нарратива. В свете современных исследований процессов инкультурации, необходимо рассмотреть влияние древнеегипетского сакрального наследия на формирование и дальнейшее развитие христианства в Египте как пример преемственности данной религиозной культуры. Изучение упомянутого процесса инкультурации христианства на примере египетской традиции является актуальным в контексте рассмотрения в религиоведческой и исторической науках способности мировых религий к принятию культурного разнообразия в регионах их распространения.

На сегодняшний день в истории, религиоведении и египтологии среди ярких российских и советских исследователей культурной связи древнеегипетской религии и христианства выделяются А.Б. и О.В. Зубовы [3], М.А. Коростовцев [4]. Среди зарубежных ученых особого внимания заслуживают труды Я. Ассмана [1]. Труды и работы всех перечисленных ученых акцентировались на изучении древнеегипетской религии и мифологии, но также рассматривали их в связке с возникшим вскоре христианством. Ценными являются и работы немецкого и британского филолога и религиоведа Ф.М. Мюллера [5] о религиозном сознании, в том числе древних египтян.

В рамках настоящего исследования необходимо выявить инкультурационные явления и процессы в Египте на примерах древнеегипетской религии и христианства, определить влияние древнеегипетской сакральной культуры и традиции на формирование египетского христианства. Для этого следует углубленно рассмотреть следующие вопросы: упадок древнеегипетского язычества на фоне возникновения и развития христианства, параллели в изобразительных и письменных источниках, коптскую христианскую традицию и ее преемство по отношению к древнеегипетской сакральной культуре.

Одной из причин, по которым египтяне сравнительно легко принимали христианство, является наличие в их традиционных верованиях подробной и доступной доктрины о загробной жизни [2]. В Египте вера в загробную жизнь была одной из ключевых доктрин. Из-за ее, в частности, игнорирования, обернулась неудачей религиозная реформа Эхнатона – первая попытка ввести монотеистическую концепцию в древнеегипетское религиозное сознание. Христианство разрушало монополию богатых на рай после смерти, и посмертная участь больше не зависела от погребальной церемонии, размера и убранства усыпальницы и прочих материальных элементов культа.

На более высоком уровне можно рассмотреть вероятное влияние египетской религиозной философии посредством Александрийского богословия на формирование и утверждение догмата о Святой Троице [3, с. 347–397]. В древнеегипетской религии Осирис, Исида и Гор представлялись как равные, но отдельные части единого сверхъестественного целого: три в одном, одно в трех. Такая мысль была специфически присуща именно египетской религиозной мысли, что нашло отражение в представлениях египтян о Троице, наложившихся на эллинистическое понимание этого догмата. Например, на коптских иконах Троица как и на русских, и на греческих

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

иконах представлена в виде трех одинаково выглядящих мужей. В свою очередь, на Западе Бог-Отец изображался в виде седовласого мужа наравне с Богом-Сыном Иисусом Христом, а Бог-Святой Дух всегда в виде голубя. На Востоке, в частности, в греческих и египетских церквях, подобные образы долгое время не принимались. Можно проследить явные различия в визуальном понимании и осмыслении Троицы.

В религиозном искусстве Египта древности и христианской эпохи, в особенности изобразительном, существуют очевидные параллели и примеры адаптации уже имеющегося культурного опыта в рамках новой религиозной системы. За основу ранних коптских и гностических крестов был взят древнеегипетский символ в форме креста «анх», который символизировал жизнь [2]. Позднее он был назван «коптским крестом». Уже упомянутая выше троица Осириса, Исида и Гора также изображалась как семья, поскольку в древнеегипетской мифологии Гор был сыном Осириса и Исиды, что позволяет проводить аналогии с коптской христианской иконографией Святого Семейства – Иисуса Христа, Девы Марии и Иосифа Обручника.

Древний Египет оставил богатую религиозную традицию, которая проходит от древних верований и политеизма до монотеистического христианства. Последнее, в силу своей универсальности и отсутствия привязанности к конкретному этносу, смогло синтезировать и адаптировать различные элементы египетского сакрального мышления, изобразительного искусства, гимнографического стиля и другие части религиозной культуры [4, с. 218–249]. Копты, как последние представители коренного народа Египта, на разных этапах своей истории пронесли и сохранили христианство с «египетской спецификой». Греки, населявшие в свое время Александрию, несомненно, оказывали богословское и иное влияние на коптскую (египетскую) христианскую традицию, но и обратное влияние в свою очередь имело место быть. В результате можно наблюдать различные формы и явления христианской инкультурации и адаптации в отношении древнеегипетского культурного, религиозного и философского наследия.

Литература

1. Ассман Я. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации М., 1999. 368 с.
2. Адес Г. Египет. История страны. М.: Эксмо, 2008. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/239364>.
3. Зубов А.Б., Зубова О.В. Религия Древнего Египта. Часть I. Земля и боги. М.: РИПОЛклассик, 2017. 418 с.
4. Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2000. 464 с.
5. Мюллер Ф.М. Введение в науку о религии: Четыре лекции, прочитанные в Лондонском Королевском институте в феврале – марте 1870 года. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 264 с.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ НЕУДАЧ ЕГИПТА В ПРАВЛЕНИЕ ЭХНАТОНА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

При упоминании имени Эхнатон мы сразу вспоминаем то, как при нём была проведена религиозная реформа. Фактически, имя этого фараона стало тождественным сочетанию «Солнцопоклоннический переворот». Изменения, происходившие внутри государства в период правления Аменхотепа IV, были поистине масштабными, новаторскими и в какой-то мере революционными. Вся эта грандиозность внутренних изменений зачастую уводит внимание исследователей от внешней политики Египта. В это время во внешнеполитическом театре Египет «играет» словно плохой актёр: отношения со многими партнёрами ухудшаются. По сравнению с Египтом вековой давности дела обстоят совсем печально. Неужели такая увлечённость фараона внутренней политикой столь сильно сказалась на внешней, или наоборот, неудачи на внешнем фронте вынудили фараона проводить столь радикальные преобразования? А возможно, эти явления и вовсе не взаимосвязаны.

Изучая внешнюю политику Египта этого периода, Б.А. Тураев пришел к выводу, что дела обстояли худо: Аменхотеп IV был плохим дипломатом, и его отношения с правителями азиатских стран стали более напряжёнными и ухудшились по сравнению со временами правления его отца – Аменхотепа III. До нас дошло пять писем вавилонского царя Буррабуриаша, в которых тот жалуется на фараона, на то, что он не поинтересовался состоянием его здоровья (в тот момент вавилонский царь болел). В других письмах он сетует, что египетские послы побывали у него уже трижды, но ни разу не преподнесли никаких подарков. В ответ на это письмо фараон отправил ему 20 мин золота. Когда же вавилонский царь положил это золото в печь, выяснилось, что там нет и 5 мин. Это его разгневало, и он отправил новое письмо фараону: «... если ты не можешь быть столь же щедрым, как твой отец, то пришли хоть половину...» [7, с. 264, 265].

Такие действия фараона можно объяснить нехваткой денежных средств, вызванных грандиозными строительными проектами в Ахетатоне, которые реализовывались в то время. Это заставляло уменьшать расходы не только на дипломатию, но и на содержание армии и аппарата чиновников [2, с. 192]. Если ранее, при первых фараонах XVIII династии, Египет обогащался за счет захвата добычи в войнах, а военных походов и кампаний было немало, то уже при Тутмосе IV и Аменхотепе III военная активность практически сошла на нет [2, с. 171]. Империя увеличилась, как и её расходы, а поступление в казну средств от завоеванных земель происходило лишь в виде дани. Этого, видимо, не хватало и на текущие расходы, и на проведение религиозной реформы и крупных строительных работ. Все это усиливало дефицит государственного бюджета.

Резко ухудшились отношения и с царем Митанни Тушраттой. Из его писем следует, что Эхнатон не сдерживал обещания, которые давал его отец Аменхотеп III. Отношения накалялись, но царь Митанни продолжал терпеть, и долгое время был уступчив. Такое поведение было вызвано тем, что его страна находилась в плачевном состоянии. Правда, ни к чему хорошему такая политика не привела. Ряд источников сообщает, что царь Митанни помогал бунтовщикам, действовавшим против фараона. Из них же мы узнаем, что хеттский царь покорял митаннийские земли [7, с. 266].

Но не на всех направлениях внешней политики проблемы были одинаково острыми. Дружеские отношения сохранялись у Египта с Кипром. Обе страны активно сотрудничали, но еще более активно они торговали между собой. Египет экспортировал

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

в царство Алаши ценные металлы: золото и медь, а также различные благовония и другие товары. В Египет импортировались серебро, древесина и слоновая кость. Конечно, были и конфликты. Цари иногда задерживали послов друг друга, арестовывали подданных, но в целом отношения сохранялись союзническими [7, с. 266].

Закономерен вопрос: именно при Эхнатоне начались проблемы во внешней политике, или при нем они только усугубились? На заре XVIII династии Египет вел активную завоевательную политику. Так, Тутмосом I была завоевана Нубия до 3-го нильского порога, присоединена к Египту богатая и плодородная область Донгола. Совершались походы на Сирию, поскольку захват этой страны позволил контролировать важные торговые пути и богатые города. Завоевание Сирии дало возможность Египту стать сильнейшей державой региона [1, с. 175, 176]. Египет при Тутмосе I за восемь лет расширился до невиданных ранее размеров, и другим странам пришлось с ним считаться [6, с. 32].

При царице Хатшепсут влияние Египта ослабело, покоренные страны выходили из-под контроля. Но когда власть оказалась в руках Тутмоса III, положение стало улучшаться. Он совершил 18 военных кампаний, что привело к возвращению сюзеренитета Египта над Сирией и Палестиной. Из-за внешнеполитической пассивности Хатшепсут царь Митани расширил сферу своего влияния, что могло стать угрозой Египту. Тутмос III решил исправить и эту ситуацию, и успешно сделал это. В первой битве при Мегиддо фараон разгромил войска митанийцев, после чего продолжил продвигаться вглубь территории противника [6, с. 38].

При Аменхотепе II успешные военные кампании продолжились. В Египет и с юга, и с севера продолжали поступать сокровища и рабы. Египет по-прежнему уверенно контролировал покоренные народы. Именно поэтому Аменхотеп II на девятом году правления завершил последнюю военную кампанию и перенес фокус своего внимания на внутренние проблемы: решил пресечь попытки жрецов Амона навязать лидирующее место этого божества в общеегипетском пантеоне, а также ограничить богатство Карнакского храма [6, с. 40, 41].

В последние годы правления Аменхотепа II Египет полностью прекратил агрессивную захватническую политику. Египтяне устали от войн, им достаточно стало удерживать то, что у них есть. Постепенно исчезают надписи воинственного характера, увеличивается число административных органов – происходит явный перекося в сторону внутренней политики. При Тутмосе IV основной задачей внешней политики было сохранение контроля над подчиненными территориями, но для этого использовались лишь рычаги пропаганды. Такая практика берет начало еще со времен Аменхотепа II [6, с. 43, 44]. Уже при предшественниках Тутмоса IV на защиту северных территорий выделялись минимальные суммы, а правителями в Сирии и Палестине фараоны назначали своих людей, для защиты которых там помещались гарнизоны, состоящие из египетских воинов [6, с. 40].

Активные действия захватнического характера не проводились и при последующих фараонах – Аменхотепе III и Эхнатоне. Вероятно, это произошло из-за народных протестов. Но чем они были вызваны? За время войн, продолжавшееся почти два века, египетская армия была обескровлена, несмотря на то, что для боевых действий стали привлекаться иноземные воины. Ко времени правления Эхнатона ситуация дошла до того, что в личный конвой фараона, который ранее образовывали исключительно египтяне, стали входить иностранные наемники [2, с. 191]. Тем не менее, в одном из писем сирийскому царю фараон пишет, что его колесницам и солдатам нет числа. Конечно, нельзя считать эту информацию достоверной, поскольку эти слова, вероятнее всего, были написаны, чтобы держать в повиновении неверного царя, все же нельзя отрицать, что армия Египта была по-прежнему сильна [3, с. 184].

В историографии обсуждается вопрос о якобы пацифизме Эхнатона, о том, что он стремился к миру и был против войн. А. Вейгалл достаточно подробно описывает подобные идеи [3, с. 187]. Но Эхнатон был лидером сильнейшей империи того времени, имевшей мощнейшую армию. На многих надписях зафиксировано, как на различных церемониях фараон находится в окружении воинов. Во многих гробни-

цах запечатлены сцены, на которых фараон изображен в окружении личной гвардии (например, гробница № 3, принадлежавшая Панехси). Эти факты доказывают, что фараон не был противником войн, и их отсутствие – не результат пацифизма Эхнатона [4, с. 65].

На основании вышеизложенных данных можно сделать вывод, что проблемы во внешней политике начались не при Эхнатоне. В период расцвета XVIII династии Египет вел активную завоевательную политику. Это было вызвано стремлением Египта расширить сферу своего влияния, овладеть новыми территориями и торговыми путями. Возможным это стало благодаря грамотно выстроенной армейской системе, а также, полагаю, патриотическому подъему. После изгнания гиксосов египтяне почувствовали себя сильными, и это позволило им проводить успешные военные кампании. При Аменхотепе II завоевания продолжались, но сошли на нет к середине правления фараона. После этого фокус внимания египетских царей был перенесен на внутреннюю политику, а во внешней использовались лишь рычаги дипломатии и пропаганды. Поддерживать влияние дипломатическими методами намного сложнее, чем военными, но возможно, если у фараона есть к этому способности. Из вышеприведенного письма царя Тушратты видно, что правители Митанни уважали Аменхотепа III, поскольку тот сдерживал свои обещания. Эхнатон не соблюдал договоренностей, что подрывало его авторитет в глазах зависимых правителей [7, с. 266]. Эхнатон уделял внешней политике очень мало внимания и делал это неумело и несуразно. Он совершил много ошибок, возможно, потому что верил в свое всемогущество, или не владел навыками дипломата, или сильно увлекся внутренней политикой, считая ее важнее внешней. Кризис выстроенной первыми фараонами XVIII династии внешнеполитической системы должен был наступить рано или поздно, а неумелые действия Эхнатона лишь приблизили его.

Литература

1. Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта. Том I. М.: Советская наука, 1948 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://annales.info/egipet/avdiev/avdiev.htm>.
2. Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта Том II. М.: Советская наука, 1959 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://annales.info/egipet/avdiev/vide2_5.htm.
3. Вейгалл А. Эхнатон. Фараон-вероотступник / Пер. С.В.Фёдоров [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=29158&p=1>.
4. Жак К. Нефертити и Эхнатон / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Т. Баскаковой. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006. 216 с.
5. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб.: Журнал Нева, Летний сад, 2000. 464 с.
6. Ривз Н. Эхнатон. Лжепророк Египта / Пер. А. Варфоломеев. М.: ИП А. Д. Варфоломеев, 2014. 224 с.
7. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. СПб.: Лань, 2014. 307 с.

СЕКЦИЯ «Политическая история России и стран Большого Средиземноморья в Новое и Новейшее время»

УДК 930.1

Иванченко А.В.¹

ОТНОШЕНИЕ НАРОДА КРЫМА К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ТАВРИДЫ

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Актуальность. Тема исследовательской работы актуальна тем, что без изучения различных аспектов становления Советской Социалистической Республики Тавриды (ССРТ) не получится полноценное ознакомление с историей Гражданской войны в Крыму. К тому же, Россия в рамках историко-культурных проектов поставила цель примирить тему «белых» и «красных». Идея примирения актуальна, особенно в условиях зарождающихся новых конфликтов внутри отдельных государств. Также тема актуальна тем, что 7 лет назад полуостров стал субъектом Российской Федерации, а значит, произошли изменения в системе управления, поэтому необходимо ознакомиться с опытом становления первой крымской советской республики.

На современном этапе данную тему освещает небольшое количество научной литературы. Найти информацию можно в основном в очерках по истории Крыма и литературе, освещающей историю Гражданской войны. Наиболее полное изучение темы можно встретить в трудах В.Н. Пащенко. Им рассматриваются в большинстве своем этнокультурные аспекты истории Крымского полуострова. Одним из наиболее ценных трудов стала фундаментальная монография А.Г. и В.Г. Зарубиных «Без победителей», в которой представлено подробнейшее исследование истории событий Гражданской войны в Крыму.

Советская Социалистическая Республика Тавриды (ССРТ) была официально провозглашена 21 марта 1918 года. Однако о ее создании было объявлено еще 19 марта только под другим наименованием (Республика Тавриды) и в другом составе (были включены, помимо Крымского полуострова, еще три северных уезда – Мелитопольский, Бердянский и Днепровский) [2, с. 328]. Идея создания республики была принята исключительно по инициативе Центра с предварительным совещанием 10 марта СНК Украинской Советской Республики с уполномоченным Совнаркома РСФСР в Екатеринославе по выработке мер по организации борьбы с наступающими немецкими захватчиками и с буржуазной Центральной Радой [7, с. 207]. Тогда же на совещании начала формироваться и структура управления. Формируется Совет Народных Комиссаров (СНК) в составе: А. Слуцкий – Председатель; Новосельский, Коляденко и др., всего – 8 большевиков и 4 левых эсера [6, с. 79].

Помимо СНК ССРТ был сформирован Таврический Центральный Исполнительный Комитет, председателем которого стал Ян Тарвацкий. Существовала Инструкция, которая определяла права и обязанности Советов [5, с. 236]. Правовой основы у ССРТ, кроме как провозглашающего ее декрета, нет, т.к. создана она была после санкции Сталина в переговорах со Слуцким и Миллером.

Власть провозглашенной республики допускала проступки, которые могли послужить негативному отношению населения к ней. Например, отказ съезда прово-

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета Сенин Александр Сергеевич.

дить распределение земли между безземельными и малоземельными крестьянами – это было использовано буржуазными татарскими националистами с целью настроить татарских крестьян против русских [3]. В условиях подписания и реализации Брестского мира ССРТ провозгласила нейтралитет в I мировой войне [4].

Громкие заявления были и у украинских националистов: *«Не нужно верить всяким разговорам и провокациям, большевики больше в Крыму не покажутся. Это только бред больных русских. Русские сейчас – больные. Как больной человек бредит во сне, так и они бредят. По политическим соображениям немцы никогда не оставят Крым, потому все слухи о будущем наступлении большевиков – вранье. Это нужно разьяснять нашей нации»* [1, с. 36].

По результатам исследования сделан вывод, что ССРТ создавалась исключительно по воле Центра, не имела правовой основы, создавалась в целях борьбы с агрессорами. Не было четкой структуры власти, налаженных информационных каналов. Власть своими действиями допускала негативное отношение со стороны населения. Антибольшевистские настроения генерировали татарские националисты. Созданная в чрезвычайно короткие сроки ССРТ не смогла удержаться долго на политической карте страны и представляла собой искусственное образование. По причине отсутствия у республики правовой основы население не могло и не желало защитить ее от наступающих германских войск.

Литература

1. Бояджиев Т. Крымскотатарская молодежь в революции. Симферополь: Крым. гос. изд-во, 1930. 112 с.
2. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. 724 с.
3. Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://istoriya-krima.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st011.shtml> (дата обращения: 03.01.2021).
4. К 100-летию Республики Тавриды [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.evporatori.ru/k-100-letiyu-respubliki-tavridy.html> (дата обращения: 03.01.2021).
5. Пащенко В.Н. Водоворот смены структур государственного управления в России и Крыму в революциях 1917 года и Гражданской войне (1917–1920 гг.). Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2017. 450 с.
6. Пащенко В.Н. Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.). Симферополь, 2008. 264 с.
7. Соколов Д.В. Таврида, обгаренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 – мае 1918 г. М.: Содружество «Посев», 2013. 272 с.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ВОПРОС ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ А.В. КРИВОШЕИНА В 1920 ГОДУ*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва*

Данная тема актуальна особенно в условиях зарождающихся конфликтов во многих государствах. Судьба крымских татар в советское время была незавидной, тем глубже нужно изучать вопросы, связанные с развитием данного народа в тяжелые годы для России. На современном этапе данную тему освещает небольшое количество научной литературы. Но увеличивается число научных работ по тематике Гражданской войны, деятельности предводителей белого движения в связи с рассекретиванием архивных документов. Эту работу необходимо продолжать.

После успешных сражений Красной Армии, к 1920 году единственным оплотом белых оставался Крым. Полуостров имеет выгодное географическое положение: климатические условия, выход к морю, тесные этнокультурные связи с Турцией и т.д. Крым становился важной точкой борьбы двух идей: «красной» и «белой».

А.В. Кривошеин на посту председателя правительства Армии Юга России в 1920 году показал свои сильные стороны и умение управлять в чрезвычайной обстановке. В апреле 1920 года по приглашению барона П.Н. Врангеля, Александр Васильевич занял этот пост. За полугодовой период работы им были разработаны и осуществлены грандиозные планы по вопросам местного самоуправления и волостных земств, землеустройства, печати и цензуры, образования в церковно-приходских школах [2]. Барон Врангель, говоря о Кривошеине, использовал слова: «умный и проницательный» [1, с. 137]. Но оставался нерешенным национальный вопрос.

Еще в 1917 году крымские татары не захотели поддержать ни белых, ни красных, и провозгласили Крымскую Народную Республику, просуществовавшую лишь несколько недель. Большевики, захватившие контроль над Таврической губернией к 1918 году, устроили «красный террор». А.И. Деникин, с 1919 г. контролируя Крым, не собирался давать широкой автономии и прав крымским татарам, фактически оттолкнув их от себя.

Определенные надежды на изменение ситуации возникло с приходом к власти в Крыму правительства Врангеля-Кривошеина. Теперь народы полуострова могли официально выпускать газеты и журналы на своем языке. Врангель был готов к культурной автономии крымских татар, но на территориальную так и не решился. С начала 1920 года заметно активизировалось и русские националистические движения в Крыму, которые явно были недовольны своим положением при генерале Деникине [5, с. 58]. В Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте действовали группы Союза русских национальных общин.

16 мая в Симферополе открылся созданный по приказу Врангеля Всекрымский мусульманский (татарский) съезд. Это была попытка решения затянувшегося конфликта между властью и населением. Рассчитывать на получение территориальной автономии не приходилось [3, с.337]. Врангель предложил только самоуправление в религиозно-просветительской области. А.В. Кривошеин склонялся к тому, чтобы вообще заморозить на время крымскотатарский вопрос до решения основных проблем Крыма.

После съезда контрразведка продолжала преследования лидеров национального движения из-за их стремления к независимости. Известны связи партии «Милли-фирка» с большевиками против правительства Армии Юга России [4], а председателя Курултая Крыма Джафера Сайдамета с правительством Польши и УНР.

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета Сенин Александр Сергеевич.

А.В. Кривошеин старался максимально использовать свой опыт успешного управления для помощи белому движению Крыма. Решение о создании крымскотатарской автономии не только языковой, но и территориальной, он предлагал отодвинуть до решения других немаловажных проблем. Результаты его деятельности способствовали закреплению белых частей на полгода, финансированию и помощи белому Крыму, закреплению договоренностей с иностранными государствами об эмиграции населения и многое другое.

Александр Васильевич Кривошеин – опытный политик. За 6 месяцев ему во многом удалось то, что не смогли осуществить его предшественники. Он считал, что Крым способен стать примером успешной политики белогвардейской власти, которая сможет решить аграрный, рабочий и национальный вопросы на полуострове. Но в ноябре 1920 г. белый Крым был захвачен большевиками, и решение национальной проблемы легло уже на их плечи.

Литература

1. Врангель П.Н. Записки (1916-1920). М., 1993. 480 с.
2. Документы о земле из книги Гражданская война в России: оборона Крыма, 1920.
3. Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы Смуты (1917–1921). Харьков: Фолио, 2013. 384 с.
4. Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://istoriya-krima.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st011.shtml>.
5. Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Сегодня противостояние государств характеризуется преимущественно информационным противостоянием, подразумевающим избегание прямых столкновений с противником при использовании различных «нетрадиционных» инструментов воздействия на оппонента. Проникновение интернета в повседневную жизнь человека и активное перемещение его действий в плоскость киберпространства актуализирует проблемное поле возможности конструирования социальной реальности и манипулирования сознанием личности, а, следовательно, экспликации требуют и вопросы, связанные с феноменом исторической памяти [2, с. 81].

Последние десятилетия происходит существенное усиление информационной атаки на историческую память российского общества, особенно на молодежную когорту. «Живя» в сети, молодые интернет-кочевники, конечно, имеют доступ к источникам разного рода: от оригинальных исторических документов до фальсификаций – «невероятных объяснений известных фактов истории» и внедрения в массовое сознание «новых» исторических трактовок. Следует особо отметить, что современные медиа не просто создают и тиражируют образы прошлого, а и «помогают» потреблять «готовые образы» и представления о прошлом.

Сегодня наблюдается тенденция «переписывать историю» и сформировать устойчивые негативные стереотипы о русском (советском) человеке и его роли в современной истории. Ключевым историческим событием, подвергающемся планомерной атаке, выступает победа СССР в Великой Отечественной войне и вклад СССР в победу во Второй мировой войне. Для этого используется разнообразный инструментарий, например, СМИ и кинематограф. Так, продвигается идея о победах Красной Армии всего лишь как о вымысле советских ученых; активно лоббируется пересмотр итогов Второй мировой войны исключительно в пользу западной части антигитлеровской коалиции и т.п.

Однако, более изощренным и действенным, на наш взгляд, инструментом влияния на сознание молодежи можно считать современные компьютерные игры, повествующие о событиях рассматриваемого периода. Одним из ярких примеров искажения истории является компьютерная «исторически сбалансированная» игра в жанре стратегии в реальном времени под названием «Company of Heroes 2», разработанная канадской компанией Relic Entertainment и увидевшая свет в 2013 году. В отличие от игры «Company of Heroes», события разворачиваются на Восточном фронте в период с 1941 по 1945 годы. Пользователю представляется «уникальная» возможность, «управляя» бойцом Красной Армии, осуществлять расстрелы мирного населения, «играть» в штрафные батальоны, расстреливать военнопленных и т.п. [3, с. 34]. Таким образом, игроку косвенно внушается мысль о том, что в ходе войны это было в порядке вещей. Следует акцентировать внимание, что в российском потребительском пространстве игра нашла камни преткновения. Так, из-за потребительского бойкотирования, издатель игры в России заявил о прекращении продаж «Company of Heroes 2». Тем не менее, за пределами нашего государства у людей, играющих в эту игру, складывается извращенное представление о нашей стране, ее прошлом, а следовательно, и современности.

Примером игры с построением сюжета на основе «альтернативной реальности» является хорошо известная игра: «Command & Conquer: Red Alert», вышедшая в 1996

¹ Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Политические науки и философия» Севастопольского государственного университета Гарас Людмила Николаевна.

году. По сюжету игры, Альберт Эйнштейн в послевоенные годы создает машину времени, с помощью которой отправляется в прошлое и устраняет Гитлера, чтобы предотвратить Вторую мировую войну. Однако результаты оказываются непредвиденными, в альтернативной истории Германия уже не развязывает войну, вместо нее это делает Советский Союз путем массированного наступления на Европу, при этом задачей союзников становится защитить мир от врага – СССР. Так, хоть сюжет и является фантастическим, следует указать, что, трансформируя образы истории, потребителям преподносят легко воспринимаемый на Западе образ СССР – агрессора и стремятся уравновесить в истории и Гитлера, и Сталина.

Таким образом, историческая память способствует более глубокому пониманию национальных и культурных основ жизни народа, определяет его социально-нравственный облик, выступает механизмом сохранения культурной трансмиссии. Тем не менее, в современной российской практике на данный момент отсутствуют действенные инструменты контроля мемориальной памяти в поле «игроиндустрии», хотя компьютерные игры с каждым годом оказывают все большее влияние на формирование представлений о прошлом, в особенности у молодежи. Конечно, задачи мемориальной политики не должны сводиться лишь к трансляции достоверных фактов прошлого. Целью в данном случае должно стать укоренение в сознании потребительской аудитории системы ярких, эмоционально наполненных символов, воплощающих собой набор базовых смыслов. То есть в сознании игроков необходимо сформировать так называемое «общее представление» о событиях прошлого, увязав их с конкретными оценочными суждениями [1, с. 59].

Литература

1. Белов С.И., Кретова А.А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования Событий Великой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.
2. Гарас Л.Н. Историческая память в информационном обществе // Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Посвящается 75-летию Победы в Сталинградской битве. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции ученых, преподавателей, специалистов и практиков, аспирантов, магистрантов, студентов и школьников. – Севастополь: «Рибест», 2018. С.80–84.
3. Грибан О.Н. Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // Педагогическое образование в России. 2017. № 2. С. 32–38.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ БОРИСА ГОДУНОВА В СОБЫТИЯХ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ЦЕЛОМ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В данной работе исследуется роль личности главы Российского государства в нестабильный для страны политический и социально-экономический период, а также деятельность государя в этот период на примере царствования Бориса Годунова.

Фактор личности главы государства в более чем тысячелетней истории России имеет особенное значение. В отсутствие в государстве сильного, единого, способного объединить различные слои общества, координировать и эффективно управлять внутренней и внешней политикой лидера, безусловно, наряду с другими причинами, в стране неизбежно наступали периоды раздробленностей, как в XII – XIII вв., смут в XVII в., дворцовых переворотов XVIII в. и революций в начале XX века. Династические и властные кризисы неизбежно погружали Россию в кризисы всего государства и общества, междоусобицы и войны, революции.

Борис Годунов не принадлежал к великокняжескому и царскому роду династии Рюриковичей, а потому, согласно сложившейся в России многовековой традиции передачи власти по наследству, не мог быть царем по праву рождения. Памятуя об этом, Годунов, вероятно, сделал все, чтобы пресечь этот закон и одновременно обычай. Его путь к власти и время правления ознаменованы хитросплетениями интриг, временем глубочайшего кризиса государственности, голода, политических, экономических и природных бедствий, потрясений для народа. Кроме того, на большую часть периода царствования Годунова пришелся тяжелейший этап природных катаклизмов и голод, страна погрузилась в ужасное бедствие, которое уносило жизни тысяч людей. Эта веха истории, несомненно, является как никогда более злободневной, насущной и актуальной в нашей современной жизни в условиях распространения тяжелого и всеохватывающего заболевания.

Борис Федорович Годунов был одной из наиболее противоречивых исторических фигур в истории России. Во многом это обусловлено его ранее упомянутым нецарственным происхождением. Фактически он стал первым выборным, а не приобретшим власть по наследию, но признанным и даже призванным на царство народом, боярами, знатью и духовенством русским государем. Однако своим восшествием на царство он обратил против себя значительное количество отдельных представителей целых родов и слоев общества.

Тем не менее, исследуя личность Годунова, нельзя не сказать о том, что благодаря именно его усилиям в Русском государстве был образован собственный патриарший престол, благодаря ему велось активное градостроительство, в результате которого столица и многие города государства приобрели уникальные архитектурные особенности и стиль, условно названный в истории годуновским классицизмом, а умению Годунова выстраивать дипломатические отношения с другими государствами и вовсе мало равных примеров в истории. Поэтому крайне ошибочно было бы выделять только отрицательные аспекты его деятельности [4, с. 3–45].

Кроме прочих черт, он сочетал в себе одновременную простоту нрава с хитростью и смекалкой. Несмотря на относительно незнатное в глазах общества происхождение, он имел все необходимые для сильного государя характеристики, способности и таланты. Он долго и тщательно, путем интриг и изысканий, умелой дипломатии, тактики и стратегии прокладывал себе дорогу к главной цели – русскому царскому престолу. Особенности пути к власти и последующее возвышение

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Осиповский Семен Николаевич.

характеризуют его как искусного политика, дипломата и стратега. Триумф над всеми соперниками в борьбе за трон после смерти Ивана IV и его наследника Федора Иоанновича свидетельствует о способностях Годунова [1, с. 2–3].

Однако его личности на определенном историческом этапе в обостренной форме стали свойственны и те качества, которые, по всей видимости, пагубным образом отразились на российской действительности. Подобно Ивану IV в его характере проявились подозрительность, доходящая до помешательства, недоверие и методика решения проблем путем силы и принуждения, в какой-то мере – жестокость. Эти и другие свойства характера, безусловно, не могли не оказать влияния на политические, экономические, социальные и другие решения царя, а также на сам ход исторического процесса в целом [3].

В результате природного бедствия, которое обрушилось на страну в начале XVII столетия, простой русский народ ощутил на себе одновременно страшный голод и крайнюю степень закрепощения. Люди гибли тысячами, умирая от отсутствия пищи, антисанитарии и сопутствующих болезней. Борис Годунов предпринимал отчаянные попытки решить эту огромную проблему раздачей денег и зерна всем людям. Но это не помогло, население изнемогало. В 1603 году постепенно засуха и голод ушли с Русских земель. Но судьба рода Годуновых была предрешена. Благодаря действиям польского правительства появился самозванец, объявивший себя спасенным царевичем Дмитрием и выступивший с претензией на царский престол. Народ и знать также были против Бориса, и сам он уже не был способен бороться за власть. В 1605 году Борис Годунов скончался, так и не сумев уберечь страну от Смуты и установить свой род в качестве новой царствующей династии Русского государства.

Литература

1. Боханов А.Н. Борис Годунов. Раздел: Деятели допетровской Руси (до 1682 г.) ... М.: Вече, 2012 г. 352 с.
2. Козляков В. Н. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017. 320 с.
3. Морозова Л.Е. Смута в Московском государстве. М., 1998. 255 с.
4. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. - М.: Наука, 1978. 192 с.
5. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. 60 с.

СЕКЦИЯ «Социально-экономическая история России и стран Большого Средиземноморья в Новое и Новейшее время»

УДК 338.48

Зуева А.А.¹

ТУРИЗМ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Средиземноморье издавна считалось местом зарождения мировых религий, скопления различных памятников культуры и истории, а также территорией, через которую пролегли древнейшие торговые пути. Сейчас многие считают этот регион идеальным местом для отдыха. Ведь там есть все для комфортного отпуска. Каждый год сюда приезжают из всех уголков планеты, чтобы посмотреть пирамиды Гизы, храм Гроба Господня в Иерусалиме, музеи Прадо и Лувр, насладиться творениями Рафаэля и Леонардо да Винчи во Флоренции и Риме, полюбоваться великолепием дворцов в Стамбуле, Петрой (древним городом в скалах в Иордании) и многим другим. Почти треть мирового туризма приходится на государства Средиземноморского бассейна. Именно на побережьях Средиземного моря расположены самые популярные мировые курорты. Архипелаги и острова являются идеальным местом для полноценного пляжного отдыха: теплое море, чистая вода, галечные и песчаные побережья с широкой береговой линией. Что немаловажно, это доступность такого отдыха, его даже можно отнести к бюджетному, но с высоким уровнем сервиса и целым спектром развлечений. Также здесь можно посетить экскурсии по достопримечательностям любого известного исторической науке периода.

Море связало своими берегами 3 континента, 22 крупных государства, с населением более 700 млн. человек. Страны Средиземноморья: Албания, Алжир, Греция, Египет, Израиль, Испания, Италия, Кипр, Ливан, Мальта, Марокко, Монако, Северный Кипр, Сирия, Тунис, Турция, Франция, Хорватия.

На протяжении многих тысячелетий оно соединяло различные цивилизации: греки убеждены, что они дали миру философию, римляне – право, евреи – мораль, египтяне – искусство. Многие известные ученые и писатели отстаивают факт принадлежности проживающих в Средиземноморье народов к уникальной расовой и этнической группе. Некоторые авторы даже писали о средиземноморской общности, об особом характере живущих здесь людей, выделяя у них бурный темперамент, удивительные музыкальные способности, данные при рождении, приветливость, превосходное чувство юмора, позволившие им пережить напасти и тяготы судьбы и сохранить жизненные силы и веру в светлое будущее. Средиземноморье обладает исключительным разнообразием народностей, языков и культур. Благодаря этому, открываются богатые возможности для изучения языков.

Плюсами отдыха здесь являются достаточно быстрый и неустойчивый перелет, объединенный визовый режим, а иногда и полное отсутствие визовых формальностей. Климат, приближенный к привычному, купальный сезон начинается в мае, а заканчивается в октябре, не приходится терпеть изнурительную жару и слишком холодную зиму. Из минусов можно выделить, лишь иногда запредельную популярность пляжей Средиземноморья.

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Вакулова Татьяна Владимировна.

В заключение можно сказать, что благодаря исторически сложившемуся благоприятному соседству, большая часть государств смогла извлечь туристическую выгоду из своего местоположения и историко-культурного наследия. И курорты Средиземноморья стали ведущими мировыми курортами, которые ежегодно посещают миллионы людей со всего мира.

Литература

1. Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010–2020 [Электронный ресурс] // «Большое Средиземноморье». Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/index.html>.
2. Грацианский А. Н. Природа Средиземноморья. М., 1971.
3. Интернет справочник «Тонкости туризма», 2003–2021 [Электронный ресурс] // Средиземноморье: Страны и курорты Средиземного моря. Режим доступа: <https://tonkosti.ru/>.
4. Попов В. Средиземноморье - «вечно плывущий по волнам континент» // Международная жизнь». 2018. № 9. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2083>.
5. Циргоффер А. Атлантический океан и его моря / Пер. с польск. М., 1975.
6. Lacombe H., Tehernia P. Caracteres Hydrologiques et circulation deseaux en Mediterranee // The Mediterranean Sea, 1972.

ФИНАНСОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И НАЧАЛА НЭП (1917–1922 ГГ.)

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Революция, Гражданская война и послевоенная разруха, безусловно являются трагической и памятной страницей для истории нашего Отечества. Эти события не только раскололи семьи на «белых» и «красных», спровоцировали переоценку ценностей, моральное разложение населения, но и пагубно отразились на экономике страны. Из-за смены экономической парадигмы отрасли народного хозяйства значительно снизили темпы роста, а некоторые перешли в состояние стагнации.

Банковская система страны подверглась преобразованиям после Октябрьского переворота 1917 года. Их направленность и содержание определялись экономическими и идеологическими концепциями большевистской партии. Одним из главных элементов воззрений большевиков была неизбежность вымирания товарно-денежных отношений при переходе к социализму. В это же время предполагалось сохранение значения принципа распределения по труду. Именно поэтому была предпринята обязательная мера – наладить в период перехода к безденежным отношениям строгий контроль и учет за мерой труда и потребления.

Политика «военного коммунизма», которая полностью дискредитировала себя, привела страну в глубокий кризис. Советская власть решила перейти к новой экономической политике (НЭП), предусматривавшей замену продразверстки продналогом, после уплаты которого крестьянин был вправе независимо распоряжаться своей продукцией. Это стимулировало возвращение товарно-денежных отношений, способствовало укреплению рубля, возрождению рынка, воссозданию банковской системы в целом. Учитывая вышеперечисленные факторы, можно сказать, что обозначилась возможность перехода к рыночной экономике.

Денежная реформа была неизбежна, т.к. являлась насущной проблемой, которую нужно было решать в короткие сроки. В Гражданской войне победу одержали большевики, которые сохраняли незыблемую веру в правильность политики военного коммунизма, но данная политика была разрушительна для молодого советского государства, и политическая элита к 1921 г. осознала это. В рамках НЭП планировалось привлечение иностранного капитала, то есть иностранных инвестиций, путем предоставления концессий. НЭП подразумевал и эмиссию нового рубля: победили сторонники золотого обеспечения советской валюты.

Банковская и денежная система переживала кризис во время и сразу после Гражданской войны, о чем свидетельствуют исторические материалы газет за 1918–1922 гг. За 1921–1922 гг. не произошло заметных изменений в банковской и денежной системах. Это свидетельствует о регрессивности проводимой политики. Все коренные изменения, которые произошли в обществе, не только изменили моральное сознание населения и спровоцировали «революцию ценностей», но и подорвали экономику страны в целом, в том числе банковскую сферу, которая претерпевала определенную диверсификацию, но оставалась в состоянии стагнации.

Литература

1. Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.

¹ Научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Косов Михаил Евгеньевич.

2. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1970–1920 гг. СПб.: Питер, 2009 г. 221 с.
3. Какурин Н. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М.: Государственное издательство, 1926. 327 с.
4. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории и СССР. М.: Наука, 1996. 514 с.
5. Экономическая жизнь. 22.11.1918 г. Москва: № 13.
6. Экономическая жизнь. 25.11.1919 г. М. № 264.
7. Экономическая жизнь. 30.06.1921 г. Москва: № 140.

СЕКЦИЯ «Военная история Большого Средиземноморья»

УДК 94(477.75)

Андреева А.И.¹

ЗАБЛОЦКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ ОБ УЧАСТНИКАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ²

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В 1963 году на базе Одесского политехнического института был создан Севастопольский приборостроительный институт, в развитие которого внесли решающий участники Великой Отечественной войны. Одним из них был Павел Иванович Заблоцкий.

В рамках настоящего исследования изучались путь П.И. Заблоцкого, его служба в Вооруженных Силах после войны и работа в Севастопольском приборостроительном институте.

Поиск информации по предмету исследования в условиях карантинных ограничений осуществлялся в сети Интернет – на сайте «Подвиг народа», «Память народа», и в социальных сетях, с помощью которых выявлялись возможные родственники П.И. Заблоцкого. Родственников Павла Ивановича удалось найти в социальной сети «ВКонтакте». Они предоставили сведения о его биографии, в том числе его боевые воспоминания, записанные в 1991 году, прислали его фото. На основе выявленных данных удалось проследить жизненный путь П.И. Заблоцкого.

Павел Иванович Заблоцкий родился 26 июня 1921 года в селе Гороховка Ново-Калитвянского района Воронежской области в семье крестьянина. В 1930 году поступил в школу на хуторе Шевченко Митрофановского сельсовета. В школе П.И. Заблоцкий заинтересовался инженерным делом: первое знакомство с инженером машинно-тракторного завода оставило неизгладимое впечатление на всю его жизнь.

В 1940 году поступил на учебу в Орджоникидженское военное училище связи. В начале войны, с присвоением звания лейтенанта, в составе 19-го отдельного запасного полка связи был направлен в г. Полтаву. В 1942–1943 годах был заместителем командира учебной роты, занимался формированием отрядов связистов из числа призывников.

Боевое крещение получил в сентябре 1943 года в боях в районе села Иллирия. Павел Иванович поддерживал проводную связь со всеми подразделениями полка, что было весьма сложно в условиях активного наступления. Поддерживалась радиосвязь в 724 СП с помощью подвижных средств связи, а также заранее установленными условными сигналами. В своих воспоминаниях П.И. Заблоцкий описывает операции по освобождению Донбасса, Мелитополя и других населенных пунктов с точки зрения особенностей профессии связиста.

В составе 724 СП 315 СД 55 СК 4-го Украинского фронта Павел Иванович освобождал Крым и Севастополь. Прикладывал максимум усилий для поддержания связи между частями своего полка, налаживал телефонную связь.

Перед наступлением в ночь с 3 на 4 мая 1944 года выполнял задание штаба: совместно с командиром взвода разведки младшим лейтенантом Назаровым произ-

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович. Автор выражает благодарность Э.Р. Шихаметовой за помощь в подготовке доклада.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920005.

вести нанесение крайних позиций обороны противника на топографическую карту. При возвращении в штаб они были обстреляны с позиций противника. Назаров был ранен, а Заблоцкий сумел уйти от огня и доставить товарища в медпункт.

За героизм при освобождении Севастополя был награжден орденом «Красная Звезда». В наградном листе указано: *«В боях с Перекопского перешейка до [полу]острова Херсонес в городе Севастополе с 8 апреля по 10 мая 1944 года полк непосредственно был в боевых действиях. Рота связи под командованием тов. Заблоцкого обеспечила бесперебойную радиотелефонную связь командования дивизии, командования полка с действующими подразделениями. Несмотря на сильный арт. огонь противника, вследствие чего рвалась линия связи, рота под командованием тов. Заблоцкого быстро восстанавливала связь и переносила на новые занятые нами рубежи»* [2].

После окончания Великой Отечественной войны П.И. Заблоцкий был уволен в запас, и закончил физическое отделение физико-математического факультета Крымского педагогического института имени М.В. Фрунзе.

В 1951 году был вновь призван на действительную военную службу и назначен начальником отдела связи частей Черноморского флота. Пять лет служил за Полярным кругом в Беломорской Флотилии Северного Флота. В августе 1964 года ушел в запас.

Был награжден Орденом Отечественной войны I степени и 12 медалями. С 1964 года работал ассистентом в Севастопольском приборостроительном институте на кафедре физики, был заместителем председателя Совета ветеранов войны и труда СПИ.

Павел Иванович изучал историю Великой Отечественной войны, руководил клубом «Поиск» и собирал материалы о боевом пути родной 315 МКСД, в которой служил в годы Великой Отечественной войны. Он понимал, насколько важно собрать и сохранить память о подвиге воинов Красной армии. Был лектором общества «Знание» по военно-патриотической тематике. Публиковал в газетах статьи о военно-патриотической работе среди молодежи.

Таким образом, Павел Иванович Заблоцкий не только был участником Великой Отечественной войны, освобождал Крым и Севастополь от нацистских захватчиков, но и вел большую военно-патриотическую и научно-просветительскую работу среди молодежи в послевоенные годы.

Литература

1. Заблоцкий П.И. Мои боевые воспоминания, апрель 1991 г. (Личный архив П.И. Заблоцкого).
2. Наградной лист от 15 мая 1944 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Память народа». Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie44125281/?static_hash=ddcef808ba1920edf1e33d50a7b22233 (проверено: 09.01.2021).

ВИЗАНТИЙСКО-ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА 1161–1167 ГОДОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

В XII веке византийские императоры вели активную завоевательную политику на Балканах. Соперничая за сферы влияния с императорами из династии Гогенштауфенов и венецианцами, византийцы стремились отодвинуть свои границы в регионе как можно дальше на север. Кульминацией этого процесса стал византийско-венгерский конфликт 1161–1167 годов, закрепивший за греками Далматинское побережье и многие другие земли на Балканах, а впоследствии приведший к восхождению на венгерский престол короля Белы III (1172–1196), свояка и марионетки императора Мануила I Комнина (1143–1180).

Этот вопрос изучен недостаточно и фрагментарно.

Ф.И. Успенский больше других отечественных византинистов уделял внимания вопросам ромейско-венгерских отношений 1161–1167 гг. [5, с. 306–310]. Подробно останавливаясь на династических вопросах и территориальных спорах этого времени, он недостаточно внимания уделил военным действиям, ограничившись краткой констатацией: «Главные действия происходили на Дунае в области Землина и Белграда и в Далмации». Пару раз отмечен переход пограничных областей от одной стороны конфликта к другой и наоборот, а также поход византийцев в Далмацию [5, с. 307–310].

В классической трехтомной монографии коллектива советских историков под руководством С.Д. Сказкина «История Византии» представлено схожее описание событий 1160-х годов, происходивших во взаимоотношениях между Византийской империей и Венгерским королевством. А.П. Каждан, автор посвященного Комниновскому периоду раздела, акцентировал внимание на битве 1167 года и подчеркнул роль византийского полководца Андроника Контостефана. Но походы византийцев в Далмацию 1161–1167 годов в тексте не упоминаются вовсе, констатируется лишь переход значительных территорий на Западных Балканах под управление ромеев [2, с. 330–331]. Автор подчеркивает: «После 1167 года военные действия прекращаются. Венгрия капитулировала. Сирмий, Хорватия, Далмация – все спорные территории оставались за империей». Автор имеет в виду, что после 1167 года боевых столкновений между сторонами не было, либо они были незначительны [2, с. 331].

В созданной уже в XXI веке пятитомной «Истории византийских императоров», написанной А.М. Величко, представлена более цельная картина венгеро-византийских войн. Столкновения 1161–1167 годов описаны в контексте предыдущих конфликтов. Однако, организованные Мануилом I династические распри в венгерском королевском доме, которым уделял первостепенное внимание Ф.И. Успенский, оказались вне сферы интереса автора. Основное внимание уделено генеральному сражению при Землине (Зевгмине), которому в отечественной историографии внимания ранее не уделялось. В результате описание одной этой битвы заняло большую часть текста, посвященного войне, а походы византийцев в Далмацию лишь вскользь упоминаются, и читатель так и не узнает, покорилась эта область ромеям или нет [3, с. 536–537]. Авторы приводят отличную от предложенной Ф.И. Успенским дату окончания конфликта. У Успенского это 1167 г., а у создателей «Истории византийских императоров» – 1173 г., когда состоялось заключительное сражение за дунайские области [3, с. 537].

Поскольку истории византийско-венгерских войн 60-х – начала 70-х гг. XII в. уделено незаслуженно малое внимание в отечественной историографии, это отрази-

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

лось и в научно-популярной литературе. Автор историко-биографического сочинения «Императоры Византии» С.Б. Дашков уделяет лишь несколько строк этому конфликту, кратко, но неполно обозначив его результаты, и не затрагивая вопроса о влиянии его результатов на расстановку сил на Балканах [1, с. 171].

Интересно, что основным источником по изучению событий византийско-венгерских войн является труд секретаря Мануила I Иоанна Киннама (ок. 1143 – после 1184) «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов» [4, с. 97-148], но количество извлекаемой из него различными историками информации, отличается, как и ее трактовки. Например, автор «Кембриджской истории Византийской империи» Дж. Шепард, сделал акцент на взаимодействии ромеев и венецианцев при завоевании Далмации в 1165 году и дал более подробное описание боевых действий в регионе в тот год [6, р. 685], в то время как отечественные историки игнорируют данные факты, из чего ошибочно может сложиться мнение, что конфликт состоял лишь из стычек в придунайских областях.

Таким образом, тема византийско-венгерского конфликта 1161–1167 годов изучена в отечественной историографии еще недостаточно, и нуждается в более полном ее освещении и анализе с привлечением максимально широкого круга источников.

Литература

1. Дашков С. Б. Императоры Византии. М.: Издательский дом "Красная площадь", 1996. 252 с.
2. История Византии в трех томах. Том II / под ред. С.Д. Сказкина. М.: Наука, 1967. 480 с.
3. Величко А. М. История византийских императоров в 5 томах. Том 4. М.: Вече, 2012. 671 с.
4. Киннам И. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://yakov.works/acts/12/2/kinnam_0.htm.
5. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Расцвет (Комнины). М.: Астрель; АСТ, 2011. 480 с.
6. Shepard J. Cambridge History of the Byzantine Empire c.500–1492. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 1210 p.

ИЗМЕНЕНИЕ ВОЕННОЙ ТАКТИКИ ГРЕКОВ И МАКЕДОНЯН В ХОДЕ ВОЙН С ПЕРСАМИ V-IV ВВ. ДО Н.Э.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

V-IV вв. до н.э. занимают особое место в военной истории Древней Греции. Именно тогда совершенствовалось военное искусство греков и македонян, создавались и успешно опробовались новые стратегические приемы организации боевых действий и тактика ведения боя, что сделало эллинскую цивилизацию того времени сильнейшей в военном отношении в регионе Восточного Средиземноморья.

Наибольший объем информации о военной истории Греции V-IV вв. до н.э. содержится в трудах Геродота [3] и Фукидида [18] – современников и очевидцев событий V – начала IV вв. до н.э., хотя сообщаемые ими сведения порой противоречивы. Геродот описывает ход греко-персидских войн вплоть до занятия элинами Сеста в 479 году [3, с. 115–122].

Первичных источников, созданных в эпоху Александра Македонского, не сохранилось. Поэтому исследователи вынуждены довольствоваться сведениями вторичных источников, созданных в римское время: Диодора Сицилийского [6], Квинта Курция Руфа [10], Корнелия Непота [9], Плутарха [11] и Арриана Флавия [1]. Этим авторам первоисточники еще были доступны: военные записки, личные письма Александра семье, труды греческих хронистов, сопровождавших царя в походе. Наибольший объем информации о жизни Александра Македонского оставил нам Арриан: он описывает его жизнь от смерти Филиппа II и до последних дней жизни в 323 г. до н.э. [1].

В представленном исследовании проанализированы также труды ведущих отечественных и зарубежных ученых: А.А. Свечина [15], Е.А. Разина [13], У. Дюранта [4] Г. Дельбрюка [5], П. Конноли [19].

Особенностью военной тактики эллинов, а позднее и македонян, было их стремление сражаться пешими в ближнем бою: на это была направлена боевая подготовка воинов. Персы, сражаясь против греков в V в. до н.э., делали упор на боевое применение конницы, способной взламывать пехотные боевые порядки противника [18]. Конницы во время греко-персидских войн у греков не было, она появилась только позже, в период Пелопонесской войны. Следовательно, во время Александра она уже была довольно развита, но на этом этапе были лишь предпосылки к ее зарождению [7, с. 7–8].

Эллины к тому времени разработали тактический прием, получивший название «фиванский уступ» – когда пехотинцы выстраиваются по косой линии и концентрируют атаку на наиболее уязвимой точке вражеского построения [12, с. 8].

К началу правления Александра III у македонской армии появился новый тип тактического построения – знаменитая македонская фаланга, за счет ударной силы которой македонянам удавалось победить во множестве сражений [15, с. 11–22].

Вооружение противостоящих сторон также существенно отличалось. Эллины и македоняне использовали в первую очередь копья от 1,5 до 2,5 м длиной; персы в большинстве случаев – короткие мечи и кинжалы [19, р. 54–63].

Доспехи эллинов и персов существенно не отличались. Они состояли из металлических панцирей, поножей, наручей и шлемов [14], что позволяло защитить наиболее уязвимые части тела.

Для оценки эффективности стратегии и тактики греков с одной стороны и персов с другой, а также для анализа их эволюции, автором изучен ряд боестолкновений между сторонами V в. до н.э.: Марафонское сражение (490 г. до н.э.), битва в

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

Саламинском проливе (480 г. до н.э.), битва при Платеях (479 г. до н.э.). Каждый раз персы надеялись лишь на свое численное преимущество, не заботясь ни о тактике построения, ни о разработке тактического рисунка сражения. В Марафонской битве это позволило Мильтиаду победить. Он понимал, что у Персии была сильная конница, поэтому большую часть войск поставил по флангам, так как понимал, что конница будет атаковать именно туда. Греческая фаланга двинулась против персов, но их контратаковали лучники и прорвали слабый центр, в свою очередь сильные фланги греков опрокинули конницу, которая была одной из важнейших частей персидской армии. Они не стали гнаться, чтобы добить конницу персов полностью, а остались помогать именно на основном поле боя. По словам Геродота, персы потеряли около 6400 человек, а греки всего около 200 [16, с. 217–218].

Первое крупное морское сражение греков с персами в Саламинском проливе продемонстрировало способность афинского стратега Фемистокла и на море воевать не числом, а умением. У эллинов имелось всего около 350 кораблей, а у Персии более 1000. Единственным шансом эллинов на победу в сражении была возможность загнать или заманить флот персов в узкий пролив между островом Саламин и материком, чтобы не нейтрализовать перевес сил противника и биться на равных, и чтобы некоторая часть больших кораблей персов села на мель. Так и поступил Фемистокл. Хотя большинство воинов сомневалось в этом плане, так как они боялись, что их сразу уничтожат. Но Фемистокл реализовал свой замысел, и эллины победили [9, с. 2].

В битве при Платеях спартанский полководец Павсаний выбрал для сражения холмистую местность, что помешало персидскому полководцу Мардонию эффективно использовать главный род его войск – конницу [9].

Таким образом, сражения V в. до н.э. продемонстрировали, что победа на поле боя зависит не от численного преимущества или вооружения, а от хорошо продуманной полководцем тактики.

В IV в. до н.э. тактическое преимущество греко-македонских войск над персами продолжало увеличиваться. Это показали победы во всех трех генеральных сражениях войск Александра с персидской армией: битвах при Гранике (334 г. до н.э.), при Иссе (333 г. до н.э.) и при Гавгамелах (331 г. до н.э.).

В этих сражениях персы сделали ставку на серпоносные колесницы и боевых слонов. Но их мощь была нейтрализована Александром за счет того, что он захватывал всех брошенных противником слонов после каждой битвы. Персы использовали их только для перевозки амуниции, а затем бросали на поле проигранного боя [2, с. 32]. Сказался также высокий уровень воинской дисциплины греко-македонских войск, а также харизма и личная доблесть молодого македонского царя, который, в отличие от Дария III, лично участвовал в сражении, как и все его полководцы – гетайры. Немаловажное значение имело и то, что Александр в большинстве случаев (по крайней мере, до вступления на территорию Иранского нагорья), позиционировал себя как освободитель поработанных народов от персидского ига, выигрывая тем самым и психологическую войну, что позволило избежать необходимости в создании и обеспечении большой оккупационной армии и ведении арьергардных боев [8, с. 341–343].

Это в корне отличалось от мотивации завоевательных походов персов на Балканскую Грецию V в. до н.э., основным побудительным мотивом которых была объявлена месть грекам вначале за поддержку восстания их соплеменников в Ионии, а затем – за непокорность. Социально-экономического смысла в завоевании нищей по сравнению с Востоком Эллады для Персии не существовало. Таким образом, моральный перевес и в V, и в IV в. до н.э. был на стороне эллинов, вначале защищавших свою родину, а затем «освобождавших» покоренные персами народы.

Важным стратегическим просчетом персов в войнах IV в. до н.э. стала сделанная ими ставка на наемников при комплектовании армии, не заинтересованных в исходе оборонительного сражения, что и приводило к их массовому дезертирству и переходу на сторону противника [1, с. 16–18].

Тактическое построение войск Александра учитывало весь опыт предшествующих войн, причем как эллинский, так и персидский. Македонский царь, как прави-

ло, в центр построения ставил самую боеспособную часть своего войска – пехоту, на флангах – конницу, в арьергард – лучников, способных оказать «огневую» поддержку как в начале атаки, так и в случае отступления [5, с. 50].

Таким образом, победы греков над персами в V в. до н.э. были обеспечены за счет умелых полководцев, применения правильных и оригинальных стратегических и тактических решений, желания победить более сильного противника, а в IV в. до н.э. – македонской фалангой и грамотной политикой на «освобожденных» территориях. Александр умело руководил войсками и заботился о своей армии, в то время как основной составной частью армии Персии были в наемники.

Литература

1. Арриан. Поход Александра. М.: МИФ. 1993. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://royallib.com/read/arrian_kvint_eppiy_flaviy/pohod_aleksandra.html#0
2. Банников А.В, Попов А.А. Боевые слоны в эпоху Александра Великого. Вестник СПбГУ. Сер.2. 2011. Вып. 1. С. 32–38.
3. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, Ленинград, 1972. 547 с.
4. Дюрант В. Жизнь Греции. М.: Крон-Пресс, 1997. 683 с.
5. Дельбрюк Г. История военного искусства: в 7 тт. М.: Наука, 2005. 914 с.
6. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. 2012. 460 с.
7. Денисон Д.Т. История кавалерии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=56834&p=7>
8. История Востока в шести томах. Т. 1. М.: Восточная литература, 2002. 479 с.
9. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1479000100>
- 10.Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. Отв. редактор А. А. Вигасин. М., Изд-во МГУ, 1993 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=272071&p=1>
- 11.Персия. Древняя Цивилизация. [Электронный ресурс]. Энциклопедия “Кругосвет”. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/PERSIYA_DREVNYAYA_TSIVILIZATSIYA.html
- 12.Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: Изд-во «Наука», 1994. 702 с.
- 13.Рут Ш. Александр Великий. Армия, походы, враги [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=236325&p=1>
- 14.Разин Е.А. История военного искусства, в 3-х т. СПб.: Полигон, 1999. 734 с.
- 15.Рыжов К. Военное дело в Древней Греции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://proza.ru/2015/01/08/2451>
- 16.Свечин А.А. Эволюция военного искусства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/index.html>
- 17.Сергеев В.С. История Древней Греции. СПб: Полигон, 2002. 513 с.
- 18.Фукидид. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского [Электронное издание] // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=121031&p=1>
- 19.Peter Connolly. Greece and Rome at war. London: Macdonald Phoebe Ltd, 1981. 320 p.

ДНЕПРОВСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В БЕРЛИНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1945 ГОДА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Современные исследователи не уделяют должного внимания анализу роли Днепровской военной флотилии в разгроме немцев в ходе Берлинской наступательной операции 1945 г. Будучи достаточно изученной, эта тема все же не рассматривалась с точки зрения важности военной флотилии как боевой единицы в этом финальном сражении Великой Отечественной войны, обеспечившей в значительной степени успех операции. За время наступления на столицу Третьего Рейха кораблями флотилии было выполнено множество боевых и транспортных задач, но данный аспект истории был мало изучен в отечественной историографии, что в свою очередь делает этот вопрос крайне актуальным в контексте истории Великой Отечественной войны в целом, и Берлинской наступательной операции в частности.

К началу Берлинской наступательной операции флотилия прошла славный боевой путь. Днепровская флотилия, боевое подразделение в составе войск СССР, была создана в 1931 г. и просуществовала до 1940 г. [3, с. 233].

Решение о воссоздании Днепровской флотилии было принято осенью 1943 г., с выходом сил Красной Армии к Днепру. К началу 1944 г. в состав флотилии входило примерно 140 судов, в том числе: 16 бронекатеров, 10 сторожевых катеров, 40 речных тральщиков, 32 полуглиссера. Командующим Днепровской флотилией стал капитан 1-го ранга В.В. Григорьев [1, с. 401–412], [3, с. 233].

К середине февраля 1945 г. в ходе Висло-Одерской операции советские войска вышли на ближние подступы к Берлину. Ставка Верховного Главнокомандования начала разработку Берлинской наступательной операции. По приказу командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г.К. Жукова Днепровская флотилия должна была перебазироваться с Вислы на Одер для содействия войскам фронта в ходе будущего наступления. До начала навигационного периода флотилия готовилась к трудному переходу. Во второй половине марта начался дальний, 700-километровый поход флотилии по рекам Висла, Нотец и Варта, а также Бромбергскому каналу [1, с. 401–412], [2, с. 1–6].

Во многом благодаря именно полуглиссерам 1-го отряда 9-й стрелковый корпус 5-й ударной армии стремительно форсировал Шпрее и захватил центральные кварталы столицы Германии. Восхищенный мужеством и самопожертвованием моряков, командарм 5-й ударной армии, первый комендант взятого советскими войсками Берлина, легендарный генерал Н.Э. Берзарин приказал немедленно наградить самыми высокими наградами всех 29 офицеров, матросов и старшин, участвовавших в операции. К званию Героя Советского Союза было представлено 25 человек, то есть почти весь отряд, правда, в итоге награждены были не все. И все же это действительно беспрецедентный случай в истории ВМФ [1, с. 401–412], что только подтверждает действительно важную роль Днепровской военной флотилии в ходе Берлинской наступательной операции, справедливо оцененную командованием СССР.

Литература

1. Ачкасов В.И., Басов А.В., Сумин А.И. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / под редакцией А.В. Басова. М.: Воениздат, 1988. 607 с.

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Дмитриева Виктория Викторовна.

2. Десантные действия Днепровской флотилии в Берлинской наступательной операции (16 апреля – 8 мая 1945 г.). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/desantnye-deystviya-dneprovskoy-flotilii-v-berlinskoy-nastupatelnoy-operatsii-16-aprelya-8-maya-1945-g>.
3. Днепровская военная флотилия // Великая Отечественная война, 1941–1945: энциклопедия / под ред. М.М. Козлова. М.: Советская энциклопедия, 1985.

ПЛАСТУНЫ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ПЕРИОД ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854-1855 ГОДОВ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Первая оборона Севастополя – это знаменательное событие не только в истории Крыма, но и России в целом. На протяжении 349 дней военнослужащие русской армии и флота, а также мирные жители города демонстрировали примеры мужества и героизма.

В ходе обороны Крымского полуострова и Севастополя конкретно, были задействованы различные сухопутные части, в том числе два батальона Черноморского казачьего войска, среди которых особый интерес вызывает деятельность подразделений пластунов.

Участие пластунов в обороне Севастополя не получило широкого освещения в историографии.

Целью данного исследования является всестороннее изучение деятельности подразделений пластунов в ходе защиты Севастополя.

С историей города связаны имена многих героев, которые в разные периоды обороняли его от неприятеля. Но у большинства людей Севастополь ассоциируется лишь как город морской славы. Это не совсем так. Подтверждением данного тезиса является тот факт, что Крымская война стала событием, в ходе которого в обороне Севастополя приняли участие и сухопутные подразделения, в том числе отряды пластунов, представленные пешими казаками Черноморского войска [5, с. 819].

Первые казаки-пластуны прибыли под Севастополь в сентябре 1854 года. Находились на тактически важных участках: под Балаклавой, на Малаховом кургане и на 4-ом бастионе [2, с. 111]. Первоначально, из-за «невысокого роста и необычного узорчатого костюма» часть русских военнослужащих регулярной армии всерьез их не воспринимала [3, с. 109]. Но, благодаря своему мужеству, неустрашимости и завидной выдержке, казаки быстро стали примером для подражания защитникам города. Пластуны использовали в боях с англо-франко-турецкими войсками ценный опыт, полученный в ходе отражения черкесских набегов на Черноморскую кордонную линию на Кавказе.

К числу примеров использования подобных навыков можно отнести умение маскироваться, скрытно проникать в расположение противника, использовать для нейтрализации врага приемы рукопашного боя, «брать языка» и без потерь возвращаться на свои позиции [1].

Казаки Черноморского войска, несмотря на сложные метеоусловия, такие как жара, дождь, снег, могли сутками находиться в дозоре, подмечая новые пути передвижения войск неприятеля, расположение позиций артиллерии и траншей вражеских солдат. Они «слушали землю», то и дело находя подкопы и туннели, сделанные вражескими минерами.

В ходе обороны Севастополя пластуны, в отличие от солдат регулярной армии, выполняли широкий спектр задач. Они были разведчиками, диверсантами, разбирались в артиллерийском и саперном деле. Пластуны, как и большинство казаков, были первоклассными стрелками. Им часто приходилось вести прицельный огонь прямо с передовой по отдельным солдатам противника, орудийным расчетам или ординарцам, что непременно замедляло очередную атаку неприятеля на позиции русских войск. В борьбе с кавалерией пластуны применяли стрельбу с колена, после чего бросались врассыпную. Из такого положения они расстреливали конницу на расстоянии, что приводило врага в замешательство и панику.

¹ Научный руководитель – доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Дмитриев Владислав Владимирович.

Возможность вести такой огонь им обеспечивали нарезные дульнозарядные ружья – штуцеры (с присадными тесаками) – неперменный атрибут пластунов Черноморской кордонной линии. Указанная выше маскировка достигалась, прежде всего, свободной и удобной одеждой темных тонов – обычно черной (в цвет единой формы) или серой. Также при себе у них были пороховница и мешочек для пуль, нагайка для лошадей и шашка, которую использовали с учетом требований воинского порядка или для ведения открытого боя [4, с. 16].

Таким образом, черноморские казаки наравне с другими подразделениями русской армии и флота внесли заметный вклад в 11-месячную оборону Севастополя. На поле боя и в ходе многочисленных вылазок в стан неприятеля они демонстрировали примеры доблести, храбрости, героизма.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть в дальнейшем использованы в музейной и экскурсионной работе.

Литература

1. Бартош А.А. Казачий спецназ – пластуны // [Электронный ресурс] // Сайт «Независимое военное обозрение». Режим доступа: https://nvo.ng.ru/notes/2005-08-12/8_plastuny.html.
2. Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. Перепечатано с издания 1873 г. с испр. и доп. СПб.: Русская симфония, 2005. 372 с.
3. Лукашевич К.В. Оборона Севастополя и его славные защитники. М.: Современник, 1991. 254 с.
4. Терновая Л.О. Быть пластуном – уметь особо воевать. // Альманах Казачество. 2015. № 9. С. 14–15.
5. Пластуны // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1898. Т. XXIII. С. 819.

СЕКЦИЯ «Культура России и стран Большого Средиземноморья в прошлом и настоящем»

УДК 930.85:130.2

Серёда О.Н., Широкова Е.В.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИЗРАИЛЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Культура Израиля зиждется на национальном единстве и сочетании различных обычаев и ритуалов, традиций и творческих плодов для многих поколений народов, проживающих в настоящее время в стране [1]. Целью проведенного исследования является изучение исторического взаимодействия элементов различных культур на территории современного Израиля, показать их последствия в настоящее время. Задачи: проведение теоретического исследования смешения различных культур на данной территории; поиск и разработка методического обеспечения исследования; статистическая обработка полученных данных. Израиль основан в 1948 году как единственное в мире независимое еврейское государство. Израиль – часть исторического региона Палестины. 1000 лет назад до н.э. иудеи основали на этой территории Израильское царство.

История Священной Земли включает в себя ключевые события в истории всех трех авраамических религий [2]. Для христиан – это место жерственного подвига Иисуса Христа, для евреев – это место, где находился Храм (остатки его руин в наши дни называются Стеной Плача). Рядом находится мусульманская святыня – Куббат-ас-Сахра, которое считается местом, откуда Мухаммед вознесся в небо.

В Израиле два официальных языка – иврит и арабский [5]. Сегодня Израиль гордится своим культурным и историческим наследием и историческими памятниками. В список ЮНЕСКО входят 7 объектов культурного наследия Израиля. Тель-Авив признан культурной столицей Израиля [4]. Израиль сегодня является мировым лидером по распространению и продаже литературных произведений. Величайший еврейский поэт и прозаик – один из основоположников литературного иврита Хаим Нахман Бялик. Среди выдающихся поэтов нашего времени – Моше Шамир и Ханох Бартов.

Израильская театральная жизнь представлена классическими и современными пьесами. В стране шесть профессиональных драматических театров, а также любительские театральные труппы. Самый популярный театр – Национальный театр «Габима». Известнейшим танцевальным коллективом Израиля является «Коль Дмама», его название означает «Звук и безмолвие». Страна славится своими традициями в классической музыке и джазе. Множество оркестров и музыкальных коллективов представят культуру Израиля на мировых сценах [3].

Большинство верующих евреев – иудеи. Священная книга еврейского народа – Танах (еврейское Священное Писание). Танах содержит 24 книги. Состав книг идентичен протестантской редакции Ветхого Завета, но отличается порядком расположения книг. Еврейский канон подразделяется на три части в соответствии с жанром и временем написания тех или других книг. Коллективная память еврейского народа выражена в письменных источниках, составленных древними поколениями. Национальная память поддерживается иудейским образом жизни, освежается годичным циклом еврейских праздников, и побуждает каждое поколение пережить сопричастность с народным прошлым [6].

Литература

1. Евреи // Народы России. Атлас культур и религий. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. 320 с.
2. История еврейской культуры [Электронный ресурс] // Студенчик: офиц. сайт. Режим доступа: <https://studopedya.ru/1-66573.html>.

3. Культура Израиля [Электронный ресурс] // Pro-Israel: увлекательный туристический интернет-журнал: офиц. сайт. Режим доступа: <http://www.pro-israel.ru/category/history-and-religio>.
4. История еврейского народа, под ред. Ш. Эттингера. – Мосты культуры, Гешарим, 2001. 688 с.
5. Котик-Фридгут Б. Динамика языковой ситуации и языковой политики в Израиле // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество / Под редакцией А. Д. Эпштейна и А. В. Федорченко. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 182–202.
6. Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. Новое литературное обозрение, 2005. 684 с.

СЕКЦИЯ «Историческое краеведение Севастополя и Крыма»

УДК 9(908).37

Горбачева А.Ю., Дмитриева В.В.

ЕДИНАЯ ТРУДОВАЯ ШКОЛА В СЕВАСТОПОЛЕ В 1921–1925 ГОДАХ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Система образования – это социальный институт, которому свойственна организованная система связей и социальных норм, соответствующих конкретному обществу, его потребностям и требованиям, предъявляемым к социализированной личности.

После Октябрьской революции 1917 г., в системе школьного образования произошли кардинальные преобразования. В частности, 23 января 1918 г. был издан декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», по которому церковь была полностью отстранена от участия в образовательном процессе [2, с. 374]. Отсюда следует, что советская власть направила все свои силы на создание новой школьной системы образования, главной целью которой было воспитание нового типа гражданина, будущего строителя социализма и коммунизма. В марте 1921 года на X съезде РКП (б) было объявлено, что реализация программ новой системы образования является одним из важнейших вопросов и стоит на контроле у государства.

В ноябре 1920 г. Севастополь входит в состав РСФСР. Начало 1921 г. знаменуется сложным периодом в истории города, так как происходит процесс становления и укрепления советской власти после окончания Гражданской войны. Одной из главных задач севастопольских властей в это время была ликвидация последствий Гражданской войны в системе школьного образования: *«Школа испытывала тотальный дефицит во всем. Не хватало оборудования и подходящих помещений. Еще в период Гражданской войны многие школьные здания оказались в распоряжении воинских частей. Около 80% средних и 50% зданий начальных школ на территории Крыма было занято военными»* [1].

Школьное имущество в годы Гражданской войны было практически уничтожено. Остро стояла проблема восстановления материально-технического обеспечения севастопольских школ, а также вопрос о снабжении их учебными пособиями. В 1923 году Севастополь получил первые общегосударственные комплексные программы: Государственного ученого совета (ГУС), народного комиссариата просвещения Крымской АССР, московской семилетней школы, но в силу отсутствия учебников, детям приходилось получать знания только в урочное время. В отдельных школах закупку учебников производили за счет родителей учеников.

Помещения для школы арендовали, условия часто не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. В связи с отсутствием возможности у государства обеспечивать школы всем необходимым, были приняты следующие меры: часть школ была переведена на самокупаемость, вторая часть – на платную основу. Несмотря на невысокую плату за обучение, не каждый родитель мог ее осуществить. *«Планируя перевод образовательных учреждений на финансирование из местного бюджета, предполагалось сократить их количество на 25% ... Это влекло за собой уменьшение числа школ при увеличении количества детей в группах»* [1]. «Концентрация» школ продолжалась и в период с 1922 по 1923 гг.: из 17 школ 1-й ступени было сокращено 6, а количество учеников выросло с 3351 до 4458 учащихся.

Также существовала проблема дефицита кадров: работникам приходилось прилагать *«героические усилия по выправлению работы народного образования при постоянном штате всего в 5 человек»* [3]. С 1923 г. началась массовая переподго-

товка учителей, открылись курсы «внутреннего культурного общения учительства». На этих курсах учителя обменивались опытом по применению новых программ.

К 1923 г. все большее количество севастопольских школ превращались в трудовые: «В некоторых школах появились мастерские: в школе № 4 – переплетная и швейная, № 7 – сапожная, столярная и переплетная, № 23 – швейная, № 9 – мастерская по шелководству». Но профессиональное обучение не привязывали к производству, так как связь с предприятиями установить на тот момент еще не удалось.

В 1924 г. впервые была апробирована такая форма внеклассной работы с детьми, как «летняя школа», с выездом на экскурсии по окрестностям Севастополя» [1]. Посещать единую трудовую школу должны были дети в возрасте от 8 до 15 лет. Школьная система 20-х гг. XX в. представляла собой единый тип семилетней школы с двумя ступенями обучения: I ступень – 1–4 классы, II ступень – 5–7 классы.

Таким образом, становление школьного образования в Севастополе в 1921–1925 гг. проходило специфически, педагогическим работниками приходилось заниматься с детьми в сложных условиях, с дефицитом учебников и освоением в кратчайшие сроки совершенно новой системы образования. Местные органы власти уделяли большое внимание созданию школы нового типа, этот процесс отражался в регулярных выпусках местной газеты «Маяк коммуны».

Литература

1. ГКУ «Архив города Севастополя» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sevarchiv.ru/edinaya-trudovaya-shkola-v-sevastopole>.
2. Декреты Советской власти 1917–1918 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm>.
3. Новикова Е.В. Газета «Маяк коммуны» как источник по истории народного образования в годы становления советской власти [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gazeta-mayak-kommuny-kak-istochnik-po-istorii-narodnogo-obrazovaniya-sevastopolya-v-gody-stanovleniya-sovetskoy-vlasti/viewer>.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ДОЦЕНКО: БОЕВОЙ ПУТЬ ОТ КУРСАНТА ДО ИНЖЕНЕР-КАПИТАНА I РАНГА И КАНДИДАТА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК²

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

История кафедры технической кибернетики СевГУ насчитывает немногим более 55 лет. В 1965 году в Севастопольском приборостроительном институте (СПИ) впервые был проведен набор студентов на эту кафедру по специальности «Полупроводниковые приборы».

Одним из тех, кто способствовал расцвету и развитию кафедры технической кибернетики СПИ, был участник Великой Отечественной войны, инженер-капитан I ранга, кандидат технических наук Александр Иванович Доценко.

Его биография исследуется в рамках реализации грантового проекта «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя».

В ходе изучения военной и гражданской биографии А.И. Доценко проведен поиск и сбор информации на специализированных Интернет-сайтах: «Память народа» (<https://pamyat-naroda.su/>), «Победа 1945» (<http://www.pobeda1945.su>), «Крымский виртуальный некрополь» (<http://www.memento-sevastopol.ru>), «Виртуальный некрополь Севастополя» (<http://www.tombs-sevastopol.ru>). Большое количество информации было найдено на страницах газеты «Слава Севастополя», в которой опубликовано несколько мемориальных статей об А.И. Доценко [2].

В 1941 году Александр Иванович Доценко окончил высшее военно-морское училище в Севастополе. Ждал распределения к новому месту службы, а попал на войну. Когда объявили боевую тревогу, курсанты приняли ее за учебную, но утром нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов сообщил по радио о начале войны. Уже 29 июня А.И. Доценко, получив назначение, прибыл на Балтфлот. Его дивизион был расщеплен на десяти огневых точках и держал оборону на 30-километровом рубеже на подступах к Ленинграду. К концу октября 1941 года в дивизионе оставалось в живых чуть более ста человек. Из них был сформирован экипаж бронепоезда номер 30, командиром минометной площадки которого стал А.И. Доценко.

Бронепоезд уничтожал огневые точки и живую силу врага – в мирное время о его подвигах снят кинофильм. Тяжелые бои, голод (бойцы получали по 400 граммов сухарей и кипятка), не сломили боевой дух бойцов Красной армии. Солдаты жевали хвойные иголки, кору сосны, пили отвар хвои, чтобы избежать цинги. В 1943 г. А.И. Доценко стал командиром бронепоезда «Стремительный». За смелость и выдержку в боях капитан-лейтенант был награжден орденом Красной Звезды. В 1944 году командира бронепоезда «Стремительный» А.И. Доценко назначили штурманом морского бронекатера для участия в десантных операциях. Александр Иванович был ранен, лежал в госпитале, после чего снова возвратился на фронт.

За время службы капитан 1 ранга А.И. Доценко был награжден тремя орденами Отечественной войны I и II степеней, тремя орденами Красной Звезды, орденом Богдана Хмельницкого, многочисленными медалями.

В Севастополе хорошо знали и уважали А.И. Доценко. В 1952 году он окончил с отличием Военно-морскую академию кораблестроения и вооружения им. академика А.Н. Крылова и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук [1, с. 356]. В 1956 г. был назначен начальником инженерного факультета ЧВВМУ им. П.С. Нахимова [1, с. 357]. В 1960 г. был избран заведующим

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920005.

кафедрой автоматики и телемеханики Севастопольского приборостроительного института. Капитан 1 ранга в отставке, кандидат технических наук, автор более 60 научных работ, А.И. Доценко проработал в вузе 26 лет.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. был членом научно-методического совета технических средств автоматики Минвуза СССР. Активно занимался общественной работой: был членом Военно-научного общества Севастополя, общественной организации «Жители блокадного Ленинграда».

Александр Иванович скончался 13 января 2014 года на 95-м году жизни. Почетный караул Черноморского флота орудийным залпом отдал дань памяти выдающемуся боевому офицеру, ученому и педагогу. Он внес значительный вклад в создание и развитие двух кафедр СПИ: технической кибернетики, а также автоматики и телемеханики.

Литература

1. Варганов Ю.В. Отчизны верные сыны. Выпускники и преподаватели Военно-морской академии – Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда и Герои Российской Федерации. Биографический справочник. СПб.: НПП «Система», 2007. 468 с.
2. Они познакомились в день снятия блокады и пронесли свою любовь через всю жизнь [Электронный ресурс] // Слава Севастополя. 24.01.2014. Режим доступа: <https://slavasev.ru/2014/01/24/oni-poznakomilis-v-den-snyatiya-blokady-i-pronesli-svoyu-lyubov-cherez-vsyu-zhizn/>.

**ВКЛАД ПРОФЕССОРА И.К. БОНДАРЕНКО В РАЗВИТИЕ КАФЕДРЫ
РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА²**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В 50–60-е годы XX века важнейшую роль в развитии отечественной науки и высшего образования играло поколение уроженцев 20-х годов. И поскольку Севастопольский приборостроительный институт (СПИ) создавался в эти же годы, решающий вклад в его становление внесли ветераны и «дети войны». СПИ был единственным в советский период базовым гражданским вузом Севастополя. Его история началась 9 октября 1951 года, когда приказом Министра высшего образования СССР № 489 был образован Севастопольский филиал Николаевского кораблестроительного института. В июне 1960 года Постановлением Совета министров УССР № 968 на базе филиала НКИ был создан Севастопольский филиал Одесского политехнического института (СФ ОПИ), который разместился в здании на ул. Гоголя, 14.

Активное развитие позволило вузу на вновь созданных кафедрах сформировать учебные лаборатории и научные базы, использование которых дало возможность к концу 1963 года выполнить более 30 хозяйственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, как для Севастополя и Крыма, так и для предприятий всей страны. В 1963 году СФ ОПИ был преобразован в Севастопольский приборостроительный институт, сыгравший решающую роль в становлении и развитии системы высшего образования города.

С историей СПИ, его становлением неразрывно связано и развитие кафедры радиоэлектроники и телекоммуникаций. Ее первое название – кафедра физики, электротехники и радиотехники. Впервые набор студентов на кафедру был осуществлен в 1960 году еще в СФ ОПИ. Кафедра изначально имела сильный преподавательский состав и потенциал для развития. Одним из тех, кто способствовал расцвету этого научного направления в СПИ, был участник Великой Отечественной войны Иван Кириллович Бондаренко.

Его биография исследуется в рамках реализации грантового проекта «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя». В ходе изучения военной и гражданской биографии И.К. Бондаренко был проведен поиск и сбор информации на специализированных Интернет-сайтах: «Память народа» (<https://pamyat-naroda.su/>), «Победа 1945» (<http://www.pobeda1945.su/>), «Крымский виртуальный некрополь» (<http://www.memento-sevastopol.ru/>), «Виртуальный некрополь Севастополя» (<http://www.tombs-sevastopol.ru/>). Значительный объем информации был найден на сайте кафедры «Радиотехника и телекоммуникации» СевГУ (<http://rt-sevastopol.ru/>), на котором увековечена память выдающихся преподавателей СПИ (СевГУТУ, СевНТУ), работавших на кафедре в разные годы.

Доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель РСФСР Иван Кириллович Бондаренко – создатель отечественной научной школы в области разработки автоматизированных радиоизмерительных приборов и систем СВЧ диапазона. Значительный вклад И.К. Бондаренко внес в становление и развитие кафедры радиотехники и телекоммуникаций СПИ. Иван Кириллович родился 14 марта 1928 года в селе Богдановка Близнецовского района Харьковской области. С 1933 года жил в Запорожье, с 1944 по 1951 год работал на заводе «Запорожсталь» и в тресте «Запорожстрой». Без отрыва от производства в 1952 году окончил с сереб-

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

² Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ № 20-49-920005 p_a_Севастополь «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя».

ряной медалью школу рабочей молодежи № 4 города Запорожье и в том же году поступил в Киевский политехнический институт [1].

После окончания в 1957 году Киевского политехнического института до 1969 года работал на Краснодарском заводе измерительных приборов и в Краснодарском КБ радиоаппаратуры (ККБРА), где прошел путь от инженера до начальника отдела. За время работы в ККБРА по инициативе и при непосредственном участии И.К. Бондаренко разработаны 33 типа новых серийных приборов для измерения параметров СВЧ трактов, продемонстрированных на ВДНХ и удостоенных в 1964, 1969 и 1970 годах дипломов первой степени ВДНХ [6].

В 1966 году Иван Кириллович успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1968 году за выполнение специального правительственного задания был награжден медалью «За трудовое отличие». За успешную разработку новой радиоизмерительной аппаратуры он награжден двумя золотыми медалями ВДНХ [1].

С декабря 1969 года деятельность Ивана Кирилловича связана с Севастопольским приборостроительным институтом, где он с 26 декабря 1969 года по 29 сентября 1992 года возглавлял кафедру ТОР, а затем до 2 мая 1996 года – департамент радиотехники. В 1970 году президиум Верховного Совета РСФСР присвоил И.К. Бондаренко почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР». В 1974 году И.К. Бондаренко присвоена ученая степень доктора технических наук и ученое звание профессора. Он был бессменным членом редколлегии журналов «Приборостроение» и «Вестник СевГТУ». За годы работы в университете Иван Кириллович создал научную школу в области разработки радиоизмерительных приборов и систем СВЧ диапазона. Результаты его научной деятельности отражены более чем в 250 научных публикациях и легли в основу 75 изобретений, наиболее значимыми из которых являются: «Автоматический анализатор цепей многоэлементного типа и методы его калибровки» [3] и «Повышение точности и широкополосности коммутационных измерителей комплексных характеристик СВЧ-узлов» [2]. В личном деле И.К. Бондаренко [1] содержится список из 101 научной работы [4], написанной им (самостоятельно и в соавторстве) за период работы в университете с 1975 по 1992 годы.

За время работы Иван Кириллович подготовил 35 специалистов высшей квалификации – кандидатов технических наук, многие из которых и в настоящее время трудятся в университете: д.т.н., профессор Ю.Б. Гимпилевич, к.т.н., доцент В.В. Саламатин, д.т.н., доцент И.А. Афонин [2], к.т.н., доцент И.В. Лащенко и другие. Наиболее известными учениками профессора И.К. Бондаренко стали А.А. Лотто и Ю.Б. Гимпилевич [3].

Иван Кириллович был инициатором создания специализированного совета по защите диссертаций «Радиоизмерительные приборы» и возглавлял его более 10 лет. Он был членом Координационного совета Министерства промышленности средств связи и членом Научного совета АН УССР по проблеме «Физика и техника миллиметровых и субмиллиметровых волн» [5], участвовал в работе профильной комиссии Совета экономической взаимопомощи стран социалистического содружества.

Иван Кириллович Бондаренко умер в Севастополе 1 июня 2000 года. Он внес значительный вклад в создание отечественной школы автоматизации радиоизмерений на СВЧ, в становление и развитие кафедры радиотехники и телекоммуникаций СПИ (СевГТУ).

Литература

1. Бондаренко И. К. (автобиография, 29.07.1969). Архив Севастопольского национального технического университета (далее – АСевНТУ). Д. 1111.
2. Бондаренко И.К. Гимпилевич Ю.Б., Афонин И.А. Повышение точности и широкополосности коммутационных измерителей комплексных характеристик СВЧ-узлов // Техника средств связи. Серия РИТ. М., 1984, Вып. 7. С. 92–98.
3. Бондаренко И. К., Гимпилевич Ю. Б., Царик Ю. И. Автоматический анализатор цепей многоэлементного типа и методы его калибровки // Измерительная техника. Серия РИТ. М., 1985. № 10. С. 30–32.
4. Бондаренко И.К., Савв К.Р., Яцевич В.П. Способ аттестации волноводных поляризационных аттенуаторов по амплитудно-фазовой зависимости // Техника средств связи. Серия РИТ. М., 1985, Вып. 7. С. 76–79.
5. Бондаренко Иван Кириллович [некролог] // Слава Севастополя № 101(20812), 3 июня 2000 г.
6. Памяти профессора Бондаренко Ивана Кирилловича [некролог]. Вестник СевГТУ. Информатика, радиоэлектроника, связь. Вып. 31. 2001. С. 3.

КРЕПОСТЬ КЕРЧЬ – ЮЖНЫЙ ФОРПОСТ РОССИИ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг., Россия по Парижскому договору 1856 года не могла (как и Османская империя) иметь на Черном море военный флот и военно-морские базы. Статья XIII договора гласила: *«Вследствие объявления Черного моря нейтральным на основании статьи XI, не может быть нужно содержание или учреждение военно-морских на берегах одного арсеналов, как не имеющих уже цели, а обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военноморского арсенала»* [2, с. 27].

В результате, Черноморский флот лишился морской базы, где бы он мог возродиться заново. Император Александр II принял решение в тяжелых политических и экономических условиях укрепить юг России вне старой морской базы – разрушенного Севастополя. Так началось строительство целого комплекса оборонительных сооружений по берегам Черного и Азовского морей: были выбраны участки района Николаева – Очаков, район Керченского пролива, район Черноморского побережья Кавказа.

Своему рождению и не обычной фортификации крепость Керчь обязана легендарной обороне Севастополя. Опыт, накопленный во время кровопролитных боев Крымской войны, лег в основу этого уникального сооружения. Крымская война обнажила все проблемы России XIX века: устаревшее оружие, армейская организация, экономика. Крепость Керчь стала первым и главным символом изменений в Российской Империи после окончания этой войны, прозванной «Нулевой мировой».

Основная цель строительства – не допустить вражеские корабли в Азовское море. Постройка крепости началась в 1857 году, она располагалась на Павловском мысу и на мысе Ак-Бурун на берегу Керченского пролива в самой узкой его части. Работами руководил полковник Антон Антонович Нат (1817–1876) – опытный военный инженер и первый комендант крепости Керчь. В октябре 1859 г. директором инженерного департамента военного министерства был назначен герой обороны Севастополя, инженер Э.И. Тотлебен (1818–1884). Эдуард Иванович учел бесценные уроки обороны Севастополя, и именно благодаря этому опыту крепость Керчь стала одной из самых мощных крепостей в Российской Империи в XIX веке.

В распоряжении императора от февраля 1857 г. было указано: дополнительно построить морские форты на оконечности косы Тузла и на рифе Ак-Бурунского мыса, чтобы более надежно перегородить пролив. Однако в дальнейшем, а именно в 1863 году, Александр II отказался от этой идеи в пользу усиления уже имевшихся береговых и сухопутных укреплений.

Какие именно ошибки в обороне Севастополя были учтены при строительстве такого грандиозного сооружения?

1. Крепость была неприступна не только со стороны моря, но и со стороны берега, а это была основная причина, из-за которой Севастополь пал: он был готов к отражению атак противника со стороны моря, но уязвим с суши.

2. Практически вся крепость, все каменные конструкции были накрыты толстым слоем грунта. Это делалось не только для маскировки, но и чтобы при попадании вражеского снаряда в конструкцию бастиона, он не наносил вреда пехоте и орудиям, которые находившимся в крепости. Ядро вязло в земле, а в случае значительного разрушения его можно было снова засыпать грунтом.

3. Был учтен опыт подземно-минной войны в Севастополе: были заранее прорыты из крепости в разные стороны около 80 туннелей по 50 метров длиной, каж-

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Рыбак Инга Валериевна.

дый из которых заканчивался тремя минными камерами. Как видим, изъянов и уязвимых мест в этой крепости просто не существовало. И самое важное, крепость абсолютно не была видна с моря.

Если говорить об оснащённости крепости, то ее боевая мощь скрыта глубоко под землей и практически не видна врагу. Она имела 600 дальнобойных орудий, и гарнизон численностью более 5 тыс. человек. Ее общая площадь – 400 га. Это 7 км абсолютно неприступных укреплений. На возведение этой крепости ушло 20 лет. На этой стройке трудились десятки тысяч человек. Это целый город, который можно не заметить и пройти в 100 м от него. Забота о солдатах, о быте людей в этой крепости была на голову выше, чем в предыдущую эпоху, потому что все рассчитывалось на длительную осаду, и желание Тотлебена и других создателей керченской крепости – сохранить жизни людей, чтобы они выполнили свое предназначение – защитить рубежи Отечества.

В момент строительства крепости Керчь император Александр II трижды посещал ее чтобы лично увидеть, как идет возведение грандиозного сооружения. В 1861 г. император прибыл в крепость впервые. Он был доволен, как проходило строительство, и после осмотра повелел: *«В честь трудов, понесенных солдатами, наименовать люнеты: левый Минского, а правый Виленского полка. А главный форт отныне именовать форт Тотлебен»* [4, с. 3].

В 1872 году Александр II в последний раз посетил Керченскую крепость, которая была полностью достроена, поэтому он остался *«весьма довольным отделкой береговых батарей»* [1].

Но 6 июля 1907 году Николай II принял решение: *«крепость Керчь упразднить, защиту Азовского моря от малых судов противника возложить на минные средства морского ведомства, с целью обороны минных заграждений в Керчь-Еникальском проливе иметь запас орудий для вооружения временных батарей...»* [3].

Основной причиной упразднения крепости Керчь стало отсутствие серьезной угрозы со стороны моря, а также то, что с каждым годом оружие и техника становились все совершеннее, следовательно, необходимо было постоянно модернизировать саму крепость, чтобы она оставалась боеспособной в случае военных действий, но для этого были необходимы большие денежные затраты.

Подводя итог, можно сказать, что Керченская крепость была важнейшим военным форпостом России в Крыму после Восточной войны. Ее строительство длилось несколько десятилетий, и все это делалось с целью защитить южные границы Отечества. Она ни разу не использовалась в боевых целях. Но, учитывая ее мощь и маскировку, можно однозначно сказать, что в случае попытки прорыва вражеского флота в Азовское море, он был бы уничтожен.

Литература

1. Крепость Керчь (Тотлебен). Рождение [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pantikapei.ru/krepost-kerch-totleben-rozhdenie.html>.
2. Парижский трактат 1856 года // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/paris.htm>.
3. РГВИА. Ф. 504. Оп. 9. Д. 1006. Л. 19–21.
4. Стародубцев В.М. Следы истории на мысе Ак-Бурун // Режим доступа: <https://kerch.com.ru/articleview.aspx?id=1589>.

УДК 94(477.75)“1954–1975”

Николаева М.Ю.¹

РОЛЬ ВЕТЕРАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИНЖЕНЕР-КАПИТАНА I РАНГА В.М. РУДЕНКО В РАЗВИТИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВЫСШЕГО ВОЕННО- МОРСКОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА²

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

15 декабря 1951 г. военно-морской министр СССР Н.Г. Кузнецов издал приказ № 00827 о строительстве и формировании Третьего Высшего военно-морского инженерного училища в Севастополе в бухте Голландия на базе недостроенного комплекса зданий Морского кадетского корпуса [1, с. 8]. Эта дата считается днем основания училища и отмечается ежегодно.

За почти полувековую историю существования Третье ВВМИУ, в 1964 году (после ряда переименований) получившее окончательное название Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище (СВВМИУ), ярко выделялось на фоне высших учебных заведений не только Севастополя, но и Советского Союза в целом.

В 60-е гг. XX в. училище имело статус образцовой модели подготовки инженеров подводного флота. На базе училища создавались инновационные лаборатории: в 1967 году начала работу лаборатория с ядерным реактором ИР-100 [3, с. 122]. Многие годы прослуживший в училище, а с 1971 года возглавлявший его Ашот Аркелович Саркисов отмечал, что ни один энергетический ВУЗ Советского Союза на тот момент не мог похвастаться наличием столь совершенной учебно-лабораторной базы [3, с. 122–123]. Ее формирование стало уникальным историческим событием, не имеющим аналогов ни в нашей стране, ни за рубежом [3, с. 129].

В 70-е – 80-е гг. СВВМИУ было признанным военно-научным и учебным центром страны: учебно-научный комплекс училища выдвинули на соискание Государственной премии в области науки и технологий. В его стенах проводились военно-научные форумы общегосударственного масштаба [5].

В начале 90-х годов Севастопольское училище вело обучение курсантов по новейшим программам и планам, сохраняя лидирующие позиции по качеству подготовки кадров для службы на самых современных атомных подводных лодках [2].

По словам президента Российской академии наук (1991–2013), академика АН СССР Ю.С. Осипова, СВВМИУ было лучшим высшим учебным заведением, готовившим кадры для ВМФ [3, с. 4].

В декабре 2021 г. исполнится 70 лет со дня создания СВВМИУ. В статье [4], посвященной шестидесятой годовщине создания училища, капитан II ранга запаса, председатель Совета Союза Межрегиональной общественной организации ветеранов ВМФ «Союз выпускников Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища – Голландия» Александр Матвеевич Филиппов с горечью отметил, что «на настоящий момент государство и общество не осознало значения училища для обороноспособности страны, его вклада в подготовку инженерных, научных кадров для подводного флота страны, и что Россия потеряла с прекращением деятельности СВВМИУ» [4].

Десятилетие, отделяющее настоящий доклад от статьи А.М. Филиппова, несколько изменило положение дел. Возможно, государство и общество еще не в полной мере осознали значение училища для обороноспособности страны (хотя отмеченные ранее положения, в принципе, изначально не позволяют усомниться в этом), но определенно оценило его роль в системе высшего военного образования

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Хапаев Вадим Вадимович.

² Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ №20-49-920005 p_a_Севастополь «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя».

СССР. Об этом свидетельствует и возросший интерес исследователей к истории становления и развития СВВМИУ и других военных вузов Севастополя.

Вместе с тем, изучение истории функционирования какого-либо учебного заведения не может быть отделено от изучения вклада отдельных сотрудников в его развитие.

Именно благодаря усилиям личного состава СВВМИУ превратилось в лучший вуз ВМФ. Среди тех, кто стоял у истоков этой трансформации, заметно выделяется фигура Валерия Митрофановича Руденко. В мае 1954 года он был переведен из Высшего военно-морского инженерного ордена Ленина училища имени Ф.Э. Дзержинского, которое базировалось Ленинграде, на должность старшего преподавателя в СВВМИУ. В течение 15 лет, с мая 1960 года, Руденко был начальником кафедры Специальных (атомных) энергетических установок и их боевого использования. Занимая эту должность, Валерий Митрофанович приложил немало усилий для развития училища¹.

В.М. Руденко родился 30 августа 1920 г. в станице Ильская Екатеринодарского отдела Кубано-Черноморской области РСФСР. В июле 1938 года поступил в Военно-морское инженерное училище имени т. Дзержинского (с июня 1939 года называлось Высшим военно-морским инженерным ордена Ленина училищем имени Ф.Э. Дзержинского).

В июле–августе 1941 г. курсант Руденко в составе отдельного истребительного батальона «Дзержинский» Отдельной курсантской бригады военно-морских учебных заведений Балтийского флота участвовал в оборонительных боях у города Кингисепп и на подступах к Ленинграду. В ноябре 1941 года принимал участие в обороне Москвы. В декабре 1941 – январе 1942 года был участником сражения за Волокамск. В августе 1942 года гвардии младший инженер-лейтенант Руденко вернулся в родное училище, находившееся в эвакуации в столице Азербайджанской ССР городе Баку, и окончил его в марте 1944 г. По выпуску инженер-лейтенант Руденко назначен командиром группы БЧ-5 (электромеханической боевой части) подводной лодки «Л-22» I дивизиона ПЛ Краснознаменной бригады подводных лодок Северного флота в Молотовск (ныне – Северодвинск). Командуя БЧ-5 подводной лодки «Л-22», инженер-лейтенант В.Ф. Руденко зарекомендовал себя дисциплинированным офицером: он проявил исключительную энергию, грамотность и настойчивость в выполнении задач, стоявших перед кораблем.

В 1947 году старший инженер-лейтенант Руденко был назначен инженер-механиком дивизиона подводных лодок Краснознаменной ордена Ушакова I степени бригады подводных лодок Северного флота и служил на этой должности до января 1950 года. С января 1950 по июнь 1953 г. учился в адъюнктуре родного ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде, затем служил там же преподавателем по подготовке специалистов по паросиловым и дизель-электрическим корабельным энергетическим установкам ВМФ.

В мае 1954 г. Валерий Митрофанович Руденко стал преподавателем ВВМИУ в Севастополе. 1 октября 1954 года училище было преобразовано в третье Высшее военно-морское инженерное училище подводного плавания, которому предписывалось готовить офицеров-инженеров для службы на подводных лодках. Для этого создавалась кафедра «Энергетические установки подводных лодок и их боевое использование». Инженер-капитан II ранга В.Ф. Руденко, обладавший большим практическим и теоретическим опытом, стал одним из ее ведущих преподавателей.

В ноябре 1958 г. была образована кафедра «Атомные энергетические установки подводных лодок и их боевое использование», и В.М. Руденко, защитивший к тому моменту диссертацию на соискание степени кандидата технических наук, стал ее начальником.

С мая 1960 г., после образования специального факультета, кафедра стала называться кафедрой «Специальных (атомных) энергетических установок (СЭУ) и их

¹ Все сведения о жизненном пути В.М. Руденко предоставлены его сыном Игорем Валерьевичем Руденко в ходе личной переписки с автором по электронной почте и через социальную сеть ВКонтакте. Скрин-шоты бесед хранятся в личном архиве автора.

боевого использования». Инженер-капитан I ранга В.М. Руденко, доцент, а с 1974 года профессор, до 1975 года бессменно служил начальником этой кафедры.

Ее личный состав обеспечивал изучение и отработку вопросов устройства и эксплуатации ядерных энергетических установок атомных подводных лодок, внес существенный вклад в обеспечение учебных практик курсантов на кораблях флота и производственных предприятиях. В том, что Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище в течение многих лет было лучшим военно-морским учебным заведением в Военно-морском флоте СССР, есть огромная заслуга этой кафедры и ее руководителя.

Литература

1. Боднарчук В.И. Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Выпуск за выпуск. Севастополь: РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2016. 292 с.
2. Бойко В.Н. История бухты Голландия в Севастополе [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.simvolika.org/mars_146.htm#part1.
3. Саркисов А.А. Воспоминания, встречи, размышления, ситуации. М.: Комтехпринт, 2012. 563 с.
4. Филиппов А.М. Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище: Атлантида инженеров подводного флота [Электронный ресурс] // История в подробностях. 2011. № 2 (8). С. 88–95. Режим доступа: <http://moov-vmf.ru/statya.-atlantida-inzhenerov-podvod>.
5. Чупрынин С.Я. Севастопольское инженерное. Очерк истории Севастопольского высшего военно-инженерного училища/ под ред. А. А. Саркисова [Электронный ресурс] // Севастополь, 1976. Режим доступа: <http://books.svvmiu.ru/chuprinin/part6.htm>.

МЕМУАРЫ И.Д.ПАПАНИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Мемуары как вид исторического источника имеют свои особые характеристики: наличие эксклюзивной информации, которую невозможно обнаружить в других источниках, описание подробностей и деталей как отдельных исторических событий, так и психологических нюансов в отношениях между их непосредственными участниками. Ориентированность современной исторической науки на усиление гуманистической составляющей в исследованиях с целью более полного раскрытия роли разных личностей в истории, актуализирует необходимость разработки поставленной в данной публикации проблемы.

Предметным полем для изучения служат мемуары уроженца Севастополя, знаменитого исследователя Арктики, дважды Героя Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина (1894–1986). Оправдан этот выбор масштабностью этих воспоминаний, охватывающих многообразную государственную и научную деятельность И.Д. Папанина, включавшую, в том числе, участие в революционном движении и Гражданской войне в России.

И.Д. Папанин родился в бедной семье севастопольского портового рабочего. Его отец был отставным матросом, а мать домохозяйкой. В многодетной семье, испытывавшей острую нужду, Иван Дмитриевич уже с 6 лет старался помогать родителям. Революцию 1905 г. он встретил в 11-летнем возрасте в Севастополе. Город был очагом революционного движения на Черноморском флоте, кульминацией которого стало восстание на крейсере «Очаков» под руководством лейтенанта П.П. Шмидта. Сцена подавления этого выступления правительственными войсками произвела огромное впечатление на сознание юного И.Д. Папанина, который описал в своих мемуарах очень яркие картины произошедших трагических событий: *«"Очаков" пылал. Метались в дыму и огне люди, прыгали в воду, пытались вплавь добраться до берега. До сих пор у меня мороз по коже, когда вспоминаю крики матросов: "Братцы! Горим!" ... Все были потрясены жестокостью расправы. Плывших к берегу безоружных матросов прикалывали штыками солдаты ... До поздней ночи не расходились с набережной севастопольцы. Догорал расстрелянный корабль. Словно почернела и грозно притихла бухта!»* [1, с. 7].

Анализ текста мемуаров позволяет сделать вывод, что расправа над П.П. Шмидтом и его соратниками оказала большое влияние на И.Д. Папанина в плане формирования его убеждений как сторонника революционного движения.

После окончания начальной школы в 1909 г. И.Д. Папанин начал работать учеником токаря на заводе по изготовлению навигационных приборов. В 1914 г. его по призыву определили служить на Черноморский флот. Как позже писал Иван Дмитриевич: *«Служба была тяжелой. Много бессмысленного и злого увидел я на царском флоте. Сколько раз наблюдал настоящие побоища...»* [1, с. 20].

В соответствии со своими убеждениями, после Октябрьской революции 1917 г. И.Д. Папанин вступил в первый Черноморский отряд Красной гвардии.

В момент оккупации Крыма войсками кайзеровской Германии весной 1918 г. И.Д. Папанин находился в Севастополе, но затем сумел попасть на территорию, которую контролировали красные, чтобы продолжить борьбу в рядах вооруженных сил Советской России. В 1919 г. он стал членом РКП(б), а в 1920 г. был назначен комиссаром оперативного отдела штаба морских и речных сил Юго-Западного фронта. Впоследствии И.Д. Папанин, по своей личной просьбе, был откомандирован

¹ Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Белоглазов Роман Николаевич.

в отряд А.В. Мокроусова, который по приказу Реввоенсовета Юго-Западного фронта был уполномочен организовывать партизанскую борьбу в тылу белых на территории Крыма.

Высадка на полуостров группы А.В. Макросоусова (11 человек) у поселка Капсихор существенно активизировала деятельность крымских партизан, которые к сентябрю 1920 г. уже насчитывали 500 штыков, организовывали рейды и диверсии в тылу Белой армии. При этом И.Д. Папанину приходилось неоднократно выполнять ответственные и опасные поручения, в том числе по организации связи с основными силами Красной армии, поставок оружия и боеприпасов, что было отмечено командующим Южным фронтом М.В. Фрунзе [1, с. 37].

После завершения основных боевых действий в Крыму, И.Д. Папанин остался на полуострове и был назначен на должность коменданта Крымской Чрезвычайной комиссии (далее – ЧК). На основании этого факта некоторые современные исследователи и публицисты предвзято и однобоко характеризуют данный период его служебной деятельности, исходя из того, что Крымская ЧК якобы в основном занималась осуществлением «красного террора». Однако мемуары Ивана Дмитриевича свидетельствуют, что ситуация в регионе была намного сложнее подобных упрощенных схем, так как советским правоохранительным органам приходилось подавлять не только врангелевское подполье, а вести борьбу с уголовной преступностью, ликвидировать хаос и анархию, порожденные Гражданской войной, на пределе всех своих возможностей.

Очень красноречивым в этом отношении является следующий фрагмент его мемуаров: *«Я проводил облавы, обыскивал подозрительные дома, выезжал в крымские леса с отрядами ЧК ловить белобандитов, экспроприировал ценности у богачеев, которые не успели эмигрировать. В меня стреляли, и я стрелял. Иногда со злостью думал, что на фронте было легче и проще. И ночью, и днем мы жили как на передовой, спали не раздеваясь. Нередко пальба начиналась под окнами ЧК. Утром составлялась грустная сводка: убийств – столько-то, грабежей, краж со взломом – столько-то, похищено ценностей – на столько-то. Почти все чекисты жили на конспиративных квартирах, периодически их меняя. И у меня были такие квартиры. Отправляясь домой, я всегда наблюдал, не идет ли за мною кто-нибудь. Это была не трусость, просто разумная осторожность: мы и так теряли одного работника за другим. Одних убивали из-за угла, другие гибли в перестрелках, третьи – при обысках. Были и такие, что гибли бесславно, но их – считанные единицы»* [1, с. 48].

Из этого текста следует, что И.Д. Папанин, как и другие его сослуживцы, применял табельное оружие в условиях конкретной оперативно-боевой обстановки, что характерно для любых правоохранительных подразделений независимо от исторической эпохи или их государственной принадлежности. На этой фактологической базе нельзя сделать вывод о том, что он занимался «приведением в исполнение приговоров» и «карательными операциями», как это пытаются интерпретировать в некоторых тенденциозных и некорректных с научной точки зрения публикациях.

Таким образом, воспоминания И.Д. Папанина отразили личные впечатления, взгляды и эмоции одного из государственных деятелей советской эпохи и представляют уникальность в плане описания целого ряда военно-политических событий революции и Гражданской войны. Изложенный в них фактический материал не утратил актуальности для изучения соответствующего периода в истории России.

Литература

1. Папанин И.Д. Лед и пламень [Электронный ресурс] // Сайт «Военная литература». Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/papanin_id/index.html.

СЕКЦИЯ «Политический процесс в региональном измерении: теория и практика»

УДК 324

Агеева А.А.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИСПАНИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Электоральный аспект регионального вопроса в Испании стоит достаточно остро при условии, что формирование демократической электоральной системы еще не пришло к своему логическому завершению. В 2019 году в Испании были проведены все типы выборов, включая парламентские, региональные, муниципальные и выборы в Европарламент. Досрочные парламентские выборы проводились обособленно в апреле и ноябре. При этом стоит упомянуть, что проведение выборов в Генеральные Кортесы было назначено на 2019 год намеренно: одной из основных проблем электорального цикла в Испании является на сегодняшний день невысокая активность электората и относительно низкая явка в контексте выборов в Европарламент, в то же время парламентские выборы внутри государства являются основополагающим событием политической жизни для избирательного большинства, ввиду чего, с целью повышения внимания к европейским выборам, произошла некоторая консолидация в вопросе определения даты всех типов выборов [5]. Более того, европейские, региональные и муниципальные выборы происходили одновременно на одних и тех же избирательных участках.

Попытка повысить интерес испанских избирателей к выборам в Европарламент коррелирует с интересами государства на международной арене, в частности, если говорить о «Народной партии», которая в 2011 году под председательством М. Рахоя одержала победу с абсолютным большинством мест в нижней палате Генеральных Кортесов, то ее представления о месте Испании в мире включают в себя немаловажный пункт о том, что основным приоритетом испанской внешней политики является Евросоюз [1, с. 140]. Таким образом, можно сделать вывод, что укрепление интегрированности Испании в Евросоюз является одним из приоритетных направлений внутри и вне государства, что оказывает значительное влияние на политический процесс на парламентском уровне. Так, можно говорить о том, что победа «PSOE» на выборах в Европарламент оказала положительное влияние на имидж партии и укрепила ее позиции внутри Испании [5].

Евросоюз в период с 2014 по 2020 гг. выделил 351,8 млрд евро на решение задач и осуществление соответствующих мероприятий в рамках «политики сплочения» [3, с. 40]. Финансовая помощь со стороны Евросоюза носит серьезный характер для Испании, устройство которой на начальном этапе формирования демократической системы помогло избежать очередного витка авторитарности, однако со временем привело к нарастанию сепаратистских настроений в национальных регионах, «регионах-донорах». «Квази-федеративность» Испании влечет за собой ряд проблем и в электоральном контексте. Например, распределение мандатов, несмотря на «децентрализованность власти», в основном, приходится на столицу. Мадрид как избирательный округ обладает наибольшим количеством мандатов, при этом в период с 2000 по 2011 гг. Каталония в зависимости от нарастающих в ней настроений то лишалась одного мандата, то возвращала его себе [2, с. 58–59]. Таким образом, несмотря на остроту вопроса сплочения Испании, которую ощущает и само государство, и Евросоюз, наблюдаются последствия ушедшего авторитарного режима: манипуляции с мандатами в угоду воплощению определенной политической

тактики, существование до недавнего времени четырехпартийной системы, которая по прошествии выборов 2019 году полностью трансформировалась в пятипартийную, невозможность согласованного взаимодействия между партиями при создании партийных коалиций. На сегодняшний день можно говорить о том, что взаимодействие внутри партийной системы как между партиями и избирателями, так и между партиями собственно замедляет развитие политического процесса внутри Испании, выступая неизменным последствием существования франкистского режима.

Четырехпартийная, а на сегодняшний день уже пятипартийная, система сформировалась в Испании относительно недавно, особенно учитывая тот факт, что во время выборов в 2011 году было принято рассматривать две основные партии и оценивать систему государства как двухпартийную [6]. Со временем, беря во внимание ситуацию с коррупционными скандалами вокруг «РР», политическая экосистема Испании благоприятствовала усилению иных партий, например: «Ciudadanos», «Podemos» и «Vox».

Тем не менее, идеологическая направленность перестала быть определяющим фактором в выборе партии, во-первых, потому что для Испании характерны общеевропейские процессы трансформации политической элиты из «идеологически настроенной» в «экономически эффективную», то есть избиратели в первую очередь в настоящее время ориентируются на оценку экономического уровня государства, а во-вторых, потому что появление и усиление новых партий произошло в контексте поддержания или отвержения уже существующих двух [1, с. 139].

По сути, взаимодействие между партиями в настоящий момент выстраивается не как между отдельными организационными единицами, а как между трансформирующимися в зависимости от политической ситуации союзами. Так, например, «PSOE» и «Podemos» находились в тесной консолидации до выборов 2019 года, четко противопоставляя линии партий «РР», «Ciudadanos», «Vox». Однако после победы «PSOE» на парламентских выборах в апреле 2019 года возникла проблема невозможности согласования состава Правительства Испании, так как «PSOE» была настроена на отчуждение других партий от реального управления внутри Генеральных Кортесов. Повторные выборы в ноябре 2019 года являются очень показательными, так как явка на них избирателей с 2011 года оказалась самой низкой, составив 66,23%, что есть следствие падения доверия по отношению к «PSOE» и «Podemos» ввиду нарастающей напряженности между ними в вопросе формирования Правительства и неконкретной позиции «Podemos» на этот счет [5].

В то же время «Vox», являющаяся самой правой партией на сегодняшний день в Испании, укрепила свои позиции именно благодаря четкой позиции в отношении действий «PSOE». Таким образом, можно сказать, что позиции партий в Испании на данный момент далеки от идеологического аспекта и зиждятся, в основном, на ситуационно-прикладном факторе формирования отношения электората. При этом, несмотря на значительное расширение партийной системы с 2011 года, представляется все еще актуальным говорить о «двунаправленности» политических идей, излагаемых партиями в Испанском государстве [4, с. 256–257].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что политическая система Испании, в частности в избирательном контексте претерпевает изменения до сих пор, что является прямым следствием ранее существовавшего авторитарного режима. Избирательная система, несмотря на свою формальную завершенность и «безупречность» в отношении подсчета голосов избирателей, имеет ряд острых нерешенных вопросов: взаимодействие и представительство партий, распределение мандатов в рамках «сплочения» Испании, относительно низкая избирательная активность и электоральная явка, неполная согласованность государственной и региональной политических избирательных систем.

Литература

1. Аникеева Н.Е. Актуальные проблемы Испании // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6(39). С. 138–143.
2. Арбатская М.Н. Всеобщие выборы в постфранкистской Испании: анализ списочного числа и электоральной активности избирателей // Избирательное право. 2015. № 1. С. 57–65.
3. Захаров А.Н., Серединская К.С. Инструменты региональной политики Испании // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 12. С. 33–41.
4. Кучеренко К.В. Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5(26). С. 255–259.
5. Мармилова Е.П. Об итогах электорального цикла–2019 и порядке проведения выборов в Королевстве Испания // Electoral politics. 2019. № 2. С. 1–5.
6. Хенкин С.М. Испания теряет управляемость [Электронный ресурс] // Сайт «Российский совет по международным делам». Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ispaniya-teryet-upravlyaemost/>.

ЧЕЧЕНСКАЯ ДИАСПОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИОРДАНИИ

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

Современный политический процесс в различных государствах тесно связан с диаспоральным фактором. Роль диаспоры в социально-политической жизни различных стран особенно отчетливо проявляется в многонациональных и сложно структурированных с этнической и конфессиональной точек зрения государствах, к которым, безусловно, можно отнести страны Ближнего Востока. В этом контексте значительный научно-исследовательский и практический интерес представляет анализ позиций чеченской диаспоры в Иордании в силу ее монолитности и реального влияния на внутри- и внешнеполитические процессы. Последнее усиливает актуальность исследования в связи с расширением внешнеполитических возможностей России в ближневосточном регионе.

Становление чеченской диаспоры, как важного фактора политической жизни Иордании, исторически связано с двумя следующими факторами. Во-первых, правящая династия лояльно относилась к чеченской диаспоре, в силу того, что ее представители были основателями оседлых поселений в Заиорданье, где уровень их землевладельческой культуры был существенно выше, чем у окружающих бедуинских племен, в результате чего именно они закладывали основу формирования и становления иорданской государственности. Во-вторых, чеченцы были своего рода противовесом «наплыву» арабов-палестинцев, т.к. возникла определенная угроза «поглощения» ими коренных иорданцев, и поэтому власти Иордании, имея традиционно хорошие отношения с потомками северокавказских переселенцев, в виде поддержки чеченской диаспоры противостояли «палестинской угрозе» [1].

Согласно источникам из чеченской диаспоры Иордании, община чеченцев в этой арабской стране появилась в 1899 году, когда «группа чеченских «махаджиров» (от 1-ой кавказской войны) из нынешних Ножай-Юртовского и Веденского районов, возвращаясь после хаджа из Мекки в Турцию, специально остановилась в Иордании, чтобы выбрать себе место для будущего поселения – ныне это город Эз-Зарка. Численность чеченской общины в Иордании ныне составляет около 16 тыс. чел. Считается, что эта община самая организованная. Она также обладает своим выборным органом – джамаат из 12 человек, который «ведает вопросами внутренней жизни, ведет культурно-просветительскую работу и т.д.» [2].

Один из наиболее известных исследователей чеченской диаспоры в Иордании В. Кайлани говорит о высоком уровне сохранения собственной культуры среди иорданских чеченцев. В. Кайлани объяснил некоторые способы, благодаря которым чеченцы сумели сохранить свое чувство идентичности в течение последних ста лет, даже после больших миграционных волн бедуинов и палестинской иммиграции в Иорданию в течение XX века [4]. Одним из основных способов сделать это было использование чеченского языка. В то время как молодые чеченцы могут использовать арабский язык в качестве средства межнационального общения, большинство чеченцев по-прежнему говорят на своем родном языке между собой, хотя они часто не могут читать или писать на нем. Сохранение определенных символов чеченской культуры, включая одежду и брачные обычаи, является еще одним способом сохранения чеченской общины в Иордании.

Различные исследователи этно-политических процессов Иордании дают оценку тому, как иорданское население относится к чеченскому меньшинству в стране, и о природе чечено-палестинских отношений в Иордании [5]. Отмечается, что, изучив отношения чеченцев с правящей семьей Иордании, чеченское население, хотя и очень маленькое, приобрело репутацию чрезвычайно лояльного к династии Хашимитов и широко представлено на высоких постах в правительстве и армии Иордании. Эти отношения между иорданскими чеченцами и правящей Хашимитской семьей

можно проследить до того времени, когда чеченская община в Иордании поддержала короля Абдаллу I, еще в первый его приезд в регион из Аль-Хиджаза (Саудовская Аравия). Уже затем он построил свой дворец в Аммане. Со времени создания Королевства Иордания чеченская община страны поддерживает мирные отношения со своими арабскими соседями.

Таким образом, располагая даже этими самыми общими данными, мы видим, что чеченская диаспора достаточно прочно вплетена в общественно-политическую жизнь Иордании. Также это можно доказать следующими фактами. Город Эз-Зарка, являющийся центром чеченцев в Иордании, и его муниципалитет главным образом возглавляются чеченцами. Чеченцы Иордании расселены также в Сувейлахе, Сухне, Азрак-Шишан, которые были основаны чеченцами, а также в Аммане. При этом, например, в Сувейлахе чеченцы открыли первую общеобразовательную школу в Иордании [3]. Представители чеченской диаспоры работают в непосредственном окружении короля, наследного принца, премьер-министра и парламента, занимают ответственные посты в силовых ведомствах, МИД и др.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на небольшой удельный вес в общем населении Иордании, чеченцы оставили значительный след в истории этого арабского государства и продолжают оказывать значительное влияние на различные сферы общественно-политической жизни Хашимистского Королевства. Этнические чеченцы являются консолидированной национальной группой, сохраняющей традиции своего народа. Представители чеченской диаспоры занимали и продолжают занимать высокие посты в Иордании. Они формируют различные общественные организации, фонды и сообщества. Добавим, что помимо внутренней политики, высока роль чеченцев и во внешнеполитической сфере.

Литература

1. Ганич А.П. Черкесская диаспора Иордании (самоидентификация, представления об исторической родине и влияние на ситуацию на Северном Кавказе) // Центральная Азия и Кавказ. 2003. №. 1. С. 25–36.
2. Иорданская община чеченцев [Электронный ресурс] // Чечен Инфо. Режим доступа: <http://www.checheninfo.ru/19442-1899-g-iordanskaya-obschina-chechencev.html> (дата обращения: 10.01.2021).
3. Чеченские города Иордании [Электронный ресурс] // Режим доступа: Чечен Инфо. URL: <http://www.checheninfo.ru/195319-jes-suhna-chechenskie-goroda-v-iordanii.html> (дата обращения: 15.01.2021).
4. Chechens in the Middle East: Between Original and Host Cultures [Электронный ресурс] // Режим доступа: Belfer Center. URL: <https://www.belfercenter.org/index.php/publication/chechens-middle-east-between-original-and-host-cultures> (the date of access: 20.01.2021).
5. Garsaev I. M. Et al. On the Role of the Chechen Diaspora in the Development of Culture, Literature and Sports of Jordan // Tallam. 2019. №. 2. P. 29–32.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕРБСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Карта Балкан подверглась существенным изменениям в XIX веке. В данный период Порты переживала кризис, что позволило активизировать процессы возрождения государственности у находящихся в зависимости от османов балканских народов, которые сопровождалось подъемом национального самосознания. Наиболее удачным в этом плане является опыт сербов. Получив статус автономного княжества в составе Османской империи, Сербия предприняла попытки определить собственную политику по отношению к великим державам, соседним государствам и народам. В связи с этим особое внимание представляет сербский национализм второй половины XIX – начала XX вв., существовавший в виде тайной программы внешнеполитических устремлений Сербии – «Начертания» Или Гарашанина.

Актуальность заявленной темы заключается в том, что представления, изложенные в «Начертании», не только задали вектор внешнеполитического движения сербского государства, но и на долгие годы определили характер взаимоотношений сербов с народами Балканского полуострова.

Изучением данной тематики в различной степени занимаются такие авторы, как М.В. Белов, Е.Ю. Гуськова, А.В. Карасев, Е.П. Кудрявцева, К.В. Никифоров и другие.

«Начертание» И. Гарашанина стало основополагающим документом своего времени, отражающим достижения сербской политической мысли [7, с. 73]. Однако составление фундаментальной программы происходило преимущественно под влиянием правой польской интеллигенции, а именно эмигрантов Адама Чарторыйского и Франьо Заха.

Бывший министр иностранных дел России А. Чарторыйский в 1843 г. в Париже составил свое видение сербского государства на Балканах. В «Conseils sur la conduite à suivre par la Serbie» (в российской историографии – «Советах») Сербия рассматривается как центр, вокруг которого должны консолидироваться славянские народы, зависимые как от Австрии, так и от Порты. В качестве политических ориентиров рассматриваются Франция и Англия. Территориальное расширение Сербии предполагается за счет постепенных уступок со стороны ослабевающей Османской империи.

Схожие с «Советами» позиции были представлены Ф. Захом в его концепции развития сербского государства или «Плане славянской политики Сербии». Отличие данной программы заключается в большей конкретности и убежденности ее автора в том, что получение независимости возможно революционным путем.

В результате, заимствуя вклад польских идеологов и используя собственные идеи и опыт, И. Гарашанин в 1844 г. оформил долгосрочную национальную программу, направленную на освобождение сербских земель и их объединение вокруг княжества, которая станет ориентиром развития на ближайшие 70 лет [2, с. 169]. Ключевым моментом для автора являлось, прежде всего, решение сербского вопроса, которое выражалось в создании независимого национального государства.

Согласно «Начертанию», наибольшим влиянием Сербия могла пользоваться в Боснии, Герцеговине, Черногории и Северной Албании. Данные территории обеспечивали выход к Адриатическому морю, что в свою очередь способствовало уменьшению экономической зависимости Сербии от Австрийской империи. В связи с этим установление контроля над ними становилось одной из главнейших задач. В программе также уделяется внимание политике сербского народа по отношению к Болгарии, славянам

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки и философия» Севастопольского государственного университета Нелина Лариса Павловна.

Чехии и воеводинским сербам. Таким образом, основная идея заключалась в стремлении сплотить все сербские народы, окружающие Сербию [7, с. 77–81].

После принятия «Начертания» были предприняты действия по реализации программы. В частности, на территории, которые воспринимались как составные части Сербии, были отправлены агенты для получения информации о состоянии социальных и политических дел в этих землях. Однако, в целом, сербской элите удалось достичь желаемого далеко не в полной мере. Прежде всего, это связано с внутривнутриполитическим расколом сербского правящего класса, частой сменой правителей и их политическими ориентирами. Также на реализацию программы значительное воздействие оказали международная обстановка в регионе и территориальные конфликты балканских государств.

Не менее значимую роль в формировании сербской государственности и определении дальнейшего развития Сербии сыграли славянофилы, такие как А.С. Хомяков, И.С. Аксаков и другие. Составленное А.С. Хомяковым в конце 1859 г. «Послание» представляло некоторое духовное обращение к сербам, в котором отсутствовало что-либо политическое [5, с. 75]. Поначалу неоцененное «Послание» оказало, как утверждает А.Л. Шемякин, колоссальное влияние на формирование идеологии творца Югославии Николы Пашича [5, с. 81]; [8, с. 301–318].

Исследование концептуализированных во второй половине XIX века идейных основ сербского национализма позволяет понять ход общественно-политических событий не только в Сербии, а в последующем в Королевстве Югославия и социалистической Югославии, но и в регионе в целом. Обращение к этим идеям в XX и XXI вв. показывает их укорененность и актуальность в политике.

Литература

1. Белов М.В. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. № 1. С. 205–211.
2. Гуськова Е.Ю. Шешель В. Идеология сербского национализма / Е.Ю. Гуськова // М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 2007. С. 166–174. Рец. на кн.: Шешель В. Идеологија српског национализма: научно и публицистичко дело проф. Др. Лазе М. Костића. Београд: Велика Србија, 2002. 1024 с.
3. Карасев А.В. Сербская национальная идея и внешняя политика Сербии в 60-х – 70-х гг. XIX века // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2008. С. 194–208.
4. Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М.: Издательство «Квадрига», 2009. 264 с.
5. Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Т. 1 / Б.Н. Тарасова. М.: «Языки Славянской Культуры», 2007. С. 69–81.
6. Никифоров К.В. Историография программы «Начертание» // Славяне и Россия, 2015. С. 46–73.
7. Никифоров К.В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: «Индрик», 2015. 256 с.
8. Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Издательство «Индрик», 1998. 448 с.

ПАРАДИГМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Национализм является одним из ключевых факторов политической истории. Он играет центральную роль в национальных движениях, определяет политическое сознание и ценности целых социальных общностей.

Несмотря на это, вплоть до начала XX века данный феномен не получил должного теоретического осмысления. Впрочем, и на сегодняшний день не существует единой теории национализма. Вместо этого в науке представлены несколько различных методологий его исследования и объяснения.

Цель данной работы заключается в анализе каждого направления для определения их взаимосвязи и влияния на последующие научные изыскания в этой области.

Первой парадигмой изучения национализма был примордиализм. С этих позиций к нему подходили К. Хайес и Г. Кон, положившие начало академическому исследованию национализма. Им принадлежат следующие идеи: связь национализма с патриотизмом и религией, анализ национализма как состояния ума (выделение националистического сознания), а также первые попытки его классификации [5], [6], [7], [8]. Стоит отметить, что именно Г. Кону принадлежит идея разделения национализма на гражданский и этнический, ставшая впоследствии общепринятой.

В дальнейшем К. Дойч добавляет такой компонент, как национальные сообщения, воспоминания и образы, которые с помощью социальной коммуникации распространяют и унифицируют национальное сознание, превращая национализм в действующую идеологию для получения политической власти определенной группой [3], [4].

В конце XX века начинают применяться новые подходы к исследованию национализма: функционализм, конструктивизм и этно-символизм.

Представитель функционализма, Э. Геллнер, первым представил национализм как универсальное политическое явление и сформулировал его главные принципы (теория политической законности). Кроме того, он обосновал неиссякаемость националистических стремлений и вечного существования национализма [2]. Другие его идеи, такие как роль государственных границ, общего образования и культуры подготовили почву для появления конструктивистских теорий.

В исследованиях национализма конструктивизм утвердился благодаря Б. Андерсону. Его главным вкладом было описание того, как нация «воображает» себя единым целым и определяет свои политические границы [1]. Б. Андерсон уделил внимание историческим предпосылкам, влияющим на появление той или иной разновидности национализма, и выделил несколько его типов.

Не менее важными являются теоретические открытия Э. Смита, основоположника такого течения, как этно-символизм. Его заслугой является выделение обязательных структурных компонентов и целей национализма как политической идеологии, определение его «основной доктрины», а также признание особых культурных связей и преемственности с этнической группой [9]. Отсюда следует особая роль исторических мифов.

Обращение к истокам изучения национализма позволяет понять исходный смысл принятых классификаций и терминов, проследить их эволюцию, избежать ошибочных трактовок и выбрать наиболее подходящее объяснение для исследуемых феноменов политической жизни. На основании вышеизложенного можно констатировать, что осмысление национализма с течением времени приобрело более системный характер. Общепринятым является его трактовка как преимущественно политического явления (особой политической идеологии). Анализ основных достижений

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки и философия» Севастопольского государственного университета Нелина Лариса Павловна.

теоретиков национализма позволяет признать преемственность идей, не смотря на разные подходы и парадигмы.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. В. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
3. Дойч К. Нация и мир // Этнос и политика: хрестоматия. / авт.-сост. А.А. Празаускас. М.: УРАО. 2000. С. 111–115.
4. Дойч К. Рост наций // Этнос и политика: хрестоматия. / авт.-сост. А.А. Празаускас. М.: УРАО. 2000. С. 62–75.
5. Кон Г. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство. 2010. С. 27–61.
6. Hayes C.J.H. Nationalism: A Religion. New York: Macmillan. 1960. 187 p.
7. Hayes C.J.H. The Historical Evolution of Modern Nationalism. New York: Macmillan. 1931. 327 p.
8. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. New York: Van Nostrand. 1965. 192 p.
9. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach. New York: Routledge. 2009. 192 p.

ПОЛЬСКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ДЛЯ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Сразу же после восстановления польской государственности в 1918 г. элитами Второй Речи Посполитой предлагались различные внешнеполитические проекты, направленные на утверждение Польши в качестве ведущего государства в Центрально-Восточной Европе. Они не возникли на пустом месте, т.к. активно разрабатывались еще с XIX в. [4, с. 80–82], однако теперь могли быть воплощены на практике. В целом, в подходах к внешней политике Польши в этот период конкурируют две традиции: «ягеллонская» (Ю. Пилсудский) и «пястовская» (Р. Дмовский). Суть «пястовкой» традиции заключалась в создании государства с минимальным количеством национальных меньшинств и расширением на запад [4, с. 155–166]. «Ягеллонская» трактовка предполагала расширение польского государства на восток и основным противником польских интересов представляла Россию [8, с. 73]. Одним из проектов, лежащих в русле «ягеллонской традиции» и ассоциируемых с Ю. Пилсудским, является проект «Междуморье» (*“Międzymorze”*) [4, с. 79], предлагающий создание конфедерации народов Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии), ЦВЕ (Белоруссии, Украины, Венгрии, Чехословакии, Румынии) и Балкан под верховенством Польши.

Данный проект, однако, не был реализован в силу разногласий между потенциальными странами-участницами. Конфликты Польши с Чехословакией и Литвой подорвали доверие последних к польской политике, а восточные территории находились под контролем СССР. Агрессивная политика Ю. Пилсудского также имела негативное воздействие на соседей. Именно поэтому с Междуморьем у отечественных авторов ассоциируется именно политика «прометеизма» (проект Пилсудского, предполагающий разделение Российской империи, а затем и СССР, путем разжигания национально-освободительной борьбы малых народов). Долго культивируемая Р. Дмовским формула «если поляк, то католик» также создала основания для взаимного недоверия между православными и католиками.

Дополнительным стимулом для поиска Польшей новых организационных форм межгосударственного сотрудничества в регионе стало охлаждение отношений с Францией во второй половине 1920-х гг., воспринимавшейся как главный союзник. Дальнейшее сближение Франции и СССР вынудило Варшаву переориентироваться на Великобританию и активизировать поиск новых союзников. Все более активно проявляющийся германский реваншизм побуждал польское правительство вернуться к идеям сдерживания Германии. Но отсутствие идейного единства не позволило полякам выработать действенную политическую линию. Именно по этой причине тема создания Польско-Чехословацкой конфедерации была поднята польским правительством уже в изгнании [6 с. 67–68]. Польское правительство в изгнании продолжало видеть в Великобритании сильного игрока, поэтому они рассчитывали с их поддержкой сформировать конфедеративное государство с Чехословакией, что должно было стать первым шагом по созданию сильного альянса по типу Междуморья.

Ялтинская конференция определила внешнюю политику Польши на ближайшие четыре десятилетия. Поэтому все альтернативные социалистическому содружеству идеи развивались только в эмигрантских кругах. В первую очередь здесь следует отметить идеи Ю. Меровского, легшие в основу доктрины Гедройца-Меровского. Но, с другой стороны, польская политическая мысль в лице Меровского начала уходить все дальше от концепции польского грубого доминирования в регионе. На страницах журнала «Культура» начали транслироваться идеи о построении истинно равных отношений в регионе, о независимой Украине, Литве и Белоруссии [5]. Можно сказать, что Меровский заложил основу для современной польской политики в регионе.

Исходя из вышесказанного, следует обратить внимание на мнение Я. Шимова, который пишет, что в истории ЦВЕ могут быть выделены два основных тренда: 1) борьба за субъектность и 2) диалектика интеграции и дезинтеграции [4, с. 89]. В настоящий момент Польша является членом ряда международных организаций, которые мы можем назвать идейными продолжателями концепции «Междуморья»:

- 1) Люблинский треугольник;
- 2) Вишеградская группа;
- 3) Three Seas Initiative.

Первая и третья инициативы в данном списке представляют собой развитие «ягеллонской» и «пястовской» идей соответственно.

«Люблинский треугольник» был создан 28 июля 2020 года подписанием соответствующей декларации [3]. Данная организация является трехсторонней платформой, которая состоит из Польши, Литвы и Украины. Организация ставит перед собой цель регулирования широкого спектра вопросов: от культурного диалога, до интеграции Украины в НАТО. Также отдельно говорится о важности «LitPolUkrBrig», сформированной еще в 2014 году. Более того, Люблинский треугольник раскинулся от Балтийского до Черного моря. Расширение военного и политического сотрудничества видится закономерным в рамках «российской угрозы».

Как указано на официальном сайте «Three Seas Initiative» – *«это гибкая политическая платформа на президентском уровне»*, которая *«является региональным вкладом в укрепление трансатлантических связей»* [7]. Появившись в 2015 году, данная организация занимается расширением взаимодействия стран ЦВЕ в рамках ЕС, укреплением их политических, экономических и культурных связей [7]. Данная платформа служит для «реального сближения» стран-участниц ЕС. Пользуясь поддержкой США в данном регионе, Польша выстраивает вокруг себя блок стран, беря на себя роль некоего идейного лидера.

Переходя к выводу, можно сказать, что концепция «Междуморья» не потеряла своей актуальности для стран Центральной и Восточной Европы. Она остается актуальной особенно после событий 2014 года, и с учетом усиления влияния Германии в рамках ЕС. Блок стран ЦВЕ может стать оружием «английского» баланса для США или вышедшей из ЕС Великобритании.

Литература

1. Булахтин М.А. Восточные границы Польши в концепции Романа Дмовского / Вестник Прикамского социального института. 2019. С. 155–166.
2. Спільна декларація міністрів закордонних справ України, Республіки Польща та Литовської Республіки щодо заснування «Люблінського трикутника» [Электронный ресурс] // Режим доступа: Кабінет міністрів України URL: <https://www.kmu.gov.ua/news/spilna-deklaraciya-ministriv-zakordonnih-sprav-ukrayini-respubliki-polshcha-ta-litovskoyi-respubliki-shchodo-zasnuvannya-lyublinskogo-trikutnika> (дата звернення: 21.01.2021).
3. Шишелина Л. Н. Идея «Триморья»: от возникновения до сегодняшнего дня // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 33–38.
4. Шимов Я. Междуморье: пространство судьбы // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 79–97.
5. Mieroszewski J. Polska „Ostpolitik” (1973) [Электронный ресурс] // Teologia Polityczna. Режим доступа: <https://teologiapolityczna.pl/juliusz-mieroszewski-polska-ostpolitik> (data dostępu: 21.01.2021).
6. Prażmowska A. Britain and Poland, 1939–1943: the betrayed ally. Cambridge University Press, 1995. 252 p.
7. Three Seas Initiative Summit [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://three-seas.eu/>.
8. Troebst S. Miedzymorze I zaslubiny z morzem: Mapy mentalne a polityka historyczna w Europie srodkowo-wschodniej // Zapiski historyczne. 2006. T. LXXI, No 4. S. 73–106.

СЕКЦИЯ «Глобальные и региональные проблемы современного мира»

УДК 656.1/.5

Зубко И.А., Нехведович Д.Е.¹

ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ЛОГИСТИКИ

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Промышленная революция стала отправной точкой ускоренного роста городов как крупных промышленно развитых центров. Необходимым условием их эффективного функционирования было не только наличие соответствующей транспортной инфраструктуры снабжения производственных предприятий сырьем и доставки произведенной готовой продукции покупателям, но и обеспечение рациональной организации перемещения грузов в городской среде. С течением времени города превратились в важнейшие центры формирования и пересечения разнообразных видов потоков (материальных, пассажирских, финансовых и др.), которые характеризуются непрерывным увеличением мощности и нуждаются в постоянной регулировке с целью оптимизации городской системы.

Наиболее быстрое и эффективное решение проблем достигается благодаря внедрению логистических концепций на всех уровнях деятельности города. Городская логистика – это совокупность процессов управления перемещением лиц, груза и информации внутри логистической системы города в соответствии с потребностями и целями его развития, при соблюдении требований охраны окружающей среды, с учетом того, что город – это общественная организация, главная цель которой удовлетворить потребности своих пользователей [1, с. 296].

Выделению и дальнейшему развитию городской логистики как отдельной функциональной области способствовал целый ряд факторов. Среди наиболее значимых из них можно отметить следующие.

1. Глобальная урбанизация. На сегодняшний день городское население увеличилось вдвое по сравнению с серединой XX века. По прогнозам специалистов, доля городского населения к 2050 году составит 70%. Исторически сложилось, что сельское население мигрирует в города значительно быстрее, чем развиваются городские системы.

2. Изменение системы потребления. С ростом экономики увеличивается средний доход населения и уровень жизни. Это ведет к тому, что потребительские предпочтения не ограничиваются основными товарами, такими как продукты питания, а расширяются за счет возникновения нужды в новых видах продукции и услуг. Кроме того, в развитых странах набирают популярность интернет-магазины, которые доставляют необходимый товар на дом, в офис и любое другое удобное для клиента место. Все это увеличивает объемы грузовых перевозок и нагрузку на городскую транспортную систему.

3. Крупные города стали распределительными узлами для глобальных цепочек поставок. Поскольку расстояния, необходимые для поддержки глобальных цепочек поставок, увеличились, функция распределения приобрела новое значение, особенно в связи с созданием крупных терминалов, таких как порты, аэропорты, железнодорожные станции и распределительные центры. В результате интермодальные терминалы стали заметным элементом городского пейзажа.

¹ Научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики и ценовой политики Белорусского государственного экономического университета Дирко Светлана Владимировна.

Развитие городской логистики призвано решать проблемы городской среды, обусловленные неравномерной плотностью грузопотоков и их распределением по территории города. В ряде районов, как правило, расположенных в центральной части городов, потоки масштабны по величине и степени их концентрации. В связи с этим имеет место перегрузка коммуникаций города, возникновение заторов в продвижении потоков ресурсов, необходимых городу, осложняются работа общественного транспорта, коммунальных и социальных служб. Наладить систему городских поставок возможно благодаря внедрению единой информационной транспортно-логистической системы и созданию системы городских терминалов и городских центров распределения [3].

Другой существенной проблемой в развитии городской логистики является многочисленность поставок и их перенасыщенность. Продолжающаяся миграция людей в города и увеличение количества онлайн-покупок приводят к значительному росту количества грузовых перевозок в городские районы и внутри них. Очевидно, что без использования концепции городской логистики и стратегического планирования эти тенденции приведут к еще большим заторам на дорогах, увеличению выбросов углекислого газа, а также к неприемлемому шуму и загрязнению окружающей среды.

Особенно острый характер эта проблема приобретает в условиях пандемии COVID-19. Крупные города со своим миллионным населением переходят в режим социального дистанцирования как на основании решения правительства, так и по собственному желанию. В режиме социальной изоляции люди стремятся удовлетворить свои потребности, не выходя из квартир и домов, а следовательно, с огромной скоростью растет потребность в услугах служб доставки.

Не меньшее беспокойство вызывает значительное увеличение экологической нагрузки на городскую среду. В настоящее время на транспортный сектор приходится 35–50% выбросов парниковых газов, доля грузового транспорта при этом составляет 15–20%. Поэтому вопросы сокращения доли грузовых перевозок в черте города являются во многих странах предметом государственной политики.

Среди решений, которые могут рассматриваться как эффективные с точки зрения городской логистики и способствующие решению ранее обозначенных проблем, можно отметить инновационные концепции логистических узлов или многофункциональных городских центров. Их целью является объединение различных взаимодополняющих функций в рамках единого подхода к устойчивому развитию: платформы для разгрузки поездов и грузовиков в сочетании с погрузочными платформами для легких транспортных средств, складских и подготовительных площадок, офисов и т.д. Обязательным требованием при этом является соответствие высоким стандартам защиты окружающей среды [2].

Таким образом, эффективная реализация городской логистики на сегодняшний день представляет собой достаточно серьезную проблему для специалистов по логистике, которые должны предлагать новые организационные схемы, отвечающие коммерческим, городским и экологическим вызовам, связанным с функционированием городских территорий. Инвестиции в развитие логистики в рамках городской среды являются по сути частью завтрашних решений, которые принимаются для удовлетворения потребности каждого в соответствии с заботами всех.

Литература

1. Йонкис А. Применение логистики в сфере оптимизации потоков городского транспорта / А. Йонкис // Праці Одеського політехнічного університету / ОНПУ. Одеса, 2011. Вип. 1(35). С. 295–299.
2. Logistique urbaine: un défi majeur pour la supply chain [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.generixgroup.com/fr/blog/logistique-urbaine-defi-supply-chain>.
3. Rodrigue J.-P., Dablanc L. City Logistics: Concepts, Policy and Practice [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://globalcitylogistics.org/home/a-freight-and-the-city/what-is-city-logistics/>.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО МИРА*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

В современном мире образование стало чуть ли не самой главной средой жизнедеятельности человека. Это связано с достаточно высокой социальной ролью образования в обществе. От ориентации и результативности педагогических технологий в нынешнее время зависит потенциал будущего человечества. В настоящее время образование понимается как главное условие общественного и экономического прогресса. Основанием такого возросшего интереса является понимание того, что *«... важнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений»* [2].

Глобальные проблемы, которые появились еще в прошлом столетии, имеют прямую связь со сферой образования, которая, по причине своей ориентированности на будущее, должна принимать во внимание как текущие, так и потенциальные требования социума. По нашему мнению, центральная проблема состоит в том, что сама система образования не поспевает за активно преобразующимся миром, потому что является дополнением к иным отраслям социума, приспосабливается к их интересам и обслуживает их индивидуальные требования.

Цель нашего исследования – понять, какую роль образование играет в решении возникающих в современном мире проблем. Образование и общество крепко связаны. Любые, даже в какой-либо мере глобальные проблемы, с которыми общество и человечество в целом встречается «лицом к лицу», неминуемо оказывают влияние на ситуацию в сфере образования. Сфера образования, отзываясь на проблемы, которые возникают в обществе и цивилизации, может и должна оказывать воздействие на формирование различных веяний в мире, укреплять, либо, наоборот, замедлять их, выявлять характерные возможности урегулирования различных общественных проблем, предсказывать нецелесообразное развитие ситуаций. То есть, образование обязано своими собственными средствами оказать воздействие на глобальные геополитические процессы. *«Иными словами, переход на более высокий уровень понимания социальной роли образования связан с решением обостряющихся глобальных мировоззренческих проблем, вставших перед человечеством в новом тысячелетии»* [1].

Нынешнее образование призвано не только проецировать из года в год исключительно прагматичные сведения из разнообразных наук, транслировать багаж знаний, умений и навыков, но и вырабатывать у молодого поколения единую картину окружающей его действительности, содействовать пониманию принадлежности каждого индивида к целостному человеческому обществу, передавать духовные ценности в их общем понимании. Образование является одной из самых важных моделей формирования человека как индивида. Будучи средством передачи культуры, образование предоставляет человеку шанс не только приспособиться к обстоятельствам регулярно меняющегося социума, но и самому продемонстрировать себя, увеличивая возможности всемирной культуры.

Ныне существующая культура нацелена на ценность человека как личности, а в свою очередь, становление персональных черт индивида является одной из задач образования, поэтому конечной целью образования является воспитание культурного человека, который умеет креативно размышлять и понимать себя посредством целостного взаимодействия с окружающими его людьми и культурами.

¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета Вакулова Татьяна Владимировна.

Исходя из вышесказанного, мы понимаем, что современной культуре необходимо стать диалогичной. Потому что именно в диалоге члены общества могут прийти к решению возникающих внутри него проблем.

Исследуя проблемы современного образования в условиях существующей культуры, острых проблем всемирного масштаба, мы непроизвольно задаемся вопросом о том, способно ли образование собственными усилиями и средствами оказать влияние на решение возникших глобальных проблем? Способно ли оно остановить воздействие отрицательных тенденций и уберечь общество от негативных последствий приближающейся глобальной катастрофы. Именно на современном промежутке времени, как нам кажется, сфера образования приобретает важную роль, так как именно эта область человеческой жизнедеятельности «отвечает» за то, какими станут последующие поколения людей, что будет главной составляющей их миропонимания, какие у них будут ценности и убеждения, а следовательно, к какому исходу придет будущая цивилизация.

Литература

1. Анисимова И. Д. Роль образования в контексте проблем современного общества // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009.
2. Голубев В. В. Высшее образование и некоторые проблемы современной цивилизации [Электронный ресурс] // Науковедение: Интернет-журнал. Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/index.php?id=144> (Дата обращения 06.01.2021).

Научное издание

V Международная научная конференция «Потемкинские чтения»
2021 года

Сборник материалов научной конференции
(24–26 марта 2021 года, г. Севастополь)

Ответственный за выпуск В.В. Хапаев
Технический редактор Э.Р. Шихаметова

Электронное издание сборника доступно
в электронной библиотеке
eLibrary

Сдано в набор 01.03.2021. Подписано в печать 09.03.2021.
Формат 70*108 1/16. Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 26,25. Уч.-изд. л. 15,36.

ISBN 978-5-6045525-2-0

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
Тел. (факс): +7 (8692) 43-51-95
Электронная почта: potiomkin_chtenia@mail.ru

299053, Российская Федерация,
г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Официальный сайт организации: <https://www.sevsu.ru/>
Страница конференции: <https://www.sevsu.ru/univers/ionmo>
Адрес электронной почты: potiomkin_chtenia@mail.ru